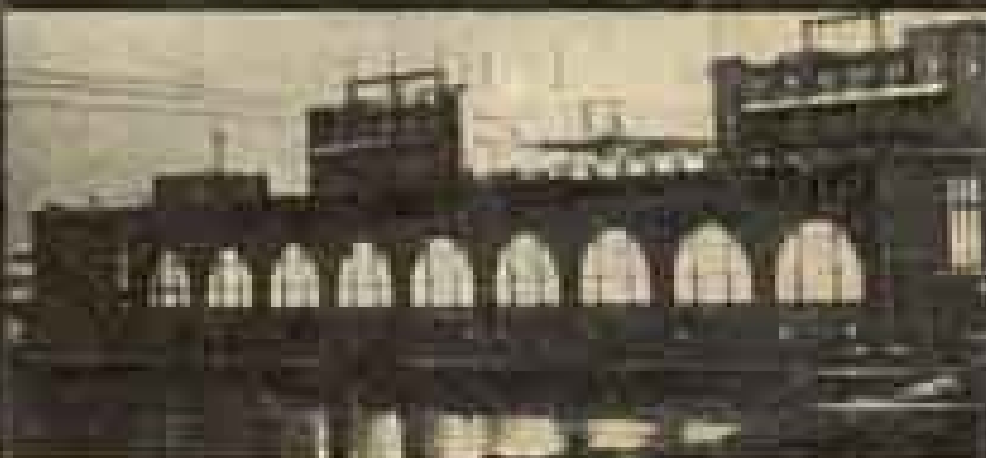

ПЕТР

СМОРОДИН

Владимир
Архангельский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о жизни секретаря ЦК РКСМ Петра Смородина. С именем П. Смородина связана героическая деятельность РКСМ в годы гражданской войны и перехода к мирному строительству.

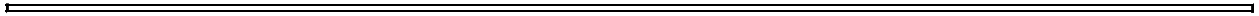
В книге представлены иллюстрации.

- [Владимир Архангельский](#)
  - [В СТОЛЬНЫЙ ГРАД САНКТ-ПЕТЕРБУРГ](#)
    - [БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО](#)
    - [ВЫУЧКА В ЦЕХЕ](#)
    - [ПОДВАЛ В ГЕСЛЕРОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ](#)
    - [БОЛЬШЕВИК СКОРОХОДОВ](#)
    - [КРАСНЫЙ ФЕВРАЛЬ](#)
  - [В СОЮЗ МОЛОДЕЖИ](#)
    - [ЛЕНИН НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ](#)
    - [В КОЛОННАХ ПЕРВОМАЯ](#)
    - [СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ](#)
    - [КОНФЕРЕНЦИЯ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ](#)
    - [КОНЕЦ «ТРУДА И СВЕТА»](#)
    - [ССРМ](#)
    - [РАЗГРОМ КОРНИЛОВА](#)
    - [БУДУЩАЯ КОМСОМОЛИЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ](#)
    - [В РОДНЫХ МЕСТАХ](#)
  - [В БОЯХ ЗА ВЕЛИКУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ](#)
    - [ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!](#)
    - [ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ВАСЕЙ АЛЕКСЕЕВЫМ](#)
    - [ЯН ФАБРИЦИУС](#)
    - [КОМСОМОЛЬСКИЙ ОТРЯД](#)
    - [КОМИССАР СМОРОДИН](#)
  - [ВОЖАК КОМСОМОЛА](#)
    - [БОЕВЫЕ БУДНИ ГУБКОМА](#)
    - [ЛЕНИН В ПЕТРОГРАДЕ](#)
    - [III СЪЕЗД РКСМ](#)
    - [ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СМОРОДИНА](#)
    - [КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ](#)
    - [ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ ЮНОСТИ](#)

- ЦК РКСМ. ЗАБОТА О ПОДРОСТКАХ
  - ДЕТИ И ГОЛОД
  - К XI СЪЕЗДУ РКП(б)
  - XI СЪЕЗД РКП(б)
  - ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ «УПРЯМЫМ»!
  - ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
  - «ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ»
  - К ВОПРОСУ О ДРУЗЬЯХ
  - II КОНФЕРЕНЦИЯ РКСМ
  - V СЪЕЗД КОМСОМОЛА
  - НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ РЕСПУБЛИК
  - РАЗГОВОР С ПОЭТОМ
  - УДАР ПО ТРОЦКИЗМУ
  - КЛЯТВА НАД ГРОБОМ ЛЕНИНА
- ДРУГ И СОРАТНИК КИРОВА
  - ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ
  - ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ
  - СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА
  - СТАРШИЙ ДРУГ
  - ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА
  - ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ
  - ЗАБОТА О СЧАСТЛИВОЙ СМЕНЕ
  - ДОМА
  - ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ОБРАЗ
  - ВЫСТРЕЛ ВРАГА В СМОЛЬНОМ
  - ДРУГ РАБОЧИХ
  - КОНЕЦ...
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Владимир Архангельский

Петр Смородин

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при работе над книгой, М.П. Смородиной, И.Ф. Александровой, С.Н. Белоусову, В.Ф. Васютину, И.И. Гордону, А.А. Дорохову, М.П. Казаковой, А.И. Милъчакову, З.Н. Немцовой, А. С. Трайнину, В, Д. Шмиткову, Е. И. Щагиной.

**В СТОЛЬНЫЙ ГРАД САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ**

БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

У деревенского паренька Пети Смородина, конечно, не было никакой родовой поколенной росписи или ветвистого родословного дерева. Сам Смородин рассказывал о себе без охоты. И о детских его летах сохранились весьма скудные сведения.

Одно лишь известно, что родился он в селе Боринском Задонского уезда Воронежской губернии в 1897 году. Его мать Анна Петровна, в девичестве Лебедева, в шестнадцать лет вышла замуж за отставного солдата Ивана Зотича Смородина. Но семейная жизнь сложилась горько. Едва Петру минуло дней сорок, Иван ушел куда-то в поисках счастливой доли и пропал бесследно.

Анна Петровна ничего определенного не говорила об этом. Внучке она рассказывала, что Иван Зотич ничем не выделялся и в селе его считали мужиком обыкновенным: в политику не ввязывался, с плохими людьми не якшался и каких-либо причуд за ним не замечалось. Просто был старше Анны годов на десять и мало-мальски разбирался в грамоте. И женился бывший солдат не по чужой прихоти, не по приказу родителей, а вроде бы по душе. Но пропал, вот и весь сказ!

Петр во всех анкетах позднее писал о нем: «Отец неизвестно где».

Анна горевала больше года в семье у свекра Зота, затем перебралась с Петергькой в развалюшку своего отца Петра Лебедева. Он работал подвозчиком торфа на сахарном заводе, подбрасывал топливо за двенадцать верст, по копейке с пуда при своей кляче. Нужда была беспросветная: прожиток грошовый, а ртов — что тараканов за печкой, — дети, внуки, невестки, зятя.

Завод принадлежал господам Гардениным. Отец ударил челом хозяину, и Анну подрядили работать на сушке сахара, в цехе выпарки. Однако вскоре перешла она из цеха к барину в услужение, на кухню. Помог случай: старый повар-француз, задумав отбыть на родину, стал приглядываться, где бы найти замену. И обнаружил Анютку: была она молода, опрятна и миловидна. И сметлива, и не противилась новой должности.

Быстро она освоилась на кухне, барской семье пришлась по нраву и проработала у Гардениных двадцать лет: с весны до осени копошилась в боринском особняке — он возвышался над заводом, отгороженный от него говорливой речкой Белый Колодезь, — а зимой — в петербургской квартире господ.

Маленький Петя, по местному речению Петёка, больше десяти годов воспитывался по крестьянству у деда с бабкой: у Петра Ивановича и у Прасковьи.

Дедушка Петр, как шла о нем молва по селу, с ребячества был рубаха парень: пустой говорун и бессребреник. Таким и остался до веку: шустро соображал в получку «об выпить и закусить», и ничто не держалось у него в ажуре, — зипун в дырах, с хорошим ветродуем; сбруя на кляче не ухожена, на дуге — от оглобли до оглобли — глубокая трещина; рыжий треух, давненько сшитый из шкуры дряхлой дворовой собаки, еле примаскивался на макушке. Пол в хате прогнил, того и гляди подвернешь ногу и запашешь носом.

Но в одном у него была всем известная слабость — новые щегольские лапти. Сам он плел их вечерами, при каганце, из ракитовой свежей коры и подпускал по головашкам красоту узорной подковыркой. Носил лапти ровно двадцать ден и непременно переобувался в новые. Ловкий был бедняк, и прозвали его Дюжовым.

И бабка Прасковья находилась при нем, как тень, — тихая, вечно с кочергой, с березовым веником. Или с самоваром — медным, помятым с левого бока: его выставляла она трижды в день на самодельный сосновый стол грубой работы и потчевала всех морковным чаем.

Дед Петр — душевной простоты человек, и все у него на лице написано: и доброта, и минутное озлобление. Запросто мог он отвесить «леща» за провинность. И не со зла, а для острастки, потому что внук рос, по его понятию, как репей при дороге: колючий и цепкий. Да и мастак был шуровать с дружками по чужим садам и огородам. И от ремня не ревел, а ошалело грозился:

— Ну ладно, ладно, дед! Я тебя тоже поцелую, дай только срок!

И выходило так, что дед Лебедев, вроде бы и правый по всем статьям, забирался к внуку на печку и начинал ластиться:

— Ты уж того... Петека... зла не держи. Дед на то и приставлен, чтоб науку давать. От ремня, брат, одна польза: я тебя не с жиру секу, а для твоего понятия...

Как все мальчишки, бегал Петека летом с ребятами на речку Белый Колодезь. Ребята ловили рыбу, а Петека пробавлялся раками: ниже мельницы таскал их из нор руками...

Отгремела первая русская революция. Петеку Смородина обошла она стороной — он ходил в трехклассную церковноприходскую школу. И через пятнадцать лет ответил в анкете на вопрос об образовании: «Сельский университет, виноват: школа три года. Ходил все три зимы, но учился в

общем восемь месяцев».

Так оно и было. Ранней весной и поздней осенью резала обувь, по лужам, по грязи ходить было не в чем. В мороз да при ветре никак не держал тепла дырявый армячишко.

Но учился лихо, кончил с благодарственной грамотой. Выручал дружок Тимошка Смородин: забегал по дороге из школы и все рассказывал, что к чему. А времени было вдосталь: зимой лежала на Петеке одна повинность — трижды на день рубить хворост и таскать в хату.

С третьего класса стал читать запоем все, что попадало под руку. У деда Зота нашлись сказания о великомучениках и отпечатанные в воронежской епархии проповеди для отца Петра Оболенского на каждый праздничный день. На чердаке у Гардениных Анна Петровна добыла журнал «Ниву» года за три, да барыня подарила «Сказки» Андерсена, «Потоп» Сенкевича, томик стихов Гейне и «Тараса Бульбу» Гоголя.

Дед Лебедев теперь не требовал от Петеки священного писания, а слушал всякие байки из журнала: то про сиамских близнецов, то о страшном извержении Везувия. А рассказы о первых полетах пилота Блерио заставлял повторять раза три. А потом сказал со вздохом:

— Живем как тараканы. В мои-то молодые годы, как увидели мужики паровоз, пустили частушку: «До чего народ доходит, самовар по рельсам ходит!» А ноне почище этого «самовара» выдумали. Только не долететь ему при моей жизни до Боринского...

Да, дед убрался через десять лет, так и не повидав ни паровоза, ни аэроплана. И конечно, не мог знать, что после гражданской войны столичные комсомольцы пустят по трассе Москва — Воронеж красивый скорый поезд «Имени Петра Смородина»...

Но это все впереди. А пока Петру шел тринадцатый год. И мать решила, что пора выводить его в люди. На весну и лето пристроила в имени Гардениных для всяких подсобных работ — у конюха и у садовника. А по зимнему первопутку увезла в Питер и определила учеником слесаря на фабрику хирургических инструментов Шаплыгина, на Лахтинской улице, дом № 25. При хозяйских харчах, с койкой в общежитии, по восемь копеек за смену.

Пять лет при таком положении это дело считалось в рабочей среде обычным. А потом что бог даст. Были бы руки на месте и голова на плечах.

ВЫУЧКА В ЦЕХЕ

Помалу притирался Петека в цехе, но с полгода жил воспоминаниями о сельской жизни. Были они обыденными, а бередили сердце крепко: то шумный престольный праздник с ярмаркой и крестным ходом; то шалости в кругу сверстников, и самые яркие среди них — опасные ночные налеты на чужой сад, и за пазухой полно обжигаяще холодных, сочных, ароматных плодов. И удивительные походы по ягоды и по грибы в холмистый лес, давно прозванный Топоровкой, где можно было потеряться, как в джунглях. А то вставали в памяти какие-то простенькие, привычные и совсем безмятежные крестьянские дела по дому, особенно в огороде: весной они с бабкой Прасковьей готовили грядки для подсолнухов, а зимними вечерами, когда не мешался дед, дружно лузгали семечки — это заменяло разговоры. И ни с чем не сравнимый счастливый миг в барской усадьбе — Петека на горячем коне мчится к водопою, без седла, голым пяткам жарко от разгоряченных боков коня, на ветру разлетаются выцветшие от солнца русые волосы. Простор, полет, радостная истома в груди под расхристанной ситцевой рубахой!..

И проходила перед глазами школа — приземистое мрачное здание неподалеку от церкви, где в одной комнате горласто учились все три класса. Тучный поп Оболенский занимал время красивыми байками про апостолов, рассказывал страшные истории из библии. Регент Сергей Дюкарев заставлял петь псалмы, больно таскал за вихры, когда в хоре кто-то тянул козлетоном, или крепко стегал линейкой по загривку. Учительница Варвара Бударина часто читала рассказы из книжки Вахтерова. Она не дралась, как и Анатолий Яковлевич, ссыльный из политических, от которого много набрались уму-разуму. Он в погожие осенние дни водил своих учеников то в лес на Бугдму, за шесть верст от села, то на реку Воронеж, к Крутогорью. Всякий раз собирали плоды и листья для школьного гербария и на привалах говорили про жизнь: о богатых и бедных и про то, что не может быть так вечно, потому что люди труда создают все ценности на земле и когда-то должны стать хозяевами жизни. Кое-что говорил он и о революции 1905 года: как с царизмом дрались рабочие на баррикадах, как крестьяне жгли усадьбы помещиков.

И еще вспоминались «шашки» — веселая озорная игра в бабки. Петека — отчаянный заводила и хитряк — наловчился посылать битую так, что в конце игры всегда пузырилась у него от «шашек» рубаха над

поясом...

Но в Питере дни летели, как колесо с высокой горы. И он вместе с ними убегал все дальше и дальше от всего, чем было дорого детство. С гудком просыпался, по-темному устремлялся в цех; в сумерках возвращался, перехватывал щи либо кашу с куском хлеба — и на боковую.

Полагалось ему крутиться в цехе девять часов: больше на побегушках, на подноске или уборке и для самого беглого знакомства с рабочим ящиком слесаря. Но, бывало, его задерживали или сам он прихватывал час-другой, когда позволяли снимать наждаком окалину со «штуки», подходить к тискам и помаленьку приучать руку к молотку.

Как помнят люди, выдавшие Петра в эти годы, был он паренек рослый, худой. По характеру гордый и молчаливый. Многие старшие понимали, что все это вроде бы знак его сиротства, и относились к нему сердечно. Он это чувствовал тонко и отвечал лаской. Пытливые серые глаза с золотистыми крапинками теплели. От доброго слова оживлялся заметно и работал с огоньком.

А вообще-то, было несладко. Учили плохо, к станку не приваживали, зато подзатыльники раздавали запросто. «Если получали затрещин в день десять, это хорошо, а то и двадцать», — вспоминал о том времени Смородин. Чаще всего прикладывали руку свои люди — старшие ученики, за ними — мастера, а то и приказчики. «Положение ребят, особенно из деревни, — забитость, нищета... Вот почему после нескольких лет ученики легко воспринимали революционные идеи... Мы ненавидели городского, пристава, околоточного, хозяина, приказчика, мастера... уважали только своих, кто вместе с нами поступил».

Тем, кто не знал его близко, Петр казался болезненным: острые лопатки зримо выпирали из-под рубахи, и кожа на лице была слишком белая — без румянца и без загара. А он был здоров, только для нормального роста не хватало ему харчей при нищенском заработке ученика. Ходить же к матери всякий день на барскую кухню не позволяла рабочая гордость.

С первой полочки, в студеный ноябрьский вечер, помчался он к Анне Петровне. Скинул шапку у порога, чинно сел на табуретку, не скрывая улыбки, погремел серебром в кармане и выложил на стол два целковых. Немного, конечно, только дороже этих денег у него уже никогда не было: свои, кровные, первые, рабочие!

Мать всплеснула руками. Давай скорей угощать его кофею с мятным пряником. То-то счастье: объявился будущий кормилец, хозяин.

— Ой, Петька, вот день-то ноне добрый! Теперь у нас все как по маслу

пойдет... Я уж тебе подкину трешницу, подадимся завтра сапоги покупать. С них начнем, и так до самой макушки, чтоб был ты у меня справный мастеровой!

Посудачили обо всем: и про господ Гардениных, и про всю боринскую родню. И Петр сказал, что с нового года — за старание его! — положат ему за смену шестнадцать копеек, и тогда в месяц будет причитаться четыре рубля. Через полгода — шесть, через год — восемь.

— А как долезу до конца учения, — и все двадцать! Поболее деда буду тебе таскать. Хочешь, золотом, хочешь, бумажками. Или тебе, маманя, медяками? Вот бы копейками — полную шапку!..

Петя вскоре ушел, а Анна Петровна долго переживала эту встречу. Она и гордилась, что сын при деле, а в душе жалела его. И удивлялась, что раскрылся он перед ней какой-то новой гранью. Но рассудила по правде:

— Что спрашивать с мальчишки? Дите, оно и есть дите. Только что-то сдвинулось в нем с места, видать, стал в понимание входить...

Так оно и было. Еще раз-другой отвесили ему затрещину — и отступились. Волчонком щетинился он. Не убежал, как другие, почесывая больное место, а оставался там, где его настигли. Овсяной чуб закрывал правый глаз, а левый так и сверлил, колол обидчика. Того и гляди молоток схватит. Да ну и черт с ним, лучше не связываться! Других, что ль, нет? Те любое стерпят!

Ан и те проснулись — вологодские да новгородские, скопские да костромские. И потянулись они к Смородину, словно была у его плеча надежная защита. И говорят, была. И уж одно точно: когда новенький бежал по цеху рядом с Петькой или тащил с ним ящик, от затрещин он избавлялся.

Но однажды старший ученик Кузька Громов так поддел Сеньку Зевина локтем, что у того левый глаз стал в синих разводах.

Мальцы решили устроить Кузьке темную. Петр их поддержал, и они постарались. Все вышло очень натурально: без крика и, видать, крепко. Кузьки до обеда не было в цехе, потом пришел он как помятая солдатская манерка и держался с той поры чистым ягненком.

Может, и догадывались люди, по чьей указке так «просветили» Кузьку, но наружу это не вышло. И старый рабочий Иван Харитонович Косульников сказал Смородину при удобном случае:

— Вот так друг за дружку и держитесь. Смелей, тесней! И рабочего достоинства не роняйте. А в свободные дни можно в Народный дом сбегать и послушать, о чем там толкуют умные люди...

Пять лет провел Петр в учениках, прежде чем стал слесарем-

инструментальщиком. Он раздался в плечах, сделался коренастым — при среднем росте — и как бы пожизненно определил для себя покроем одежды: пиджак, косоворотка или верблюжий свитер под шею, кепка и брюки в сапоги — типичный питерский мастеровой, хорошо знакомый нам по киноленте «Юность Максима».

Для парня умного и наблюдательного годы ученичества на фабрике Шаплыгина были открытием мира. Но, работая девять, а потом десять часов с половиной, горевал, что маловато у него образования, а учиться дальше нет пути.

Кто-то к этому прислушивался. И пожалуй, прежде других толковая девушка Анна Сарина. Она работала упаковщицей готовых изделий в цехе.

Когда выдавалась свободная минута, она подзывала Петра и будоражила его разговорами о событиях в столице, о литературе. И все указывала на Максима Горького — он и жил неподалеку, на Петербургской стороне, и Анна частенько видела его на прогулке в садике у Народного дома, когда возвращалась с фабрики.

— Для меня он сейчас самый достойный пример в России. Человек как мы с тобой, а сам до всего дошел. Так что и ты учись сам: нам нужны образованные рабочие. Парень ты подходящий. Скоро выдвинем тебя от молодежи в фабком. Будет у тебя иногда свободный час — читай! И на собраниях профсоюза набирайся ума!

— Сговорились, што ль, вы с Иваном Харитонычем! Все «мы» да «нас». А кто это «мы»?

— Организованные рабочие, Петенька. И действуем не только по своему хотению, но и по указанию комитета. Все в свое время узнаешь...

Через неделю принесла Анна книгу Горького «Детство» и сложенную восьмушкой газету «Правда». Книгу Петр отложил на воскресенье, а газету прочитал в каком-то угаре. И удивился несказанно, что рабочий паренек ясно выразил мысли, месяцами волновавшие его: «Когда мы будем организованы, мы не будем беззащитны и сможем пойти рука об руку с большими рабочими». И даже записал стихи в своей заметке:

*В союзы, в союзы, подростки!
В союзы, в союзы скорей.
Союз нам всю правду расскажет,
Союз не откажет в нужде.
Лишь только в союзе, подросток,
Найдем мы защиту себе.*

Петр размашисто ходил между коек в общежитии и говорил своим друзьям:

— Вот, а! Небось вахлак вроде нас, а туда же! И откуда берутся такие?

Про себя же подумал: «От Харитоныча, от Анны, вот от кого, честное слово! Что-то где-то знают они больше моего. Но я не отстану, хоть живут они очень скрытно».

Проглотил «Детство» Горького и отравился чтением. Теперь держал он под соломенным матрацем «Овода», и «Спартака», и заветный томик стихов Некрасова.

Помнят его люди в те дни: подступает ночь, всех клонит ко сну, а он шагает в узком пространстве между койками, вскидывает русский чуб, поминутно падающий на глаза, и читает стихи:

*Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым.
Целый день на фабрике колеса
Мы вертим-вертим-вертим.*

*...Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит,
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит-гудит-гудит...*

— Все ясно? — спрашивает он товарищей и ложится спать. — Не плакать и не молиться!..

ПОДВАЛ В ГЕСЛЕРОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Кто бы мог подумать, что такая спокойная, рассудительная Анна, женственная, красивая, с черной косой под голубым платочком и с глазами как спелые синие сливы; и неприметный Иван Харитонович — не в меру тихий, с окурком за левым ухом и циркулем в верхнем кармашке старенькой спецовки из чертовой кожи, — люди из партии Ленина.

Но Смородин дознался! Не сразу, конечно: на фабрике Шаплыгина, как и на всей Петербургской стороне, было очень много меньшевиков — крикливых, шустрых, иной раз и крепко начитанных. И они задавали тон, когда собирался народ обсудить кое-какие неотложные свои дела.

Петр не терпел звонких фраз, обычно пустых. И Анна с Харитонычем были ему ближе: молчаливой решимостью, ясностью цели, рабочей скромностью и делом. Только они, хоть и редко и скупно, говорили доброе слово о большевиках, и только они давали ему читать газеты, которые во весь голос требовали улучшения условий труда и быта подростков. И лишь они подсказали Петру собрать среди мальчиков хоть малую сумму денег для конфискованной газеты «Правда труда».

В первую же получку Петр собрал три рубля семнадцать копеек.

— Вот и дело! — обрадовался Харитоныч. — Я уже давно замечаю, что парень ты с понятием. Учись, на рожон не лезь, береги себя. Скоро придет твой час: пойдешь с подростками охранять завод во время стачки... Ждать пришлось недолго.

Жарким летом 1914 года, в канун войны, организовано пошли на забастовку рабочие Питера. Без промедления всколыхнулась и вся Петербургская сторона. Первый раз за все три года Петр не работал в будни, а прогуливался с ребятами возле фабричных ворот: молодым поручили зорко глядеть, чтобы не проникли в цехи штрейкбрехеры.

На Лахтинской было тихо. По четной стороне изредка прохаживались малой группой сытые городовые, позвякивая медалями и «селедками». Их не задевали.

А на соседней, Выборгской стороне шел бой и у шаплыгинцев отзывался болью. Петр послал двух мальчишек в разведку. Они вернулись с горящими глазами:

— На углу двух переулков — Языкова и Головинского — баррикада! Сгромоздили ее подростки. Стащили барахло из домов, повалили три столба, опрокинули четыре телеги. Фараоны с пистолетами, ребята

отбиваются камнями и поленьями. Убитых нет, но бой как на войне! На другой день пришла весть: неподалеку от баррикады появились казаки на заводе «Струк», человек двадцать. Но в дело не ввязываются, словно ждут чего-то. Молодых защитников разморило жаркое лето июля, и они гурьбой пошли купаться в пруду на Языковом переулке. Полицейские и казаки совершили налет, разломали и сожгли баррикаду.

Петр сделал вывод: молодые на Выборгской стороне организованы теснее, но нет у них хорошего вожака.

Теперь он все чаще думал, как сплотить ребят — дисциплиной железной, но сознательной. Но удалось это сделать только будущей весной.

Загремела, запыхала мировая война. Хирургический инструмент Шаплыгина пошел по большой цене, рядом с оружием. Многих рабочих угнали на позиции, Петра все чаще стали допускать к станку; теперь он не выходил из цеха двенадцать часов.

В первые недели народ словно одурел: разгромил немецкие магазины и на всякие ура-манифестации бежал как оглашенный.

Однако Харитоныч и Анна головы не потеряли. Они держали и Петра на примете, и он по их совету осторожно совал в рабочие ящики листовки с обжигающими словами: «Долой войну!» Поздними вечерами бегал расклеивать прокламации Петербургского комитета большевиков против этой самой войны — империалистической, грабительской. Вскоре на его плечи возложили большие дела по организации рабочей молодежи всей Петроградской стороны.

Он долго искал помещение, где собираться надо тайно, а говорить можно открыто, свободно.

Помалу попались ему подростки, которые думали так же: Коля Лавров с завода Гейслера, Вася Вьюрков — с завода Лоренца, Яша Цейтлин — с фабрики Керстена, Таня Граф и Ваня Кулешов. И почти все они называли один адрес: Геслеровский переулок, дом № 23. Там располагался девятнадцатый приют попечительства о бедных, или Детский клуб-очаг. Руководил им бывший народоволец Киро-Донжан, и о нем говорил Кулешов как о человеке со светлым кругозором и что дело поставлено у него «с демократической примесью».

Петр прошелся раз-другой по Геслеровскому. Увидел объявление: «Детский клуб-очаг на время отсутствия родителей принимает детей в свои стены».

Осмелился, зашел туда. Помещение подвальное, с выходом во двор: две большие комнаты и кухня. С девяти вечера все там замирало. Охраняли «очаг» попеременно два сторожа — по всему, люди надежные, из увечных

рабочих.

Петр рискнул представиться управляющему. Киро-Донжан понял с двух слов, что будет кружок, а может быть, и политический клуб молодежи.

— Только соблюдайте меры осторожности! Я вам мешать не буду. Но если поползут слухи о ваших сборищах и вокруг «очага» станут крутиться филеры, я все прикрою мигом. Жизнь есть жизнь, хватит с меня и той каторги, которая поглотила мою юность!

— Да ведь мы с умом, господин управляющий! Народ у нас по азам ходит: арифметика, география, литература. А чуть что — я и сам не допущу этого!

Так и договорились: сбор в десятом часу, сторож навешивает на дверь «очага» наружный замок, кружковцы надежно задергивают шторы и воздерживаются от криков и громких песен...

И работа пошла. Народу — человек до тридцати: фабричные подростки, мальчики от ремесленников, гимназисты, даже люмпены, — две уличные «партии» — колтовская и грязновская. Не отталкивал Смородин и этих отпетых: они ядро улицы, ее глаза и уши, и лучше дать им дело, чем, не дай бог, обратить во врагов.

Ваня Кулешов отмечал: кружок был разнородный, публика куда пестрая. Но строгая, умелая и тактичная рука Смородина скоро ввела дисциплину и послушание. Петра считали одержимым. Да он был и по годам старшим, и свою мысль четко выразил в первый же вечер:

— С нынешнего дня определяем для себя, товарищи, цель жизни. В чем она? Мы нашли дело, которое больше нас, так соберем силы и постараемся вырасти вместе с ним. Говорю по-рабочему: кто не с нами, тот против нас! Дружба, сплочение, тайна — это наш девиз. А болтунов и бесхребетников вон!..

Все это было сказано так, что даже уличные ребята, а среди них были и буяны и пьяницы, быстро покорились воле Петра. А рабочим подросткам он внушал и отдельно: время не терять, учиться прилежно, верить в успех дела и никого не бояться!

Был у ребят повышенный интерес к политическим беседам, и, когда разгорался жаркий спор, расходились далеко за глухую петербургскую полночь. Кулешов отмечал: «Программы, конечно, никакой не составляли. Говорили о патриотизме, о войне; ч трудом добытый Смородиным лектор читал антирелигиозную лекцию против Николая-«чудотворца», немножко политэкономии. Бывали и такие случаи, когда довольно смело подавались лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Однажды после такой лекции Колька Лавров рассказал о ней отцу; тот, конечно, удивился и в

назидание сказал: «Валяйте, ребята, достучаетесь! Вам, шарлатанам, соединят!»

В кружке часто проводили политические суды: над царем, хозяевами, Распутиным, генералами, которые драпали от германцев почти по всему фронту. На таких вечерах молчальников не было.

Позже появился в кружке опальный и бездомный профессор Александр Иосифович Доливо-Добровольский: в старом берете, в какой-то черной распахайке без рукавов, зато с красивыми медными львами на застёжке.

Петр неожиданно разговорился с ним в чайной на Большом проспекте Петроградской стороны.

И случилось так, что почти на пять лет Доливо-Добровольский притулился к рабочей молодежи Петроградской стороны. Вел занятия в «очаге» на Геслеровском, а после Февраля — на Съезжинской и на Монетной, где жил вместе с ребятами.

Про таких, как он, говорили незлобиво — «чокнутый». С каждым годом жил труднее, голодал хронически, а перед очередной беседой все же часами рылся в Публичной библиотеке. Лишь изредка в бессонные ночи выкраивал время для обширных своих эстетических мемуаров и для книги фрагментов, явно рассчитанной на узкий круг словесников. По вечерам являлся в кружок без опозданий и говорил так, словно листал мысленно все тома энциклопедии от буквы А до буквы Я.

В один из вечеров Петр привел в «очаг» Александра Касторовича Скороходова, недавно появившегося на Петроградской стороне. Он рассказал кружковцам, как относится к войне Ленин: войну эту надо повернуть против царя, помещиков и капиталистов. Война войне! Долой царя! Да здравствует революция! И вместе с Касторовичем и Доливо-Добровольским далеко за полночь закончили занятия песней, боевой, вольной, в рефрене у которой был откровенный призыв к ожесточенной войне против ненавистного царского строя:

*На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!*

Но пели приглушенными голосами: за такую песню полагалась катажка, а то и «Кресты» — мрачная тюрьма на Выборгской стороне...

БОЛЬШЕВИК СКОРОХОДОВ

Александр Кастанович Скороходов появился в Питере по своей воле, но доставили его жандармы из Николаева, с завода «Наваль».

Там он подбил на стачку одиннадцать тысяч рабочих. Те потребовали «военной надбавки» из-за дороговизны, кто-то стал выкрикивать лозунги против империалистической бойни.

Скороходов ультимативно выступил на митинге:

— Дадим клятву — от своих требований не отступить!

Он снял шапку, встал на колени, поднял руку. Навальцы последовали за ним. И выдохнули:

— Клянемся!

Семерых зачинщиков во главе со Скороходовым решили забрать в солдаты.

Однако власти просчитались. Рабочие «Наваля» заявили им в самой категорической форме:

— Вернуть товарищей! Иначе поднимем на стачку весь город!

Александра Кастановича потребовал градоначальник вице-адмирал Мязговский:

— Собственно говоря, чего вы добиваетесь, господин Скороходов?

— Надбавки для работающих — они не сводят концы с концами.

— Дадим. Еще чего?

— Не провоцируйте бастующих, ваше превосходительство. Нас отправьте не в солдаты, а в Петроград. И разумеется, на казенный счет.

Мязговский задумался: вся штрафная семерка была драгоценной элитой токарей и слесарей. И на военных заводах она шла на вес золота, особенно на фоне женщин без квалификации и желторотых подростков, которые изо дня в день толпились у конторы по найму.

Из столицы Мязговскому ответили:

— Отправляйте, черт с ними! Тут такой ералаш, что и света божьего не видать. Будет еще семеркой бунтовщиков больше, какая разница!..

Скороходова старые большевики знали давно: кто по Сормову, кто по ссылке в Яренск, кто по Оренбургу и Николаеву. В Нижнем Новгороде он сдружился с Горьким.

Горький был в Питере, и Александр Кастанович тотчас же явился к нему на Кронверкский проспект.

А другие нижегородцы — старые друзья по революционной работе —

рассыпались или пропали: Андрей (Яков Свердлов) отбывал ссылку в Туруханском крае, Лопата (Василий Десницкий) жил в Швейцарии, Петр Заломов, Яков Полозов и Иван Шибяев были в нетях, Ольгу Генкину растерзала «черная сотня» в Иваново.

И все же кой-какие земляки из Сормова держались на столичных заводах и негласно сбивались кучкой вокруг Дмитрия Павлова и его жены Марии на Выборгской стороне, где просто чудом сохранялась явочная квартира Русского бюро ЦК большевиков.

Дмитрий и устроил Скороходова у выборжцев, на заводе «Старый Лесснер». Однако администрация обнаружила нового рабочего в тайном «черном списке» и вышибла на другой же день.

Как говорят биографы Скороходова, горько шутили товарищи:

— Тебя, Саша, как Шаляпина — везде знают!

Но в беде не оставили. Познакомили со своими жожаками — Иваном Чугуриным и Мартой Лепинь, которая только что бежала из иркутской ссылки с паспортом на имя Евгении Николаевны Егоровой и была известна под кличкой «товарищ Женя». И помогли устроиться на Аптекарском острове Петроградской стороны у «Дюфлона». А жить он остался на Выборгской стороне, в том самом Головинском переулке, где два года назад подростки дрались на баррикаде...

Охранка весь год громила комитеты большевиков. И на Петроградской стороне осенью шестнадцатого года при невыносимом засилье меньшевиков и эсеров оставалось ленинцев человек сорок. Но и эта группа таяла на глазах после каждого митинга. Сидел в тюрьме Николай Комаров, сидел и Сергей Прохоров, чудовищно избитый при аресте: он пришел в сознание лишь на другой день в одиночной камере на Шпалерной. Кое-как держался Константин Блохин, да начал появляться на сходках Иван Лепсе — он вернулся с фронта по тяжелому ранению.

Скороходов — человек недюжинного ума и крепкой воли — стал крупнейшей фигурой в большевистском подполье Петроградской стороны и на год с лишним сделался духовным отцом Петра Смородина.

Пока сидел в тюрьме Прохоров, Александр Кастанович создавал заново организацию по заводам, руководил политическим кружком в Крестовском трамвайном парке, появлялся на сходках у шаплагинцев, и по его совету Смородина избрали членом фабричного комитета профсоюза.

Как-то он сказал Смородину:

— Завтра воскресенье. А на Выборгской стороне, У рабочих «Нового Парвизайнена», — похороны. Погибли трое. В снарядной мастерской подростку приказали надеть ремень на шкив во время хода машины. Его

разорвало на части. А в литейной выбило пробку из печи. Сгорели — старик и молодой. Ты собери денег на похороны, отвези венок. Будет случай — скажи от нас два слова. Только не зарывайся: кругом чужие глаза и уши...

Петр пришел на завод, когда люди, негодуя, клеймили позором буржуазию: она ради своего благополучия не ставит и в грош жизнь рабочего на фронте и в цехе. И подлил масла в огонь:

— Рабочие Петроградской стороны с вами, товарищи! Им близки и ваша скорбь, и ваше негодование. Довольно с нас крови на фронте, не допустим гибели товарищей в столичном тылу!..

В морге клиники Вилье три гроба подняли на руки и понесли к кладбищу. Петр нес свой венок в головной колонне, где были иконы и другие венки. На одном, обвитом кумачовой лентой, ярко выделялись слова: «Жертвам ненасытного капитала». Бравый унтер с тремя фараонами сунулся к этой ленте, но молодые рабочие молча схватились за руки и далеко оттерли полицию.

У кладбищенских ворот в людском море кто-то затащил: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И все согласно подхватили слова траурной и боевой песни. На могилах порывались сказать слово большевики, но в толпе было много людей подозрительных, и им выступать не дали. Только один парень — Павел Бурмистров, — держась за новый деревянный крест над свежим холмиком, крепко сказал, за что невинно погибли товарищи.

Вместе с Павлом Петр прошел до остановки трамвая.

— Ты что ж, большевик? — доверительно спросил Смородин.

— Нет. Я анархист: бога нет, царя долой, анархия — мать порядка!

— Тю! — удивился Петр. Он еще мало знал про анархистов, а спросить постеснялся.

В тот же вечер Александр Кастанович кое-что успел объяснить ему:

— На гребне революционной волны кого только нет! Всякий, кто протестует против существующего порядка, верит в свою правоту, но иной раз городит несусветную чепуху. Анархисты, хоть и говорят, что они тоже из лагеря социализма, как и мы, но их теория и их дела враждебны марксизму. Это мелкобуржуазное политическое течение. Оно отрицает всякую государственную власть, в том числе и диктатуру пролетариата. А переход к обществу будущего хочет осуществить без организованной политической борьбы пролетариата с буржуазией, без создания пролетарской партии. Но истинному пролетарию, который не мыслит себя вне коллектива и его борьбы, всякий анархизм — гиль и чистый вздор!.. Боюсь, что твой новый знакомый погнался лишь за крикливой

анархистской фразой, а дела за ней не видит. Он ведь рабочий! Если умный, так разберется и от анархистов уйдет!..

В канун семнадцатого года и на Петроградской стороне события шли так, что Петр едва поспевал за ними: ни дня без стачки! То у одних, то у других. И непременно — демонстрация. И все громче, острее кричали лозунги с красных полотнищ. Сначала: «Долой войну!», затем: «Долой самодержавие!»

Подростки не отставали от старших, а иногда затевали заваруху и сами. Да и понятно: работали они как ляжет мастеру на душу. И тринадцать и четырнадцать часов, да еще убирали помещение после смены.

Правда, заработки стали выше. Но без толку: деньги крепко упали в цене, и за что недавно платили рубль, теперь надо было выложить два с полтиной. Хлеб, мясо, сахар, масло добывали с боем, в очередях, собиравшихся еще до рассвета. Подступал голод.

Одна за другой созывались конференции профессиональных союзов: у металлистов, печатников, текстильщиков, пекарей. Шума было достаточно, а дела на грош: фабриканты и заводчики, опьяневшие от барышей, не уступали ни пяди.

На одной такой конференции Петр просидел три дня. И время пропало бы даром, если б не знакомство с нужным человеком, который вскоре стал ему близким другом. Это был Вася Алексеев. Его не так давно выставили из пушечной мастерской Путиловского завода, посадили на три месяца в тюрьму. Теперь он представлял на конференции молодежь завода «Анчар».

Фигура была у него затрапезная: и ростом маловат, и худ, и бледен. Тонкую шею охватывал кольцом потертый серый свитерок, суконное пальтишко побито на локтях, люстриновый пиджак здорово выношен. Такой себе обычный питерский мастеровой. Но живчик и острослов, только говорил с придыханием, заикаясь.

Откровением было для Петра, что этот его сверстник уже четыре года в партии; и что в те же самые дни, когда открылся кружок в Детском клубе-очаге, Вася создал свой кружок в пушечной мастерской. И дело поставлено у него образцово: собираются только рабочие парни. Мыслят они согласно. На занятиях далеко углубились в теорию Маркса: от «Манифеста» до «Капитала». Собираются тоже скрытно, а в погожие, теплые дни в помещении не сидят. Рядом взморье, лодки: и петь можно, и шутить, и говорить без оглядки. И разносят ребята из кружка газеты, листовки, и поговаривают, как бы собрать в одно все молодые силы Нарвской заставы в борьбе за свои права.

Больше того, у путиловцев работает и другой тайный кружок. В нем заправляют друзья Алексеева — Иван Тютиков и Иван Скоринко.

Расстались они на Обводном канале. Вася направился к Нарвской заставе, в деревню Емельяновку, где жили его мать и невеста. Не о нем ли, зная, что он жених, товарищи его — путиловцы, сочинили песенку:

*...Нарвская застава. Путиловский завод.
Там работал мальчик — двадцать один год.
Работал он работал, да вдруг перестал:
Он за забастовочку в тюрьму попал,
Деревня Емельяновка, самый старый дом,
Там живет девчонка и думает о нем.
Плачет, и рыдает, и сквозь слезы говорит:
— Как теперь кормиться, как я буду жить?
Шаль я заложила, юбку продала,
Но твои все книжки, милый, сберегла.
Сберегла колечко, сберегла любовь.
Выйди на свободу, миленький дружок!..*

Скороходов в конце 1916 года стал членом Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков и уже не мог отдавать все силы Петроградской стороне. Активистам из молодежного кружка выпала задача: поднимать рабочих у Шаплыгина, Семенова, Керстена и «Дюфлона». Правда, у «Дюфлона» на Петра надели меньшевики. Пришлось искать поддержки у Александра Касторовича. Он явился на завод 7 января и так выступил перед рабочими, что они почти единодушно решили не выходить к станкам девятого.

К этому дню определилось ясно, что без молодых рабочих, которые держались кружка Смородина, одним старым большевикам Петроградской стороны не справиться: на второй день Нового года охранка накрыла почти весь Петербургский комитет. Сел в тюрьму и Константин Блохин — правая рука Скороходова в районе.

Кружковцам теперь приходилось поспевать всюду: на митинги и сходки, и говорить толково, обстоятельно, чтоб их слушали; быть связными между районами, разносить листовки, выслеживать филеров и держаться в охране у ворот бастующих заводов.

Петр виделся со Скороходовым день в день и, как говорится, бога благодарил, что тот не попал к охранке в сети 2 января: сидеть бы ему

неприменно!

Скороходову помог спастись давний опыт подпольщика. Он уже добрался на трамвае до Нарвской заставы, до самого дома Федора Лемешева, где собирались комитетчики. Но заметил филера на улице, завернул на Выборгскую и успел предупредить Чугурина и Каюрова. Так накануне 9 января в ПК остались в основном большевики с Петроградской и Выборгской сторон.

Боевая тройка — Скороходов, Чугурин, Каюров — и кооптированные новые члены ПК в очередной листовке четко определили главные лозунги дня: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!»

В ПК шел спор: надо ли еще раз повторить лозунг «О создании боевого органа рабочего класса — Совета депутатов трудящихся», как в ноябрьские дни 1915 года? Но, памятуя критику Ленина в тот раз, о Советах не написали. Зато выразили мысль: протянуть руку дружбы товарищам по классу в воюющих странах, чтобы совместно бороться против всемирной системы капитала!

9 января 1917 года началась в столице самая мощная стачка за все годы войны: двести тысяч человек оставили работу. На Выборгской стороне и за Нарвской заставой она носила всеобщий характер: пламенные призывы большевиков прямо на глазах превращались в лозунги революционного действия!

Александр Кастанович как-то сказал Смородину: — Это первая революция, которую ты делаешь на своем веку. Не прозевай: за всю рабочую молодежь Петроградской стороны спрос с тебя! Сколачивай ее в крепкую боевую дружину. Требууй, бейся, организууй! От других дел тебя освобождаем!..

КРАСНЫЙ ФЕВРАЛЬ

Но все пошло не так, как они прикидывали. 22 февраля подали боевой сигнал тревоги путиловцы. Год назад их завод был передан военным властям, теперь эти власти решили закрыть его, чтобы ликвидировать крупнейший революционный очаг в столице. Рабочие пришли к смене, а на заводских воротах висел замок. Из-за локаута тридцать тысяч человек оказались на улице и понесли в себе заряд огромной взрывчатой силы.

Многие кинулись к товарищам на заводы Нарвской заставы и Выборгской стороны. Их поддержали все, кто уже собирался идти на стачку из-за нехватки продуктов и дороговизны. Работницы, ожесточившиеся в очередях, бросились громить хлебные лавки.

Утром 23 февраля, в Международный женский день (8 марта по новому стилю), грянул первый гром революции.

Под лозунгами большевиков в дело активно включились работницы — против голода, войны, самодержавия.

Сто тридцать тысяч человек заполнили улицы Питера. «Правда» писала об этом дне: «Женщины были настроены очень воинственно. Не только работницы, но и масса женщин, стоящих в хвостах за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах... они останавливали трамваи. «Товарищи, выходите!» — раздавались энергичные возгласы. Они являлись на фабрики и заводы и снимали с работ».

Начались стычки с полицией, кое-какое брожение стало заметно и среди солдат столичного гарнизона.

Выборгский район шел во главе: именно там прозвучал призыв ко всеобщей стачке. Впервые на митингах люди говорили открыто: «Да здравствует революция!»

Из рабочих районов начали теснить фараонов к центру города, где был еще оплот царизма. Охваченный революционным порывом, огромный город кипел весь день.

Меньшевики пытались удержать народ от выступления.

Сморозин в тот день кричал до хрипоты на четырех митингах:

— К чертовой матери этих успокоителей, братцы! Только на улицы! Там наша сила, там наша правда!

Перед ночью большевики собрались в квартире Ивана Александрова на Выборгской стороне. Решили поднимать рабочих неустанно, всех звать на митинги к Казанскому собору под лозунгами: «Конец войне, долой

самодержавие!»

Меньшевики оказались в обозе. 24 февраля по улицам прошло двести тысяч человек, и на главном проспекте столицы митинговали они до ночи. Конные городовые двинулись против демонстрантов на Знаменской площади, но отступили под градом камней, поленьев, осколков льда. Наметился перелом в войсках: казаки видели, как теснят городских, но оружия не применили.

25 февраля, с утра, у демонстрантов была в руках листовка ПК большевиков: «Все на борьбу! На улицу! Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить головы за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок революции и в других странах... Все под красное знамя революции! Долой царскую монархию! Долой войну!»

Переполошился царь в своей могилевской ставке и приказал генералу Хабалову «прекратить в столице беспорядки». Генерал велел стрелять в народ на улицах. Но время уже было не то, и каждый выстрел лишь приближал конец самодержавия.

Триста тысяч человек теснились на улицах и площадях. Кое у кого было и оружие. И развернулось настоящее сражение на перекрестках, мостах через Неву и даже на льду реки. Перед натиском Хабалова рабочие отступили. Но поражение понесли генерал и его зверствующие офицеры. Восстала против них четвертая рота Павловского полка, как только узнала, что их учебная команда расстреливает безоружных рабочих. И двинулась к Невскому защищать бастующих. А по дороге обстреляла и рассеяла крупный отряд городских.

Ночь не принесла отдыха: Хабалов подтягивал войска, рабочие добывали оружие. Две силы снова столкнулись 26 февраля. На Петроградской стороне, как и по всему городу, бои не затихали. Злобствовала охранка. И по доносу провокатора на Большом Сампсониевском проспекте, в квартире Александра Куклина, захватила во время заседания Скороходова и почти всех членов ПК.

Выборгский райком партии взял на себя функции ПК и Русского бюро ЦК большевиков и выдвинул лозунг вооруженного восстания. И это был тот решающий час, когда революция властно вступала в свои права. Путиловцы уже захватили завод и создали Временный революционных! комитет, в который вошел и Вася Алексеев.

Сморозин митинговал на фабрике Керстена, когда прибежал Ваня Кулешов и шепнул, что Александра Касторовича только что увезли на

Мытнинскую набережную, в камеру охранного отделения.

— К оружию! — загремели на митинге. — Навалимся двумя сотнями на Кронверкский арсенал, возьмем винтовки, освободим Скороходова!

Уговаривать никого не пришлось. И молодые и старые штурмом пошли на Арсенал. И сверх ожидания операция прошла бескровно. На соседней, Троицкой площади, возле цирка «Модерн», построились с винтовками в две шеренги. Петр сказал:

— Первая сотня — против фараонов! Вторая — к Скороходову! Но чтоб винтовки были целы: сумеете укрыть их на ночь надежно! И завтра будет бой!

Троих недосчитался Петр к вечеру — их ранило, когда на Мытнинской набережной шел разгром охранного отделения.

Александр Касторович стоял на заснеженной улице в возбужденной толпе товарищей и щурился от яркого света: охранка, где он только что сидел, полыхала факелом.

— Эх, жечь бы не надо! — посокрушался он. — Там ведь документы, тайные списки провокаторов.

К вечеру 26 февраля не осталось на Петроградской стороне крупных узлов сопротивления...

Но целехонько стояли еще в Литейной части и на Выборгской стороне две главных столичных тюрьмы и казармы Московского полка.

Как только 27 февраля дошел слух, что Волынский полк перешел на сторону народа, увлек за собой полки Литовский и Преображенский и вся эта лавина солдат двинулась к Выборгской стороне, не остались в своем районе и молодые рабочие Петроградской стороны. Смородина с отрядом видели и у Петропавловской крепости, и у главного Арсенала, где восставшие захватили сорок тысяч винтовок и тридцать тысяч револьверов, и у Финляндского вокзала.

Там Петр впервые встретился с Михаилом Ивановичем Калининым, который направлял восставших громить «Кресты»:

— Если хотите иметь вождей, то вон рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить.

В тот же день вечером в руках у Петра был манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», написанный Василием Каюровым. Пять дней ожесточенных уличных боев не пропали даром. И партия в первых же строках манифеста имела право сказать всему миру: «Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа...»

И хоть не было в манифесте ни слова о Советах, еще 24 и 25 февраля

Иван Чугурин и Александр Скороходов с другими товарищами в районах Питера начали выдвигать представителей в Совет рабочих депутатов, чтобы взять это дело в свои руки. И Владимир Ильич Ленин позднее отмечал: «...в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти».^[1]

Да, меньшевики были в обозе. Но пока революция сметала старую власть, эти краснобаи осмелели и появились в Таврическом дворце, чтобы помочь буржуазии создать новую власть.

Все пошло не так, как прикидывали еще недавно Скороходов и Смородин. Не было дня, чтоб не шли милые разговоры о свободе, равенстве и братстве по французскому образцу, как говорил об этом Максим Горький. И мильераны прямо на глазах вызревали в каждой меньшевистской теплице, готовые распоряжаться властью, за которую не они умирали на улицах.

Молодежь Петроградской стороны просто опьянела от свободы, хотя ничто не изменило ее труда и быта: работала она на заводах часов по тринадцати, голодала и мерзла, дров и угля не подавали в достатке.

Кружковцы разбежались из «очага» в Геслеровском переулке, и возле Петра и Доливо-Добровольского Держалось человек семь самых стойких. Остальным была ближе удивительная и странная позиция меньшевиков, которую они развивали в своих газетах: «Нужно молодые, еще неокрепшие умы, еще не привыкшие разбираться во всех сложных вопросах политики и тактики, Держать в стороне от разногласий, раздирающих... социалистические фракции».

И часть молодежи держалась в стороне, что ни день с какой-либо «беспартийной» новинкой: даешь танцы, даешь спектакли, экскурсии, курсы кройки и шитья, словно в столице при двоевластии Советов и Временного правительства уже полный мир и в человецех благоволение!

Владимир Ильич Ленин вскоре объяснил эти причины доверчивого отношения масс к меньшевикам, к Временному правительству. Революция разбудила миллионы мелких буржуа, и они захлестнули многие слои рабочих своими взглядами на политику... Все шло под тем флагом «беспартийности», которым ловко прикрывался поэт Красный в «Новом сатириконе»:

И пусть с семнадцатого года

*В веках царит из рода в род
Ее Величество Свобода,
Его Величество Народ!*

Но Россия была действительно самой свободной из всех воюющих держав. И передовая рабочая молодежь стремилась к организованности по примеру старших.

Петербургский комитет большевиков уже 6 марта обсудил вопрос о содействии трудящимся юношам и девушкам в их стремлении организовать.

Так появились на Петроградской стороне с марта 1917 года комитеты заводских мальчиков, исполнительные комиссии юношеских организаций, всякие другие союзы и кружки. В каждом из них было два-три большевика. И, хотя их голоса часто тонули в согласном хоре «беспартийных» краснобаев, они свое дело вели стойко. И через них молодежь узнавала, куда надо стремиться, чтоб во главе правительства стояли люди, никогда не забывающие о коренных интересах молодежи: право выбора с восемнадцати лет, право работать восемь часов, а подросткам — четыре или шесть...

Это была и радостная и трудная полоса в жизни Петра Смородина. В буднях, которые бывали ярче прежних праздников, в кипении страстей на митингах, просто на глазах у старших день ото дня расправлял плечи, рос и мужал Смородин. И не сторонился даже тех товарищей, которые, по его мнению, «лезли в могилу». Переспорить их ему удавалось не всегда, но, как старший по годам, был он при них, как пестун, неотступно. И, говоря его словами, все точил и точил «древо познания», с которого многие вкушали не только добрые плоды, но и отравленные сладким ядом красноречия.

С шумной оравой молодых зачастил он на спектакли, особенно в Народный дом, где раз в неделю пел Федор Шаляпин. Хохотали над проделками ловкача в «Севильском цирюльнике», умирали от страха и не скрывали слез на «Борисе Годунове».

Петр выходил с ребятами из душного зала в предвесеннюю тихую ночь, пахнувшую свежим ветром с Балтики, поеживался, поднимая воротник пальто, и говорил со значением:

— Да-а, жалок тот, в ком совесть нечиста!..

А еще водил Смородин толпу ребят на Троицкую площадь, в цирк «Модерн» — старое деревянное здание: оно казалось огромным сараем в

близком соседстве со строгим ансамблем Петропавловской крепости, лазурными куполами мечети и кафельным дворцом балерины Матильды Кшесинской.

Магнитом тянул к себе выдающийся клоун Виталий Лазаренко. Он говорил! Да так, что прозвали его большевистским клоуном.

В программе тех дней был еще один злободневный номер. Лазаренко читал четыре строчки:

*Дрожат цари, когда идет свобода.
Но клоуну-то нечего дрожать:
Он из народа, он для народа,
С него короны не сорвать!*

И уже делал удивительное сальто... на бычий пузырь. Тот лопался так, словно рвалась граната. И красноносый клоун весело резюмировал:

— Вот так и старый режим!..

Молодежь получила доступ в театры, в кинематограф. Но к серьезному образованию путь оставался закрытым. Средняя школа — гимназия, реальное и коммерческое училище — была не по карману, и мало кто из рабочих парней обладал необходимым запасом знаний, чтобы занять в них место. Учиться надо бесплатно, да и чтоб рабочий день длился не больше шести часов. Иначе подростку не уйти от станка даже в профессионально-техническую школу. Так ставили вопрос молодые большевики и наталкивали на мысль: в шестнадцать лет работай в одной упряжке со старшими, в восемнадцать — воюй на фронте, а голосовать в Советы, профсоюзы или Учредительное собрание призовут тебя в двадцать один год! Нет, так не пойдет! С заработком — тоже не пойдет: взрослым надбавляют по десятке, молодым — по трешнице! А спрашивают как с больших!.. Протестовать и требовать!..

Возмущала Петра и еще одна несправедливость: большевики впрямь не щадили жизни для революции, а почти на все выборные посты в районе попали меньшевики, эсеры и анархисты... Ну дай только срок, вернутся большевики из ссылки, дадут они бой!..

Почти весь март не удавалось побеседовать со Скороходовым: то он в Петроградском Совете, то в Петербургском комитете большевиков. Осунулся Касторович — все в бегах да в спорах.

И Петра заполонила черновая работа. В фабкоме — стычки с дирекцией, несусветный гвалт с меньшевиками, почти до рукопашной. И

старый Иван Харитонович долбит как дятел:

— Не проспи, Петенька, на фабрике нужна своя рабочая милиция! И инструмент разволокут всякие, да и оружие схоронить надо от «временных», его в цех натащили много. А раз милиция, то оружие при деле!

Наконец, большевики добились места в Совете Петроградской стороны, и Скороходов стал заместителем председателя. Тут-то Петр и поймал его:

— В смятении я, Александр Касторович! Молодежь как сквозь решето проваливается, в голове у многих стихия!

— Что поделаешь: не смогли, не успели, — слишком велик натиск других партий. Ты уж собирай тех, которые перебрадили. Это хорошие помощники партии. Говорят, зашевелилась молодежь у Керстена.

— Знаю, шумят о расценках.

— Вот это и дело, там и разворачивайся. Да и крикни о своих делах так, чтоб всему району было слышно. А мы поддержим. Я уже толковал с Сергеем Петровичем Прохоровым: он от райкома партии будет держать вашу руку, как старший товарищ...

В СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

ЛЕНИН НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ

Совет Петроградской стороны, когда вошли в него большевики, стал силой значительной, хотя и не афишировал своих успехов. И делал черновую работу, отрывая от «вождей» массу, которую те крепко колпачили звонкой, пустой фразой.

На всех заседаниях витийствовали голосистые меньшевики Щетинская и Полонский, эсер Израилев. А Скороходов, Блохин и Прохоров осаживали их и словом и делом и помаленьку вели свою линию.

Александр Касторович еще 7 марта добился решения: дать порицание Петроградскому Совету за то, что он отказался немедленно ввести восьмичасовой рабочий день.

Но этим не ограничился. Он раскачал своих друзей и недругов в фабкоме «Дюфлона», и они явочным порядком объявили, что работать будут только восемь часов! Прохоров добился такого же решения на заводе Врачебных заготовлений, Блохин — в Крестовском трамвайном парке, Смородин — у шаплыгинцев. Так был сделан важный почин в столице. И вскоре Петроградский Совет подписал соглашение с Обществом фабрикантов и заводчиков о восьмичасовом рабочем дне на всех предприятиях Питера. По в те дни не удалось уговорить соглашателей, чтобы подростки работали только шесть часов.

— И что это за чертово семя, меньшевики? — мучительно рассуждал Смородин. — Вроде бы и наши люди: на соседних станках работали, только ловко таились в тревожные дни, чтобы не угодить в «Кресты».

Он прижал одного такого после заседания фабкома. И теперь вдруг понял его нутро: не было у него веры в рабочий класс. И по всем делам все оговорочки, все — кругом да около.

— Надо дать подросткам шесть часов. Ты же это не хуже моего знаешь. Почему голосуешь против? — спрашивал Смородин.

— Не время! Сломаем все производство, а сейчас война!

— На черта она тебе? Ее кончать надо!

— Ну знаешь ли, не болтай! Хочешь Россию немцам отдать?

— Гнать надо Львова, Милюкова и компанию. Советы возьмут власть, вот и войне конец! Немец тоже хочет мира, и ему осточертела эта бойня.

— Пустое говоришь, Смородин! Так войну не кончают, в ней либо победа, либо поражение. Мы за победу, только она вдохнет новую силу в революцию. А Временное правительство не трожь: сами не управимся с

такой страной, не дозрели! Новую власть выберем законно, на Учредительном собрании.

— Знаешь что?! — расвирепел Петр, и желваки забугрились на его похудевших щеках. — Иди-ка ты!..

Меньшевик не обиделся: знал он за Смородинным и не такие штуки.

— Дерзок ты, Петр! И культуры никакой: до гробовой доски стоять тебе с рашпилем!

— Зато не лизоблюд! А хозяевам твоим не править, как и Николашке!..

И вот так с ними по всякому поводу.

И с молодежью беда. Размах у нее огромный, да в хаосе событий качается на утлой лодчонке туда-сюда и не всегда видит, к какому берегу грести. Но хоть не отравлена фарисейством и помаленьку начинает понимать свои цели.

На фабрике Керстена вдруг раскричались ребята по серьезному поводу: о зароботке и о льготах для подростков. Петр поспешил туда. В столовой горячее море голов: человек шестьсот. И накал такой, как в кузнице возле горна.

Любил он такую «погоду», когда пахнет грозой.

И дважды бросал с трибуны: «Требовать, требовать!» Ребята размахнулись. И записали в резолюции:

«1. Рабочая молодежь фабрики Керстена требует, чтобы представитель фабисполкома молодежи входил в фабком рабочих с правом решающего голоса.

2. Ваш же представитель к нам должен входить с правом совещательного голоса, так как никакая организация не может вмешиваться в дела молодежи и ее исполком — вполне самостоятельный орган;

3. Если в указанный срок (два дня. — В. А.) ответа не последует, то молодежь поручает своему исполкому собрать общее собрание рабочих фабрики, на котором вторично поставить вопрос. В противном случае угрожаем стачкой».

Петр отлично понимал, что такое дело отдает партизанщиной. Но в тех условиях только так и можно было сбросить свою самостоятельность. Ситуация четкая: передовая молодежь показала меньшевикам и эсерам, что на Петроградской стороне зарождается классовая организация пролетарского юношества, которой нужны только лозунги большевиков. И с ней надлежит считаться.

Меньшевики дурака не сваяли, пошли на уступки: Цейтлин и Борисов были избраны от молодых рабочих в фабком.

До пасхи решилось дело и с рабочей милицией. Александр Касторович в Таврическом дворце дал отпор меньшевику Дану, когда тот заявил, что для охраны порядка в столице достаточно городской милиции Временного правительства.

— Вы как хотите, а мы создали рабочую милицию на всех заводах района. Вооружение рабочих — самая надежная гарантия против возврата старого строя. Да об этом говорит и печальный опыт 1905 года: Пресня, Горловка.

И еще одно событие в канун пасхи: Русское бюро ЦК, Петербургский комитет большевиков и его военная организация явочным порядком вселились во дворец приближенной к царю балерины Кшесинской. Так что все дороги большевиков столицы пересекались теперь на Петроградской стороне...

2 апреля 1917 года был день Христова воскресения. Никто еще не зачеркивал старые праздники, работу остановили на всю пасхальную неделю. Петр — теперь уже заместитель председателя фабричного комитета — сделал распоряжение о дежурстве в фабкоме, помылся в бане, наваксил сапоги и отправился к Анне Петровне.

Давненько не бывал он на барской кухне. Но у Гардениных будто ничего и не переменилось. Шумело застолье: радостный тон у веселых гостей, дразнящие хлопки шампанского, куличи, пасхи, запеченный в тесте окорок, ворох крашенных яиц, фрукты.

Анна Петровна не знала, как угодить ершистому сыну. Сердцем понимала, что лакомства ему по душе, но он от них отворачивался:

— Не буду, мама! И... не сердись! Я других моих ребят не лучше, а у них ничего этого нет. Сделай жареную картошку со шкварками, как, бывало, в праздники дома. Потом переночую тут: соскучился по тебе, моя хорошая!

Кое-как досидел у мамани до полудня, а потом сказался, что недосуг. Зашел по дороге к больному товарищу, затем — на фабрику. И угодил ко времени: от Скороходова пришла весть, что нынче в Питер приезжает Ленин.

В десять вечера возле дворца Кшесинской построились колонны рабочих Петроградской стороны. И у всех, кто шел встречать вождя, настроение было приподнятое: вон он, какой-то необыкновенный миг в жизни!

С красными знаменами, с песнями петроградцы двинулись по Большой Дворянской, скоро влились в колонну рабочих Выборгской стороны и ходко вошли на площадь перед Финляндским вокзалом, уже запруженную народом от края до края.

Догорали еще сумерки, а путиловцы несли над головами горящие факелы, и отсвет огней падал на большое алое полотнище: «Привет товарищу Ленину!» Гремела музыка, перекачивались от вокзала до Невы песни, лица светились празднично — так было торжественно и радостно!

После одиннадцати над площадью пронесся гул: «Поезд подходит к перрону!» — и наступила настороженная тишина. А потом началось движение в передних рядах, и волнами прокатилось над головами громовое «ура!». Кто-то очень ясно и громко запел «Марсельезу», ее тотчас же подхватили тысячи голосов.

Петр увидел Ленина уже на броневике: он щурился и закрывал лицо рукой от яркого света прожекторов. Петр сорвал с головы кепку и кинул ее в воздух, где уже взлетали, кружили и падали картузы, кепки, бескозырки, папахи, фуражки, шляпы, шапки.

Пробиться ближе он не смог: люди стояли плотно, впритык. И не все слова Ленина слышал: Владимир Ильич говорил глухо, не надрывая голоса; но последние слова он сказал так, что их услышали все:

— И да здравствует социалистическая революция!..

В сумятице дней, на крутом перевале, все вдруг встало на свое место. Революция продолжается! О ней нечего разговаривать. Ее надо делать, и она неизбежно приведет к победе рабочих!

Крики одобрения, грохот оркестров, гудки броневика — все шумы слились воедино. И броневой автомобиль с Лениным, едва прокладывая путь в кипящей толпе, двинулся к Петроградской стороне...

В КОЛОННАХ ПЕРВОМАЯ

Сморозин и его друзья всякий день что-то новое узнавали о Ленине. Сначала шли разговоры, как он в третьем часу ночи выступил с балкона дворца и заявил решительно:

— Победа пролетарской революции неизбежна! Кто-то из рабочих спросил его:

— А что это значит, Владимир Ильич?

— Революция передаст землю, заводы и фабрики, железные дороги рабочим и крестьянам, — ответил он.

Затем обсуждали его тезисы, изложенные на заседании фракции большевиков ЦИК в Таврическом дворце. И радовались: наконец-то сплотятся все передовые силы рабочих и солдат вокруг большевиков. Ведь с его приездом и с четкой позицией о пролетарской революции всем партиям пришлось резко размежеваться, открыть забрало и пойти в своем обособленном русле. «Любой ценой соглашение с Временным правительством» — это меньшевики; «монархия с крепким парламентом» — кадеты; «землю крестьянам даст только Учредительное собрание» — это эсеры.

Видели Ленина часто. Рабочие Выборгской и Петроградской сторон два раза в неделю несли охрану дома № 48 на Широкой улице, где Ленин остановился с Надеждой Константиновной у сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Елизарова.

Дни становились напряженными. 6 апреля ПК решил праздновать Первомай по новому стилю (18 апреля по старому стилю) вместе с рабочими всего мира. В тот же День Скороходов и Прохоров собрали большевиков Петроградской стороны и приняли аналогичное решение. Молодежь была представлена на собрании небольшой боевой группой.

На собрании было решено преобразовать рабочую милицию района в Красную гвардию, как это сделали путиловцы и выборжцы.

7 апреля Петроградский райком партии определил порядок приема новых членов. Надлежало записаться у дежурного РК, указать место работы до революции и в настоящее время и свое местожительство. Общее собрание большевиков района окончательно решало вопрос о приеме нового члена партии.

Скороходов бросил мельком:

— Это и тебя касается, Петр! Собирай две рекомендации, одну могу

дать.

— Спасибо, Александр Касторович. У меня есть от Сариной и Гозикер. Нынче же запишусь у дежурного.

8 апреля появился в «Правде» рабочий призыв — бойкотировать буржуазные газеты: «Русская воля», «Новое время», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «Речь» и «Маленькая газета».

Словно по уговору, эти издания начали обвинять пролетариев столицы в том, что они «не хотят работать и оставляют солдат без снарядов». И предъявляют чрезмерные экономические требования, «злоупотребляют полученной свободой».

Молодежь постаралась: с неделю оттирала покупателей от киосков. Вася Вьюрков с завода Лоренца особенно успешно стыдил покупателей на Архиерейской площади:

— Не забивайте башку контрреволюционными газетами! Читайте «Правду», только в ней и писана истинная правда! — И бесплатно раздавал людям большевистскую газету.

Но у соседей работа шла разностороннее, ярче. И Петр вспоминал позднее: «Вся молодежь Выборгской стороны организовалась в коллективы, с Выборгской стороны, как огненное пламя, движение стало перебрасываться во все рабочие районы».

Евгения Герр записала в дневнике, как молодые выборжцы гордились своим почином и как нетерпимо относились ко всяким «варягам», пришедшим со стороны.

Она приехала в Питер к своей подруге Анне Иткиной в Нарвский район. И вскоре с письмом Васи Алексеева отправилась в районную Выборгскую управу в распоряжение Надежды Константиновны Крупской.

В комнатке у Крупской ее «подсадил» парнишка с Сампсониевской мануфактуры:

— Я такой барышни у нас не видел, Надежда Константиновна. Вы ее расспросите как следует. Ладно?

Герр не полезла в карман за словом:

— Таких кавалеров у нас за Нарвской тоже не водится!

Этим «кавалером» оказался Коля Фокин: в свои четырнадцать лет он уже считался признанным вожаком подростков не только на Мануфактуре.

Коля Фокин, Леопольд Левенсон, Саша Метелкин, Боря Шишкин и другие руководители коллективов молодежи Выборгской стороны загорелись мыслью выйти на первомайскую демонстрацию вместе со взрослыми, но отдельной колонной, со своими знаменами и лозунгами.

Конечно, без поддержки старших такая задумка повисала в воздухе. А

среди старших могли пойти навстречу только большевики. И ребята решили довериться Ивану Дмитриевичу Чугурину.

Тот горячо одобрил их замысел и 9 апреля напечатал в «Правде» объявление: «Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов просит всех заводских мальчиков явиться на «Русский Рено» во вторник, 11 апреля, в 5 часов дня, для решения вопроса о праздновании 1 мая».

Такое собрание состоялось. От двадцати шести фабрик и заводов района пришли сто делегатов. Открыл собрание Чугурин. Многие его знали как человека прекрасной души и стойкого старого большевика и слушали с интересом. Кроме того, почти все знали, что он учился у Ленина в школе в Лонжюмо и что он первым приветствовал Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала и вручил ему партийный билет № 600 Выборгской организации большевиков. Он сказал:

— Договоритесь между собой, как будете строить свою колонну в Первомай. И пойдете впереди взрослых. Но мне кажется, что ограничивать себя только вопросом о демонстрации не следует. Вы представляете подростков всей нашей стороны. Так не пора ли создать районный Союз рабочей молодежи?

Много было разговоров в тот вечер. Иные делегаты говорили о неотложных нуждах подростков и требовали ввести своих представителей во все фабзавкомы и в районный Совет. Иные парили на крыльях мечты или бросали нелепые предложения — идти на демонстрацию под черным флагом анархистов. Пашка Бурмистров уже придумывал лозунг для своего флага: «Трепещите, тираны, — юноши на страже!»

Тактичный Иван Дмитриевич не считал удобным давить на собрание своим авторитетом. И в районный комитет юношеских организаций вошли люди разных политических толков. Там были большевики — Левенсон, Шишкин и Фокин; беспартийные — Метелкин и Иванов; анархисты — Кузнецов и Бурмистров; меньшевик — Дрязгов.

Собрание не только рассмотрело вопрос о Первомае, обменялось мнениями о Союзе рабочей молодежи Выборгской стороны, но и приняло решение поднимать на демонстрацию в своих колоннах всех подростков Питера.

И апреля Выборгский райком через «Правду» обратился ко всем райкомам РСДРП (б), призывая их организовать во время первомайской демонстрации отдельные молодежные колонны.

Затем в «Правде» снова было напечатано объявление, теперь уже о созыве общегородского собрания делегатов заводской молодежи: к этому времени во многих районах Питера возникли союзы рабочей молодежи по

инициативе большевиков. У путиловцев они уже были в пушечной, башенной, турбинной и лафетно-снарядной мастерских.

Грозовым раскатом пошла эта весть по заводам и фабрикам столицы.

Петр Смородин развернулся во всю силу. Он проводил на Петроградской стороне собрания подростков и создавал новые коллективы на предприятиях «Вулкан», «Новая Бавария», на заводах и фабриках Кубке, Кирх-нера и Гота. И 13 апреля привел в столовую «Русского Рено» внушительную делегацию.

Собрание прошло азартно и затянулось до полуночи. Пожалуй, меньше всего было споров о выступлении молодежи самостоятельными колоннами в день 1 Мая. Но горячо заспорили: под какими знаменами идти? Смородин, Алексеев, Канкин, Скоринко, Фокин и Левенсон добились решения: только с красными флагами! А на них написать: «Да здравствует 6-часовой рабочий день для подростков!», «Избирательное право с 18 лет!», «Всеобщее бесплатное обучение!»

Выступала Надежда Константиновна Крупская. Она передала делегатам приветствие от партии большевиков, говорила об антивоенных юношеских организациях на Западе, о неотложных задачах рабочей молодежи России. Особенно она подчеркнула, что лишь переход всей власти к Советам выведет страну из войны и разрухи и осуществит чаяния народа и молодого поколения трудящихся.

Предложение большевиков создать Петроградский союз рабочей молодежи было встречено с подъемом. После долгих прений пришли к выводу, что организации молодежи в Питере должны носить чисто пролетарский характер и их главные задачи — участие в общей борьбе рабочего класса, отстаивание прав молодежи и широкая культурно-просветительная работа в ее среде.

Наконец договорились о решениях: а) создать в столице районные комитеты рабочей молодежи, а из их представителей образовать Всерайонный совет (или Центральный Комитет); б) объявить его секцией Интернационала Молодежи.

Пока же избрали в Совет только выборгских делегатов, так как в других районах еще не прошли конференции. Но, как показало время, выборгские делегаты не сумели взять новую организацию в свои руки. И сделать ее подлинно большевистской.

Уходили с собрания вчетвером: Алексеев, Смородин, Канкин и Сергей Соболев. По дороге они обменялись мнениями.

— Что слышно у тебя, Василий? — Петр спросил Алексева.

— Через день-два конференцию соберем. Как пройдет — не знаю. Но

думаю, что победим! У нас давно молодежь идет за большевиками.

Алексеева поддержал Сережа Соболев с Балтийского завода Васильевского острова. Он твердо заявил, что конференция будет завтра: об этом уже договорились в райкоме партии с секретарем Верой Слуцкой. Бой будет тяжелый, но половину мест в райкоме молодежи получают большевики.

Ваня Канкин — рабочий из Невского района — ни как не мог разделить оптимизма Васи Алексеева и Сережи Соболева.

— До Первого мая нечего и говорить о конференции! За нашей заставой полно эсеров, большевиков с трибуны скидывают. Меня били дважды.

— Меня тоже одолевают соглашатели, — вздохнул Смородин. — Боюсь, что мы по этой части первые в городе: куда ни" плюнь, непременно угодишь в меньшевика. До праздника не соберемся, хоть шкуру выверни. Но на демонстрацию выйдем мощной колонной... Так что до встречи на Марсовом поле!..

На другой день было недосуг думать о собрании. Во дворце Кшесинской открылась общегородская конференция большевиков. Петр получил гостевой билет, а его товарищи стояли в карауле у подъезда на Большой Дворянской улице.

Затем конференция дважды меняла помещение: то заседала в Женском медицинском институте на Архиерейской улице, в доме № 6, то в здании Высших женских курсов в Кузнечном переулке.

Значительными были эти дни в жизни Петра. Десятки ораторов прошли перед ним: в них подкупала краткость речи, ясность мысли. Это были: Станислав Косиор, Василий Шмидт, Вера и Антон Слуцкие, Мартын Лацис, Владимир Невский, Дмитрий Мануильский, Николай Крыленко, Яков Свердлов, Анатолий Луначарский, Александра Коллонтай, Иосиф Уншлихт.

Но самое сильное впечатление произвела речь Владимира Ильича Ленина. И у большевиков появился новый желанный лозунг вождя: «Вся власть Советам!»

Этот лозунг призывал заменить власть Временного правительства властью Советов и внес смятение в ряды соглашателей. И они кинулись на провокацию. По городу поползли разговоры: как это сумел Ленин проехать в Питер через Германию? Какой ценой немцы ему друзья?

Ленин ответил на этот гнусный слух в «Правде» 15 апреля и в тот же день выступил с разъяснениями на митинге солдат броневое дивизиона в Михайловском манеже.

17 апреля Смородин обошел предприятия района, проверил, как готовится к празднику молодежная колонна, и остался доволен. Ребята запасли гору красных полотниц: «Довольно работать на барышников и капиталистов!», «6-часовой рабочий день для подростков!» И даже подновленный лозунг Бурмистрова: «Трепещите, угнетатели, — юноши на страже!» Надвигались дни уличных выступлений, у всей молодежи побеждал классовый пролетарский дух, и подлинно красивой стороной жизни становились сплочение, борьба. Молодые рабочие шли за большевиками. Вот почему не увидел он ни одного меньшевистского полотница в канун боевого рабочего Первомая!

18 апреля с самого утра выдалась погодка на славу. Из-за Ладоги пришло яркое солнце. Ветер с Балтики сдунул ночью копоть с города, и прозрачный чистый воздух пьянил народ на улицах.

Петр — в новой синей косоворотке, — лихо заломив кепку к правому уху, шел по Каменноостровскому проспекту во главе молодежной колонны. Парни и девушки с песнями двигались следом за оркестром Гренадерского полка, впереди старших, которых вели Скороходов, Прохоров, Блохин, Лепсе и Комаров.

Не все еще умели ходить в шеренгах. И озорные парни, поднимая веселую возню, то и дело нарушали порядок. А на каждой площади — у Большого, у Монетной, у Кронверкского — заводили бучу. Подбегали к широкоскулому усачу, который управлял оркестром и держал в руке тамбурмажорский жезл, украшенный белым конским хвостом, и требовали играть для них то вальс, то кадрили, то краковяк.

Три версты по проспекту двигались долго, часа два. Перед Троицким мостом оркестр замолк, по шеренгам передали, чтоб шли не в ногу. Вдруг загредел мощный оркестр на Марсовом поле. И над демонстрантами Петроградской стороны вперемежку с громовым «ура!» полетели лозунги дня: «Да здравствует Первое мая!», «Долой войну!»

Демонстрация прошла согласно, мирно. Третий раз слушал Смородин Владимира Ильича. Ленин говорил о том, сколь враждебно народу Временное правительство, которое бросает в пекло империалистической войны рабочих и крестьян в солдатских шинелях. Только Советы могут дать народу всю полноту власти и заключить долгожданный мир!

С грузовика в ответ Ленину звонко выступали подростки. И в их речи много было вложено пролетарского инстинкта, отмечала Надежда Константиновна Крупская.

Владимир Ильич улыбался — никогда еще он не был на таком митинге, где рабочие парнишки так бы здорово раскрывали душу.

— Кто начал кровавую бойню? — с запалом спрашивал первый оратор. И отвечал себе: — Царь и буржуи. Отцы наши льют кровь за чужие интересы. Взгляните на наших матерей. Они плачут, обремененные семьей, убитые горем. Они пошли на фабрики вместо отцов. И мы рядом с ними. В душных, мрачных стенах трудимся и днем и ночью, словно машины, а не люди. Нет, так жить нельзя! Долой капитализм!

— Пришло время кончать войну! — вторил ему другой оратор. — Мы требуем мира и запрещения труда малолетних. Дайте нам учиться!

Ораторы сменяли друг друга под гром аплодисментов. И первый свободный митинг Первомай закончился пением «Марсельезы» и «Интернационала».

Вася Алексеев разыскал Смородина неподалеку от памятника Суворову. И они успели поговорить, пока многотысячная колонна молодежи разбиралась по районам, чтоб тронуться в обратный путь.

У Васи Алексеева дело шло неплохо, но сложность была в том, что действовали в районе две организации: в одной — подростки, в другой — молодежь более взрослая, которая уже успела создать культурно-просветительное общество.

— Понимаешь, — Вася торопился и заглатывал слова, — для этого общества мы открыли социалистический культурно-просветительный клуб против трактира «Медведь». И это даже символично, что против трактира, где бильярд, азартные игры и выпивка. У нас в одной комнате — школа грамоты, в другой — колобродят молодые поэты, ведутся беседы, в третьей — струнный оркестр. Занятия разные — цель одна. Ликвидирует парень неграмотность, берет за газеты, статьи Ленина читает сам... Но мы решили объединить и подростков и старших в один Социалистический союз рабочей молодежи. Его и создали на конференции. Теперь думаю об Уставе и Программе союза. А у вас что нового?

— Как и было! В первой половине мая — раньше конференцию не соберем. А пока что Скороходов надумал открыть школу агитаторов. В младшую группу пошлем десяток: пусть ребята шлифуют мозги. Но очень дорог для нас сегодняшний день, с него и начнется перелом.

В день, когда рабочие Питера так радостно отмечали Первомай, министр иностранных дел Милюков опубликовал ноту о верности Временного правительства всем тайным договорам Николая II. Война до победы! Этот реверанс в сторону союзников стоил ему министерского поста.

Три дня шли такие демонстрации рабочих в столице, каких уже не

видели с последних дней февраля!

20 апреля начали после полудня солдаты.

После работы к солдатам вышли десятки тысяч рабочих из всех районов с плакатами: «Долой войну!», «Опубликовать тайные договоры!», «Вся власть Советам!» Демонстранты мирно прошли по Невскому, затем мимо Таврического и Зимнего дворцов.

21 апреля снова полыхнула демонстрация, заполонила все главные улицы. Смородин со своей боевой группой ринулся в самое пекло, к Казанскому собору, где юнкера и офицеры встретили рабочих вооруженным заслоном. Драка шла не один час.

Вечером молодежь взбудоражила Петроградскую сторону. И 22 апреля, в девять часов утра, вывела всех рабочих на грандиозную демонстрацию.

Впереди шли вооруженные солдаты, между колонн — отряды Красной гвардии. Плевались на панели барчуки и купчики, что-то кричали истеричные барыньки, размахивая зонтиками. Самым крикливым спокойно отвечали из колонн: «Дуй до горы, барыня! Собака лает, ветер носит».

Однако дальше этого не шло: даже самые отпетые из юнкеров не рискнули заводить драку. И петроградцы без помех встретились с колоннами рабочих Невской заставы.

Демонстранты объединились по-братски. Один за другим поднимались на паперть Казанского собора ораторы держать слово. Над морем голов колыхались лозунги не только против войны, Милюкова и за власть Советов. Ярко бросался в глаза и новый призыв: «Да здравствует братство всех народов!»

24 апреля в актовом зале Женского медицинского института открылась VII Всероссийская конференция большевиков. Заседала она шесть дней, Скороходов не раз назначал Петра в ее охрану. И не зря! По вечерам на Архирейской площади группами появлялись подгулявшие юнкера, кричали: «Долой большевиков!» Но вооруженные рабочие умеряли их пыл.

После конференции, на общем собрании большевиков Петроградской стороны, Петра Смородина единогласно приняли в партию. И вручили ему партийный билет за № 0000189.

СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ

При первом же удобном случае после Первоя Смородин отправился на Выборгскую сторону. Он разыскал Колю Фокина. Разговор с ним оставил неприятный осадок.

Меньшевики и эсеры не сидели сложа руки: «чертово семя» пустило корни и в молодежном движении.

Так появился в конце апреля перед выборгскими делегатами Всерайонного совета некто Петр Шевцов. Григорий Дрязгов, меньшевик, и два анархиста, Михаил Кузнецов и Павел Бурмистров, провели у него на квартире целый вечер, опьянились его речами и пустили слух, что человек он без малого легендарный. Так пришел он к рабочей молодежи как мессия и обещал ей полное спасение в трудную пору двоевластия.

По своей простецкой доверчивости молодые выборжцы были даже обрадованы, что в их среде нашелся опытный оратор и организатор, который не прочь предъявить в самой любезной форме некоторые претензии на незанятый пост «вождя».

Шевцова вначале утвердили делопроизводителем Всерайонного совета. Меньшевики и эсеры тотчас же постарались создать ему славу человека высоких идеалов, романтической души. И сам Шевцов умело подкреплял это высокопарной фразой.

Как позже выяснилось, был Шевцов репортером в «Новой маленькой газете» у известного в Петербурге бульварного публициста «Дяди Вани» (И. Лебедева). Позиции держался ясной; война с Германией до победы — и выпустил трагедию, где восхвалял бельгийского короля Альберта. Когда газетку прикрыли, он переметнулся в Общество попечительства о народной трезвости. Восхвалял Временное правительство и мечтал создать некую партию интеллигентов, чтобы она поднимала дух «маленьких людей» и вела их к царству поэзии и красоты.

Шевцову молодежь все же поверила. И решила избрать его председателем Всерайонного совета. Помощники его — Григорий Дрязгов, Михаил Кузнецов и Павел Бурмистров.

Получился удивительный казус: большевики создали пролетарские юношеские организации, это движение стало значительной политической силой. А во главе Совета появился велеречивый краснобай кадетского типа. И кое-кто упивался «беспартийными» его речами: танцуйте, развлекайтесь, играйте, будьте трудолюбивы и послушны; политикой успеете заняться,

когда подрастете, — не следует утомлять молодые головы нервной суматохой политической борьбы.

— Вот так, Петр Иванович! — Фокин махнул рукой. — Наши юнцы поразинули рты и схватили эту наживку. «Вожди» втихаря подготовили «Программное воззвание» и решили дать организации название «Труд и свет». Дрязгов потом объяснил, что Шевцов в одной из речей обронил такую фразу: «Всесильный труд и всетворческий свет все подчиняют и все побеждают».

— Где это воззвание, Коля?

Фокин вынул из кармана сложенную четвертушкой бумагу, где текст был напечатан на гектографе.

Не нашел Петр в нем даже упоминания о всемирном празднике трудящихся, который всегда проходил под лозунгом сплочения рабочих для борьбы с капиталом. Ни слова не было о неотложных нуждах молодых рабочих: о сокращенном рабочем дне, зарплате, праве выбора с восемнадцати лет. Зато были всякие слова из арсенала соглашателей: объединять молодые силы «не партийно, а на началах братства и просвещения», именно этот путь дает возможность наиболее талантливой молодежи заниматься научной и литературно-художественной деятельностью «на благо всех и всюду».

— Это же чистая меньшевистская липа. Даже хуже! — Смородин отдал бумагу Фокину. — Шевцов хочет, чтоб вся организация была соглашательской!

Петр махнул через весь город к Алексееву, нашел его в ленинской беседке — так секретарь Нарвского райкома партии Станислав Косиор прозвал павильончик, где столовался актив района.

Вася Алексеев уже кое-что знал о позиции выборгских делегатов — у них побывал Иван Окоринко. И заявил, что название «Труд и свет» нарвцы не примут:

— Вот так, Петруха, либо наше название «Социалистический союз рабочей молодежи», либо полный разрыв с соглашательским советом! — отрубил он.

— Понимаю, — поразмыслил вслух Смородин. — Но тебе легче: за спиной у тебя путиловский гигант и другие крупнейшие предприятия. Нам куда сложнее: нет такой надежной опоры. Отказаться от всерайонного руководства проще пареной репы. А что будет с теми парнями, которым пускают под череп всякую гниль? Бросить их на полпути?

— Что же ты предлагаешь?

— Старшие товарищи подсказывают: во Всерайонный совет идти, но

действовать по усмотрению. И на всякий загиб там отвечать по-большевистски. Молодежь там наша, а ее пичкают черт знает чем. Надо позорную программу отступления взрывать изнутри... На собрание-то придешь? Увидимся?

— Буду непременно!

Позднее ребята узнали, что тактика Петра была правильной — войти в «Труд и свет» и использовать каждую возможность, чтобы разоблачать Шевцова и компанию, вести борьбу за молодежь. Такую тактику предлагала партия большевиков. Иван Скоринко случайно в редакции «Правды» разговорился с Лениным. Иван не знал, с кем он говорит, но встретил, большую заинтересованность в молодежных делах и рассказал о настроениях молодежи, о настроениях молодых большевиков. Владимир Ильич посоветовал ему не выходить из «Труда и света», а в его рядах бороться за линию большевиков, раскрывать молодежи планы Шевцова и указывать, что она и Шевцов говорят на разных языках.

Еще 13 мая «Правда» сообщила, что на следующий день состоится на Выборгской стороне собрание «всех районных выборных девушек и юношей». В день собрания — 14 мая — была напечатана в «Правде» статья Крупской «Союз молодежи». Надежда Константиновна тактично предупреждала подростков, что буржуазия пытается подчинить их своему влиянию, отравить ядом своего мировоззрения и морали.

Однако слишком сильно звучал еще хор красноречивых соглашателей, а сторонники Крупской выглядели на собрании сплоченным, но малым островом в бушующем океане.

И хоть спорили они до хрипоты, собрание согласилось с придумкой Шевцова и его сторонников. Организацию пролетарского юношества Питера назвали «Труд и свет». Во Всерайонный совет (Центральный Комитет) ввели по пятерке от каждого района со сроком полномочий в полтора месяца. В ЦК избрали сорок молодых рабочих. Пестрота была необычайная: большевиков пять, среди них Смородин, Скоринко и Канкин. Но эти два большевика из Нарвского и Невского районов не пробыли в ЦК и нескольких дней. Уже 19 мая они вместе с Васей Алексеевым высказались в «Правде» против устава «Труда и света», обозвали его кадетствующим и заявили, что вместе с соглашательскими «вождями» организации идти не намерены. Вместо Скоринко и Канкина вскоре вошли в ЦК Коля Фокин и Леопольд Левенсон от Выборгского района. Кроме них, были в ЦК четыре меньшевика и эсера, три анархиста, остальные — беспартийные.

Алексеев категорически отказался войти в ЦК, как только Дрязгов огласил устав «Труда и света».

Это была действительно несусветная мешанина. Она бросалась в глаза с первых же параграфов, где определялись цели организации:

«Чтобы стать пролетарскому юношеству просвещенным гражданином и сознательным поборником своих прав... Чтобы стать грядущему пролетариату ученым рабочим — специалистом по своему делу...

Чтобы развить в пролетарском юношеству чувства прекрасного и величавого стремления к удовольствиям художественного свойства...»

После Дрязгова речь держал Петр Шевцов. Алексеев и Смородин впервые увидели на трибуне этого бледнолицего «вождя», в пенсне, с копной непослушных каштановых волос, в каком-то сером кительке с погонями земгусара или сотрудника бывшего благотворительного ведомства императрицы Марии Федоровны. Говорил он тихо, гладко, без наигрыша, словно бы от души. Но это была душа Керенского — «социалиста», только что занявшего пост военного министра во Временном правительстве.

— Только благодаря «Труду и свету» можно и должно строить настоящую жизнь, больше всего нужно трудиться и просвещаться, чтобы достигнуть жизненного, а не фантастического торжества труда, — вещал Шевцов. Когда же он напомнил, что только на почве «Труда и света» можно провести весь пролетариат к жизненному, а не фантастическому интернационалу — всемирной демократической республике соединенных равных народов-братьев, — и Алексеев и Смородин потребовали слова.

Смородина многие делегаты знали неплохо. Знали, что грубоват, резок вожак молодежи о Петроградской стороны. Но вовсе не по той причине, что хотел показать свое «я». Внутренне он был удивительно чутким к судьбе любого рабочего паренька, обиженного мастером, притесненного администрацией. Резко он отстаивал свои взгляды.

Алексей Дорохов отметил в воспоминаниях, что выступления Смородина «на собраниях и совещаниях всегда бывали окрашены особой ядовитой усмешкой, характерной для питерского рабочего парня, сына заводской окраины, воспитанного в горниле ожесточенной классовой борьбы. Стоило ему заподозрить малейшее отклонение от классовой линии, как он становился нетерпимым и требовал самых решительных мер...».

Таким он и появился на трибуне 14 мая.

— Григорий Дрязгов явно спятил с ума. Он парень рабочий, но соглашатель, потому что меньшевик и, значит, верный подпевала чужаков. А Шевцову эта муть чем-то на пользу.

Нам по душе мысль Крупской в сегодняшней статье: русское пролетарское юношество всем сердцем с рабочей молодежью всех стран! Вот так и запишем в уставе. Да и выбросим на свалку все разговоры о «фантастическом торжестве труда». Это же пустая и глупая отсебятина гражданина Шевцова. Я не ведаю, на какие средства он существует, но мы-то все знаем, что без труда живут только паразиты. Кто не работает, тот не ест! Вот куда надо вести пролетарское юношество, да звать на такую борьбу, чтоб работа была не на хозяина, а на себя... А устав переписать, тогда мы за него и проголосуем!..

Вася Алексеев — его уже знала питерская молодежь, и его слово было особенно веско, — чтобы коренным образом изменить настроение тех делегатов, которые неразборчиво упивались «беспартийными» пунктами устава, сказал об Интернационале. Выступил он и против славянофильского пункта устава.

В те дни большевики по всей стране созывали митинги протеста против смертного приговора австрийскому социалисту Фридриху Адлеру. Вася Алексеев и предложил резолюцию в защиту Адлера.

После заправки Смородина и Алексеева дух на собрании стал иной.

Ребята начали говорить о том насущном, без чего жить им нельзя. Одни жаловались, что в районах их понимают плохо и что организация «Труда и света» должна помочь им в этом. Другие требовали от «вождей» активной борьбы за шестичасовой рабочий день и за бесплатное всеобщее обучение. Третьи говорили о гражданских правах с восемнадцати лет и о повышении расценок подросткам. Почти все предлагали оживить культурно-просветительную работу: открывать клубы, разворачивать спортивные занятия, шире проводить экскурсии.

Вокруг Шевцова и его дружков собиралась не искушенная в политике рабочая молодежь. Однако на крутых поворотах и ей были близки только лозунги большевиков. Ведь в Первомай никто и не вспомнил о шевцовском «воззвании». Праздник был смотром классовых, пролетарских сил под знаменами ленинцев.

Конечно, у организации «Труд и свет» шла пора весны, но со зловещими громовыми раскатами для ее «вождей». И все это отражало кричащее противоречие текущего момента: с одной стороны, тысячи революционно настроенных молодых рабочих и работниц, подростков и учеников, с другой — кучка «вождей» соглашательского толка. Точь-в-точь как у взрослых: там на левом фланге масса рабочих, которая день за днем жадно впитывает лозунги большевиков, на правом — в Петроградском Совете и во ВЦИК — крикливая кучка соглашателей, преданная

буржуазному Временному правительству.

Это противоречие с каждым днем вскрывалось все ярче и ярче. Ленин почти каждый день выступал то в печати, то на митингах. Его читали и слушали сотни, тысячи молодых рабочих и делали для себя выводы вовсе не в духе шевцовского «братства», а в духе острой классовой борьбы за власть Советов.

Помимо Всерайонного совета «Труда и света», рос и укреплялся и Нарвско-Петергофский Социалистический союз рабочей молодежи. К нарвскому союзу тяготела Невская застава, где верховодил молодежью Иван Канкин. И Коломенский район, где работал Оскар Рыбкин.

Пожалуй, особо трудное положение было у Смородина. Многие его ребята льнули к Шевцову. А сам он — с узким кругом актива — действовал не хуже Алексеева и его товарищей. Они добились увеличения заработка почти всем подросткам; многие из подростков явочным порядком работали теперь шесть часов, а на ночные работы не выходили. На Петроградской стороне действовала младшая группа в партийной школе агитаторов, молодежь проводила экскурсии за город и на взморье. Возобновились занятия старого кружка в «очаге», где, кроме Доливо-Добровольского, вели беседы большевики Прохоров и Блохин.

Как вспоминал Доливо-Добровольский, учеба тогда еще только начиналась, и преподавать ему приходилось науку за наукой: природоведение, космография, искусствоведение, история культуры. «Все беседы я старался иллюстрировать картинками из сохранившихся у меня альбомов и запасов... Особенно увлекались Дарвином, но любимым курсом оказался курс Французской революции. Я старался прежде всего захватить слушателей романтическим интересом событий и, уже владея их вниманием, вместе с ними, четко разделить и распознать структуры: политическую и социальную... По иностранным языкам я пробовал вести групповые занятия с желающими. Но желающих в ту пору оказывалось мало: неясна была польза, и события отвлекали...» И во всех кампаниях большевиков ребята были при деле: собирали для армии и для деревни прочитанные газеты, разносили листовки, расклеивали воззвания. А кое-кто руководил отрядами Красной гвардии и учился владеть оружием.

Молодым большевикам оставалось лишь объединить фабричные коллективы молодежи на районной конференции, чтобы от всей Петроградской стороны заявить о своем отношении и к «Труду и свету», и к нарвским товарищам. Намечал Смородин собрать ребят сразу же после 7 мая. Но пришлось отодвинуть срок из-за общегородского собрания большевиков 8 мая и грандиозной молодежной демонстрации

одиннадцатого.

На Васильевском острове, в здании Морского корпуса, собралось большевиков до шести тысяч. Громом оваций встретили Ленина: он сделал доклад о решениях VII Апрельской конференции. Он говорил, как важно завоевать на сторону партии прочное большинство трудящихся. Чтобы осуществить эту задачу, потребуется еще больше героизма, чем в дни февраля. «Мы, большевики, должны терпеливо, но настойчиво разъяснять рабочим и крестьянам наши взгляды. Каждый из нас... не ожидая того, что придет агитатор, пропагандист, более знающий товарищ, и все разъяснит, — каждый должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и организатором нашей партии.

Только так мы добьемся того, что народ поймет наше учение, сумеет продумать свой опыт и действительно возьмет власть в свои руки».^[2]

Эти мысли вождя целиком отвечали позиции Смородина. Идти в «Труд и свет» непременно, агитировать там и устраивать молодежную организацию. Только при этом вся она поймет, оценит и поддержит политику большевиков!

Собрание в Морском корпусе проходило с подъемом. В перерыве начался сбор средств для «Правды» и «Солдатской правды». Это был единодушный, добрый порыв. Солдаты снимали с гимнастерок серебряные и золотые георгиевские кресты, боевые медали; рабочие сдавали обручальные кольца, часы, цепочки, заколки от галстука, деньги. Сделал свой вклад и Петр.

Через три дня внутреннюю убежденность Смородина поддержала мощная демонстрация молодежи.

Надо считать, что возникла она стихийно: никто не готовил ее заранее. Но она отразила волю подростков, которые вдруг увидели посягательство на права своих товарищей.

Завелось «дело» за Московской заставой, в лито типографии Шварца. Подростки потребовали увеличить им оплату. Хозяин выкинул двадцать зачинщиков на улицу, остальным понизил заработок. Вмешался райком молодежи, с хозяином началась драчка. Кто-то крикнул: «На стачку! Молодежь района нас не оставит!» Из района в район пошла весть, всюду поддержали шварцевских подростков. «Правда» одобрила почин молодежи и пригласила ее на демонстрацию и митинг на Марсовом поле. И 11 мая город оказался в руках молодых рабочих, которые не прислушивались к голосу соглашателей.

Правда, Петр Шевцов со своей малой когортой был прикрыт голубым знаменем, которое он хотел видеть эмблемой «Труда и света». «Голубое

знамя — символ мира и чистоты, — говорил он. — Море синее, воздух синий, синий цвет — эмблема беспартийности».

Но голубого знамени Шевцова никто и не замечал на грозном фоне алых полотнищ, с какими пришли подростки. И лозунги были не из арсенала «Труда и света»: «Да здравствует социализм!», «Мир хижинам — война дворцам!», «Рабочее юношество — надежда социализма!», «Право выбора с 18 лет!», «Охрана детского труда!», «6-часовой рабочий день для подростков!»

И выступали пареньки в духе большевиков:

— Русские рабочие не уступят так легко своей победы буржуазии, как это было в других странах!

— Мы, юноши, имея опыт борьбы наших отцов, закончим их победу и добьемся социализма! Да здравствует социализм!..

Конечно, Шевцов не был побежден окончательно. Кое-кто искренне верил в его «культурническую» миссию, не отдавая себе отчета в том, что он льстил им и оттягивал их от революционных задач большевиков. Смородин и Алексеев решили дожидаться «манифеста» «Труда и света»: Шевцов обещал предложить его делегатам в июне.

КОНФЕРЕНЦИЯ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

Наступил долгожданный день 17 мая. Удивительно он начался, необычно кончился. И Смородин запомнил его на всю жизнь.

Рано утром примчался связной от Алексеева и Канкина. Они решили разорвать с верхушкой «Труда и света»: «Формально мы будем поддерживать отношения со всерайонной организацией. Но набросали свой проект Устава Социалистического союза рабочей молодежи. Посылаем его тебе». Как выяснилось позднее, к ним присоединился и Коломенский район, где вожаком стал Оскар Рывкин.

Трижды перечитал Петр Устав, составленный Алексеевым и Канкиным, и утвердился в мысли, что на него можно опираться, ведя бой во Всерайонном совете, хотя этот Устав и не очень складно написан. В те дни никто не умел писать таких вещей в союзе — не было опыта и знаний.

В Уставе, однако, отражено стремление молодых рабочих к активной политической жизни. И записаны требования, взятые из Программы большевиков: дать молодежи гражданские права с восемнадцати лет, дать ей право выбирать своих представителей в Советы рабочих и солдатских депутатов, обучать ее бесплатно, установить для нее шестичасовой рабочий день и запретить эксплуатацию детского труда.

Вася Алексеев в записке сообщил, что назавтра они открывают у себя в районе социалистический клуб молодежи.

Первая мысль Петра была поехать на Выборгскую сторону за советом к Надежде Константиновне Крупской. Он виделся с ней на собрании 14 мая и рассказал ей о своих делах в Петроградском районе. Но она сама «пришла» к нему, как только развернул он номер «Правды». Крупская напечатала в тот день статью «Борьба за рабочую молодежь».

Бывают же такие минуты: Крупская словно обращалась к Петру, так ее взгляды совпадали с его мыслями в этот трудный для него час. «За кем рабочая молодежь, за тем — будущее», — писала она. И по этой причине социалисты всех стран идут к молодым рабочим с открытым забралом и говорят ясно, чего хотят, за что борются. И не скрывают, что детям пролетариата предстоит тяжелая борьба. Для победы надо быть сознательным, организованным и ясно видеть, куда идешь. Рабочие-подростки самой жизнью вовлечены в классовую борьбу пролетариата и не могут от нее оторваться, не изменив классовой солидарности. Вот почему

«юношеские социалистические организации в Западной Европе представляют собой пролетарские организации, и их газеты и журналы носят вполне определенный политический характер».

Далее Надежда Константиновна рассказывала о всяких хитрых маневрах буржуазных партий. Они любой Ценой хотят отвлечь рабочую молодежь от партии пролетариата. Но на такое черное дело открыто не пойдешь! И они прибегают к маскировке, идут к молодежи под видом добрых и сочувствующих «беспартийных» людей. Пользуясь доверчивостью молодежи, они стараются прежде всего приобрести ее расположение, они прямо не говорят, что рабочая партия плоха, но говорят: Товарищи, вы еще не зрелы, вам рано еще заниматься политикой, рано навешивать на себя ярлык, надо сначала поучиться, приобрести знания, и только тогда вы можете сознательно решить, к какой партии вы принадлежите, не давайте влиять на себя, охраняйте свою индивидуальность, независимость!»

Как показалось Смородину, сделал он правильные выводы из этой статьи Надежды Константиновны. Партия в лице Крупской определенно заявила, что рабочая молодежь в поле ее зрения. Значит, надо ждать коренного перелома в движении и ему содействовать. Сам он держался позиции верной — работать рядом с Шевцовым, но подрывать доверие к «вождю» и его сторонникам на всяком молодежном собрании и во Всерайонном совете. С уставом Алексева и Канкина согласиться, но дополнить его одним программным требованием: неустанно бороться с капиталом за торжество социализма.

Кстати, этот пункт был позднее отражен в «манифесте» «Труда и света» при утверждении его на заседании Всерайонного совета 12 июня.

«Манифест» мало чем отличался от других писаний Шевцова, сделанных по одной колодке: те же слова о науке, просвещении и красоте жизни. И пожелания: создать школы и курсы и учредить литературный дом, театр и клубы, приступить к изданию журнала и проводить гимнастические состязания, экскурсии.

Смородин с удовольствием бы увидел все это в Уставе или Программе союза молодежи, которому бы открыла дорогу в светлое будущее победившая власть Советов.

Но победы еще не было. За нее приходилось бороться каждый день. А Шевцов в своем «манифесте» призывал рабочую молодежь сторониться революционной борьбы: об этом «пусть позаботятся наши матери и отцы».

Смородин настоял, Левенсон и Фокин поддержали его, и в «манифесте» появился единственный пункт, не звучащий в унисон

шевцовским призывам:

«Мы призываем всех товарищей, девушек и юношей, пролетариев трудиться, просвещаться, но быть готовыми встать по первому зову пролетариата-отца, Совета рабочих и солдатских депутатов, и первыми занять баррикады, если остаткам гнусного царизма или проискам бездушного капитализма будет должно дать последний удар».

Это было в июне, а сейчас только начался день 17 мая. Вслед за статьей Крупской пришла отличная весть с фабрики Керстена; молодые рабочие поддержали бастующих прачек города. Они еще митинговали в столовой, когда Смородин пришел к ним, сказал свое «добро» и объявил, чтоб вечером все были на районном собрании.

Накал страстей не утихал. Рабочие завода Щетинина — и взрослые и подростки — выразили недоверие Временному правительству. На Монетном дворе тоже полыхнул митинг: в обеденный перерыв рабочие потребовали предоставлять месячный отпуск с полным содержанием всем, кто проработал на предприятии не менее одного года. Во всех этих делах чувствовалась крепнущая сила партии большевиков...

По сути дела, от имени партии Смородин и открыл в четыре часа дня первое районное собрание рабочей молодежи Петроградской стороны. Позднее появились критики, которые обрушивались на решения этой конференции. Но Смородин не соглашался с ними: он выиграл время, он повел за собой костяк организации, он взлелеял еще один росток будущего комсомола.

Дело было на Большой Монетной улице, в доме № 14, где размещался районный Совет рабочих и солдатских депутатов. От местных юношеских исполкомов прибыло сорок пять представителей. Петр Смородин предложил на их усмотрение четыре вопроса: 1) план работы, 2) о финансах, 3) выборы комиссий, 4) выборы районного комитета.

С горящими лицами подходили звонкоголосые делегаты к трибуне. И начинались баталии. Неожиданным и радостным было перевоплощение юношей и девушек в ораторов на таком ответственном собрании: они волновались и подбирали какие-то слова, совсем необычные в разговорной речи. Иные убегали в зал, не досказав мысли, и что-то докрикивали с места. Но никто не скрывал радости: ведь сегодня рождалось их будущее комсомольское братство.

Петр знал их почти всех: по именам, кличкам, характерам, добрым и недобрым поступкам в суровые дни революции. И отчетливо понимал, как они счастливы в эти минуты, потому что идут в гору, ширится перед ними необозримый горизонт, резче бьется сердце. И хочется сказать обо всем,

чем переполнена душа.

Но уже по первым ораторам он понял: будет ему жарко — молодо-зелено, крику много, толку мало, тяжелы еще оковы громких и пустых фраз господ меньшевиков, и дело берут на одно плечо, полегче и, как сказал Вася Вьюрков, «покрасивше».

Словом, неожиданно для Петра первое решение складывалось в пользу... танцев. Иван Кулешов вспоминал об этом дне: «Споры были настолько сильны, насколько мог лишь позволить повышенный темперамент юношей. Смородин убедительно метал своими доводами. Он не только говорил, он просто орал: что, мол, «большевики на кабацкие методы просвещения переходить не должны и поощрять их не смеют. Этак можно протанцевать всю революцию. Надо перейти к серьезной культурно-просветительной работе».

Петр понимал, что криком не все возьмешь от этих делегатов. Важнее то, что они вдруг ощутили себя единым коллективом. Пусть он еще разноголосый: с первого раза и не доведешь его до истины. Но ребята уже кое о чем задумываются. Один кричал о танцах, но с оговоркой: «Так это же на первых порах, чтоб сблизиться. Потом и других дел будет по горло. Смородин у нас за монаха и книжника, ему это в диковинку. А прошелся бы в паре с красивой девчонкой, другие бы песни запел, ей-богу!» Грохнул хохот: опять же неплохо! И даже по суровому лицу Смородина скользнула улыбка.

Другие опасались, что всякое иное дело непременно упрется в деньги, а где их взять? И напирали на то, что может сразу же пригодиться в жизни. Так, девушки настояли на решении о курсах кройки и шитья. Какой-то горлохват крикнул с места: «А это как, без денег? За помещение — плати, за инструктора — тоже!» Смородин сказал, что будет добиваться денег у Скороходова. А пока решили собрать деньги для курсов путем устройства открытых балов.

Пришлось махнуть на это рукой. А через три месяца, после первой городской конференции Социалистического союза рабочей молодежи красного Питера, Смородин вспомнил о танцевальной «баталии» у себя в районе, когда пришлось изыскивать средства для печатания членских билетов.

— Было время, кое-кто посмеивался над решением первой конференции Петроградской стороны: мол, танцы и всякие балы. А и сейчас пока выход-то один: платные митинги-концерты, даже с танцами. Доход поделим так: половину — в кассу Петроградского комитета союза, другую — на нужды районов!

И никто не стал спорить с его предложением...

Но до августа было далеко: шел еще памятный день 17 мая. И наступил час выборов райкома. Слышны были меньшевистские подголоски: как да зачем? Но под напором дружного коллектива с фабрики Керстена разговоры прекратились. Создано было районное бюро юношеских исполнительных комитетов Петроградской стороны. Петр Смородин стал его председателем. Да и почти все товарищи в президиуме были его сторонниками: Трухневич, Кузьмина, Авилов, Шамович, Вечерский, Тарасова.

— Начала сбываться мечта молодых рабочих Петроградской стороны, — сказал Смородин, закрывая конференцию. — Мы теперь сплочены в масштабах района, у нас есть теперь хорошая опора в экономической и политической борьбе: законно избранное бюро. А уж оно-то постарается включить всех юных пролетариев нашей стороны в общую историческую цепь революционной классовой борьбы!..

И закончился день отлично. Скороходов поздно вечером открыл политический клуб Петроградской стороны. Все делегаты конференции до полуночи были вместе с большевиками района.

Скороходов пообещал дать деньги для бюро и вскоре обещание выполнил. Петру он сказал доверительно:

— Становитесь на ноги быстрее, я подниму вопрос о вашем представителе в райсовете! Так что скоро все дела будем решать вместе!

КОНЕЦ «ТРУДА И СВЕТА»

«Вся история «Труда и света» есть история взрыва этой оболочки, то есть верхушки организации», — писали позднее историки юношеского движения в Питере. Петр Смородин был одним из главных «взрывателей» этой шевцовской верхушки.

Но без крепкого плеча Васи Алексеева и его боевых товарищей он не чувствовал себя уверенным в окончательной победе. И вечером 18 мая оказался за Нарвской заставой, в особнячке, расположенном в Екатерингофском парке. Там Вася Алексеев открывал заседание социалистического клуба.

Многолюдным было собрание, Иван Скоринко прочитал с трибуны статью Крупской «Борьба за рабочую молодежь». И толково сделал вывод:

— Мы всегда говорили, что буржуазия заслала в наши ряды Шевцова, чтобы отвлечь рабочую молодежь от борьбы за интересы пролетариата, и ушли из ЦК, где сидит господин Шевцов со своими «апостолами». Этот агент капитала вбил себе в голову, что он может прибрать к рукам юношескую организацию красного Питера! Не выйдет, господин Шевцов! Нарвцы всегда дадут вам по рукам!

Анархист Зернов распалился еще крепче:

— Я бы дал этому Шевцову по башке — и катись в Могилевскую!

Вася Алексеев занял несколько иную позицию:

— Зря кричать не будем! Задача нашего союза — содействовать выработке классового сознания у молодежи, помочь ей понять великую историческую цель пролетариата: уничтожить капитализм и создать новый, социалистический строй. Только так и можно воспитать из юных пролетариев борцов за идеалы социализма. Мы с Шевцовым спорим не для того, чтобы его убедить: это затея пустая, ненужная. Нам надо разоблачить перед всей рабочей молодежью действительный смысл его буржуазных теорий. И мы не сомневаемся, что этим путем добьемся, что не только Шевцов будет изгнан из рядов питерского юного пролетариата, но и другим Шевцовым больше не удастся вкрасься в доверие к рабочей молодежи.

Все шло гладко. Скоринко предложил резолюцию — ее приняли все, кроме анархиста Зернова:

— «Социалистический юный пролетариат Нарвско-Петергофского района приветствует большевистскую партию за ее заботу об идейном революционном воспитании рабочей молодежи. Статьи дорогого товарища

Крупской полностью одобряем. Мы выражаем уверенность в том, что весь юный пролетариат России пойдет за большевиками и даст достойный отпор всем попыткам буржуазии оказать на него влияние».

После собрания Вася заверил Петра, что во Всерайонный совет нарвцы вернутся.

— Ну, всю накипь с души снял, — сказал Смородин, прощаясь. — Я уж думал, что вы меня одного хотите оставить с Шевцовым.

На добрых десять недель жизнь Петра пошла двумя дорогами: и в ЦК «Труда и света» он на первых ролях, и на Петроградской стороне среди молодежи за главного,

Сам Смородин в анкетах более позднего периода (1921–1922 гг.) писал: «С V по VIII 1917 года — петроградская организация «Труд и свет», активный работник». И уточнял, в какой форме раскрывалась эта активность: «Связь с «Трудом и светом» и разложение этой организации».

Фактически все жили так, кому пришлось бороться при «временных» за торжество большевистской линии. И за примером далеко ходить не стоило: Скороходов день за днем скрещивал мечи с меньшевиками в районном Совете. И так четыре месяца, пока не стал в июле его председателем.

Руководители «Труда и света» почти все решения принимали вопреки позиции Петра Смородина и Ивана Скоринко. Петр крыл их под корень, язвил и издевался. Иногда решения принимались большинством в один голос. И формально он им подчинялся и должен был проводить их в своем районе.

Но жизнь требовала совершенно иных решений, которые уводили бы молодежь из-под тлетворного влияния шевцовской братии. И уж тут Петр не чувствовал себя связанным с делами «верхушки».

Шевцовские идеи о «культурке» раскидали корни по многим мелким предприятиям района. Но даже и там они не смогли оторвать молодежь от политической жизни.

В райкоме союза молодежи Петроградской стороны подобралась дружная, весьма активная конфликтная комиссия, которая занималась отношениями рабочих-подростков с администрацией. Она защищала интересы подростков. Особенно когда вставал вопрос о заработной плате, о льготах для молодежи, и с завидным упорством, которое внушил ей Смородин.

— Бога нет, «временным» сидеть недолго, алая заря светит рабочей победе! Говорите смело, вы будущие хозяева жизни! Где промолчите — не

прощу!

Райком партии направил своим представителем в бюро союза молодежи Сергея Прохорова. Он был очень кстати: чуть старше Петра, но большевик с пятнадцатого года, человек мягкий и заботливый. Нравились ему шумные собрания подростков: он только посмеивался, Дергал себя за левый ус и нервно поводил плечом — его до полусмерти избили жандармы при последнем аресте. Он всегда брал слово и советчик был отличный: подскажет умно, тонко, без нажима, и не согласиться с ним нельзя.

С его помощью удалось Петру почти на всех фабриках и заводах решить важные дела: и о представителях от молодежи в фабкомах, об охране труда подростков, и о новых, повышенных расценках.

И Александр Кастанович не бросил молодежь на произвол судьбы. В конце мая он предложил райсовету обсудить вопрос «О юношеской организации» и добился решения: «При районном Совете существует организация юношей». Это был тактический ход: Петр мог теперь по любому поводу обращаться в Совет за поддержкой. И она приходила. Хотя и со скрипом, хозяева стали освобождать представителей юношеской организации для ведения общественной работы «с оплатой за время, потраченное по делам организации, наравне с прочими рабочими». Да и Петра Смородина в конце мая избрали членом районного Совета рабочих и солдатских депутатов как «молодежного председателя».

Такие вожаки рабочей молодежи, как Василий Алексеев и Петр Смородин, вели твердую линию большевиков и страшно удручали Шевцова.

Оппозиция Алексеева и Смородина привела его к мысли: провал неизбежен! И он решил показать зубы: внес в устав «Труда и света» такие пункты:

«Ни один член Всерайонного совета не имеет права где бы то ни было выступать публично — письменно или устно — без надлежащего всякий раз на это полномочия от Всерайонного совета». И еще крепче: «Все члены Всерайонного совета должны на заседаниях сохранять полную беспартийность, уважать мнение каждого оратора, соблюдать порядок записи речей, не касаться партий и лиц без особого на всякий случай разрешения председателя Всерайонного совета и безусловного подчинения большинству. Неподчинение требованию большинства в лице председателя считается ликвидаторским».

Словом, было кому выполнять социальный заказ капитала: «душка» Керенский лез в бонопарты, «душка» Шевцов — в молодежного диктатора. И подписал себе «смертный» приговор. Привели его в исполнение

Алексеев, Смородин и другие товарищи в июле 1917 года. Тогда обсуждался этот устав, и пришло известие, что Шевцов принял для организации триста рублей от нефтяного короля Нобеля, с реверансом в сторону этого господина, сказавшего ему при вручении денег: «Откройте школу чертежников, а для девушек — курсы кройки и шитья. Только чтоб без политики!..»

А пока суд да дело, Смородин героически защищал экономические интересы каждого подростка и широко разворачивал культурно-просветительную работу не по канонам Шевцова.

Скороходов сдержал слово, и союз Петроградской стороны располагал средствами для таких дел, как драматический и хоровой кружки, школы грамоты и спортивные игры.

Райком союза молодежи получил хорошее помещение бок о бок с райкомом партии и районным Советом. Туда вскоре нашли дорогу гармонисты и балалаечники, рабочие поэты.

И почти каждый вечер в райкоме молодежи шли беседы Смородина, Прохорова, Скороходова и других большевиков. Когда же в райкоме не хватало места, всем гуртом перебирались в огромное здание Манежа на Спасской улице.

Шевцов не сдавался: он перенес свои танцульки, посиделки и курсы домоводства на Петроградскую сторону, на Каменноостровский проспект, в клуб «Восходящего солнца». Верхушка «Труда и света» открыла его в школе имени принца Ольденбургского.

Выглядел этот клуб убого: голые стены, несколько скамеек и паутина. Иван Кулешов вспоминал: «Судьба клуба была предрешена. Слезные петиции Шевцова к буржуазии о помощи остались бредом несостоятельного наследника, хотя он и уверял наших товарищей в своем материальном могуществе. Во всяком случае, Петроградский район у него в долгу не оставался, так как его субсидий не имел. Клуб без денег что человек без головы — умер в борьбе за существование. Кроме того, соответственно такому учреждению подобрались и администраторы. Они проворовались, растратили даже те скудные копейки, которые выделяла из своего бюджета молодежь...»

И Смородин мог спустя несколько лет заявить:

— Неверно, что все бросились проводить балы, танцы. Не было организационного опыта. Но была ненависть к капиталистической системе. Мы разбирались, какая партия правильно защищает интересы рабочего класса и что нам надо, чтобы защитить свои интересы...

Пареньки, даже самые отчаянные, побаивались Петра. Но и любили,

как любят в незабываемые дни юности строгого, верного и правдивого старшего брата, интересного, чуткого учителя, умного и ласкового командира. Когда он вел их на демонстрации против Временного правительства — в июне, в июле, когда формировал отряды против Корнилова или на решающий штурм Зимнего и когда, наконец, ушел на фронт против немцев и белой гвардии, почти вся будущая комсомолия Петроградской стороны устремлялась за ним.

Пока же не было открытых боев, молодые работницы горящими глазами заглядывались на своего молодежного председателя.

Шел ему двадцать первый год, и парень он был ладный, с русым чубом на высоком лбу; на слова острый и пошутить мастак, хоть никогда и не расходилась глубокая суровая складка у каштановых бровей. По вечерам, когда он был все на людях да на людях, то и приодевался чисто, и непременно выказывал свою единственную «слабость»: до агатового блеска ваксил сапоги. Он был из той породы людей, которые свою духовную цельность умели подчеркнуть неброской опрятностью в одежде.

Самые передовые, здоровые силы рабочего класса Питера особенно оживили, усилили борьбу за молодежь с конца весны — с начала лета.

В мае и в июне, дважды, обсуждали большевики в своем ПК вопрос о юношеских организациях и создали специальную комиссию для работы с молодежью.

Выступила снова Надежда Константиновна Крупская. В ее статье «Как организовать рабочей молодежи?», напечатанной в «Правде» 7 июня, был опубликован примерный устав союза рабочей молодежи России.

Все это стало добрым знаком решающего перелома. Теперь за рабочую молодежь — морально и политически — отвечали все руководители райкомов партии: Вера Слуцкая, Иван Чугурин, Евгения Егорова и Георгий Пылаев, Станислав Косиор, Антон Слуцкий, Людмила Менжинская, Александр Скороходов и Сергей Прохоров, Иван Рахья. И — Надежда Константиновна Крупская.

Была повернута к молодежи и выдающаяся лекторская группа большевиков красного Питера: Луначарский и Володарский, Мануильский и Урицкий.

Рабочая молодежь деловым порывом отвечала на благородные усилия большевиков. 18 июня состоялась очередная массовая демонстрация. Она была вызвана острым недовольством рабочих и солдат политикой Временного правительства, особенно наступлением на фронте, задуманным Керенским в угоду английской и французской буржуазии.

Около полумиллиона рабочих и солдат заполнили улицы. Молодежь — почти вся — шла под лозунгами большевиков. Как ни старалась верхушка «Труда и света» осадить подростков, запретить им участвовать в демонстрации, они несли лозунги партии Ленина: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» Петр Смородин и Трухневич вывели на улицы три тысячи подростков — почти весь состав союза Петроградской стороны. Это был знаменательный день в истории будущего комсомола, когда полюсы в юношеском движении размежевались так отчетливо: на одном стоял перепуганный, даже заплаканный, Шевцов, на другом — Петр Смородин, Василий Алексеев и другие молодые большевики.

А через две недели — третьего и четвертого июля — в грозные дни демонстрации, расстрелянной провокаторами, пришло к концу мимолетное «величие» верхушки «Труда и света» и началось стремительное падение, приведшее к политической ее смерти.

Разумеется, не так все было просто. В ту суровую полосу истории кончилось двоевластие в пользу буржуазии. В черносотенной газете «Живое слово» 5 июля на первой полосе, как на цирковой афише, было заявлено, что Ленин — германский шпион.

Реакция обнаглела. Редактор альманаха «Былое» Владимир Бурцев опубликовал первый список «шпионов»: Ленин, Коллонтай, Стеклов, Рязанов, Луначарский, Рошаль, Горький. Луначарский был схвачен и оказался в «Крестах». Следом за ним попали в тюремные камеры Антонов-Овсеенко, Рошаль, Дыбенко, Коллонтай, Багдатов, бывший редактор «Окопной правды» офицер Хаустов и прапорщик Сивере. И просидели там больше месяца.

Два решающих класса в столице — рабочие и буржуазия — стали стягивать силы для последнего боя за власть. И никакой лепет Шевцова и его верных дружков о беспартийности и «красоте жизни» уже не мог иметь поддержки в массовом движении молодежи. Но даже старый, прогнивший пенек сам не выскакивает из земли: его надо вырыть с корнем!..

До жарких летних дней, почти до июльского расстрела мирной демонстрации рабочих и солдат, в поле зрения молодежных организаций, включая «Труд и свет», находились лишь подростки, то самое «молодозелено», о чем Петр говаривал не раз.

Сами же старшие — Смородин, Алексеев, Канкин, Скоринко, Тютиков, Левенсон и другие — были их наставниками. Однако и они, и их сверстники, уже вступившие в партию, не были еще объединены юношеским союзом.

В дни, когда началась подготовка к VI съезду партии, такое положение стало нетерпимым по многим обстоятельствам. Партия не без оснований рассчитывала, что передовая рабочая молодежь, тяготеющая к Красной гвардии, будет в дни решающего штурма ее боевым, ударным отрядом. А для такой исторической битвы с буржуазией ей надо сплотиться. Это главное. Кроме того, без крепкой самостоятельной организации юношам и девушкам восемнадцати-двадцати лет куда труднее бороться за свои права, особенно за право голоса с восемнадцати, а не с двадцати одного года, как определило Временное правительство.

Постепенно в районах стала сплываться молодежь постарше, тесно связанная с Петербургским комитетом большевиков.

Так появилось в «Правде» 19 июня «Открытое письмо товарищам рабочим и солдатам». Написал его «Член РСДРП (б) О. Скар». И основная его мысль была ясна: «Как один из лишенных права голоса, я протестую и прошу товарищей рабочих и солдат своими резолюциями и выступлениями добиться отмены этого постановления. Товарищей же рабочих и работниц 18–20 лет я призываю организовать в мощный союз защиты избирательных прав, и чтобы в нужный момент суметь отстоять свое право».

Через день-другой Алексеев и Смородин расшифровали этого О. Скара. Им оказался молодой большевик Оскар Рыбкин из Коломенского района, который действовал в согласии с помощником секретаря ПК большевиков Лизой Пылаевой. По инициативе Петербургского комитета большевиков они решили созвать собрание рабочей молодежи и потребовать предоставления избирательных прав с восемнадцати лет.

Лиза и Оскар появились у Смородина. Он их знал в лицо, особенно Лизу, с ней встречался не раз в ПК большевиков во дворце Кшесинской. Видел ее и на Выборгской стороне, где работал ее старший брат Георгий Пылаев. Знал, что она дружила с Надеждой Константиновной Крупской, а Мария Ильинична Ульянова рекомендовала ее в партию в те самые дни, когда принимали и Петра. Была Лиза рассудительной, спокойной, с низковатым голосом, глаза голубые, розовощекая. Настоящая русская красавица! И поэтому не совсем шла ей к лицу большая фуражка, надвинутая почти до бровей.

Рядом с высокой и стройной Лизой щуплым казался Оскар — черноглазый, в пенсне, маленький, шустрый. В непомерно большой кепке, заломленной на затылок.

Договорились, что по объявлению в «Правде» Смородин направит на митинг группу членов союза старшего возраста.

Петр вызвал Васю Вьюркова с завода Лоренца и поручил ему подготовить список делегатов от Петроградской стороны.

Объявление в «Правде» было обращено к молодежи восемнадцати-девятнадцати лет: «Нас лишили гражданского голоса при выборах в Учредительное собрание. Мы не должны молчать, протестуйте все! Нас, 18 и 19-летних, одевают в шинели и гонят на бойню. Мы, 18 и 19-летние, как равные со взрослыми, становимся к станкам. Капитал налагает на нас столь же тяжелое бремя, как и на взрослых! Организуйтесь! Отстаивайте свое гражданское право! Приходите все, без различия пола, вероисповедания, 22 июня в 7 часов вечера в клуб рабочих и солдат «Объединение» для обсуждения этого вопроса». Адрес был указан в городском Рождественском районе: улица Херсонская, дом № 2.

Собрание удалось. Около сотни делегатов, преимущественно солдат, с восторгом встретили Лизу. Она просто сказала: «Я Елизавета Пылаева — одна из организаторов собрания!» Ее избрали председателем. Она же и сделала Доклад «О текущем моменте». Говорила горячо, убежденно. И после ее доклада сразу же было решено послать приветствие Владимиру Ильичу Ленину; в письме к вождю революции делегаты выразили свое полное согласие с политикой большевистской партии. Вслед за приветствием была принята резолюция:

«Мы, 18-летние и 19-летние рабочие, работницы и солдаты, в количестве 100 человек, обсудив вопрос о лишении рабочей молодежи избирательных прав, выражаем свой резкий протест против уравнивания молодежи в бесправии с преступниками и умалишенными и требуем от представителей демократии — Совета рабочих и солдатских депутатов — добиваться предоставления нам всех прав, за которые многие из нас боролись, не жалея своей свободы и самой жизни, наравне со старшими товарищами. Это наше требование мы в случае необходимости поддержим организованным выступлением. Полное избирательное право молодежи, начиная с 18-летнего возраста!»

Затем пошла речь: а как же сплотить свои усилия? Послышались голоса: раз мы в Рождественском районе, не создать ли Социалистический союз рабочей молодежи этого района? Но рождественцев было мало. И возникла новая мысль: мы из разных районов столицы, почему бы и не назвать наш союз межрайонным? И сделать так, чтобы этот союз стал центром борьбы против соглашателей из «Труда и света» и помог сплотить союзы в районах Питера в единую пролетарскую юношескую организацию.

С этим согласились все. И выбрали оргбюро: Елизавета Пылаева,

Оскар Рывкин, Эдуард Леске, Василий Вьюрков и другие. Председателем избрали Лизу.

Она заручилась поддержкой ПК большевиков и назначила на 1 июля большой молодежный митинг в цирке «Модерн».

«Правда» помогла молодежи и напечатала объявление: «Выступает ряд ораторов, хор певчих завода «Новый Лесснер» и оркестр духовой музыки Измайловского полка».

Три тысячи молодых рабочих и солдат слушали большевиков: Рахью, Слуцкого и Харитонову. Эдуард Леске и Лиза Пылаева говорили о задачах нового союза. Собрание высказалось в том духе, что необходимо созвать городскую конференцию старшей молодежи, создать единый союз в столице. В тот вечер записалось в новый союз более полутора человека...

1 июля начала работать II городская конференция большевиков. Она продолжалась двадцать дней: ее прерывали и кровавые события 3–4 июля, и разгул темных сил реакции.

Надежда Константиновна выступила на конференции с докладом «О союзе рабочей молодежи». Она рассказала о размахе юношеского движения в столице: до пятидесяти тысяч членов организованы в районах. По мнению Надежды Константиновны, Петербургский комитет уделял недостаточно внимания союзу, и это позволило втереться в его ЦК типу из шовинистической газеты, окружившему себя ореолом таинственности и беспартийности. Он-то и сочиняет все документы, пронизанные буржуазной идеологией. У молодежи нет еще классового самосознания, но «классовый инстинкт сказывается в их речах и действиях сильно». Нужен самый близкий контакт между партийными организациями и беспартийными, самостоятельными, массовыми союзами пролетарской молодежи, чтобы помогать им и идейно руководить ими.

Василий Алексеев и Петр Смородин работали в комиссии конференции, которая подготовила проект Программы и Устава союза. Они понимали, что революционно настроенная рабочая молодежь не напугается социалистического названия союза и смело пойдет за большевиками, призывавшими ее на решительную борьбу с существующим строем.

Конференция определила конкретно ближайшие цели союза молодежи: а) развивать у своих членов сознание их классовых интересов, поднимать уровень их культурного и общеобразовательного развития и тем самым готовить из них сознательных, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала, борьбы за социализм; б) содействовать улучшению экономического и

политического правового положения рабочей молодежи, добиваясь при содействии политических, профессиональных и других организаций рабочего класса издания законов об охране детского труда, шестичасовом рабочем дне для подростков, запрещения ночного труда для подростков до восемнадцати лет, установления минимума заработной платы, предоставления права выбора с восемнадцати лет и т. д.

Определялись и уставные положения союза:

«Конференция считает, 1) что организации молодежи должны быть массовыми пролетарскими организациями, социалистическими по духу и тесно связанными с Интернационалом Молодежи; 2) что партия должна со всем вниманием отнестись к возникающим самостоятельно организациям молодежи, оказывать им содействие и посылать туда своих членов, чтобы установить тесный контакт между движением взрослых рабочих и движением молодежи.

Поэтому конференция находит нужным поддержать работающую в Петрограде организацию молодежи и помочь ей сложиться так, чтобы она способствовала выработке сознательных и активных членов партии, способных справиться с задачами, которые поставит перед ними жизнь...»

18 июля, еще в дни работы конференции столичных большевиков, Всерайонный совет «Труда и света» заслушал финансовый отчет Шевцова. Пока он сводил сальдо, делегаты помалкивали, хотя кому-то и бросилась в глаза странная вещь: денег собрали мало, израсходовали много. Но он вдруг выступил с осуждением революционных демонстраций молодежи, и плотину прорвало: большевистские делегаты потребовали снять «вождя» с руководящей работы.

Жалко было видеть растерявшегося, тщедушного человечка в пенсне в эту грозную минуту. Со слезами на глазах он пояснил, что истратил на дела организации все свои деньги и положил для нее так много труда безвозмездно. И даже самые непримиримые члены совета пошли на компромиссное решение: с должности председателя снять, оставить управляющим делами.

В тот день Шевцов еще не повалился: он только зашатался. И вскоре ухватился за последнюю соломинку: 5 августа назначил торжественное собрание членов совета, что-то вроде банкета в честь скромного юбилея «Труда и света». Он огласил программу и устав. Но делегатам стало известно и о подачке Нобеля.

К этому дню во многих районах, в том числе и на Петроградской стороне у Смородина, райкомы были переизбраны, проект шевцовского

устава отвергнут. Молодые большевики решили дать последний бой Шевцову. Он в радужных тонах толковал о перспективах организации. Но Вася Алексеев перехватил инициативу; разнес в пух и в прах всю деятельность Шевцова, его устав и «манифест» и заявил, что время «Труда и света» прошло, что рабочая молодежь не пойдет больше культурническим путем, а будет непосредственно участвовать в борьбе рабочего класса за политические и экономические права.

Он напомнил, что рабочая молодежь на своих митингах заклеила эсеров и меньшевиков как поборников июльского расстрела рабочих. Молодежь посылает горячие приветствия Ленину, требует освободить арестованных большевиков, отменить смертную казнь на фронте и передать власть рабочим и беднейшим крестьянам.

— Так что не будем терять времени зря! — заключил Алексеев. — От имени большевистской части Всерайонного совета предлагаю распустить организацию «Труд и свет». А тех, кому дорога окончательная победа рабочего класса, призываю вступать в ряды Социалистического союза рабочей молодежи!..

После этого заявления Васи Алексеева большинство членов ЦК покинуло заседание. С Шевцовым осталась самая малая группа: Дрязгов, Цепков, Метелкин, Соколов и Голубева. Некоторое время держалась за Шевцова группа подростков с Выборгской стороны. Они первыми призвали молодежь Питера к объединению в масштабе всей столицы; они последними покинули своего временного «вождя». А позднее забрали все документы ЦК «Труда и света» и перебазировались в свой районный Социалистический союз рабочей молодежи.

«Труд и свет» был брошен на свалку.

Теперь подошли вплотную неотложные другие дела. Юнкера захватили дворец Кшесинской и цирк «Модерн» и разгромили Петроградский райком партии. К счастью, Скороходов и Прохоров укрылись от ареста по старым явочным квартирам на Выборгской стороне. Но попали в подвал главного штаба две их сотрудницы — помогавшие Петру в союзе Таня Граф и Паша Шибанова.

Всюду шли погромы большевистских комитетов и обыски на заводах: молодчики Керенского изымали оружие у рабочих. Скороходов перевел райсовет на завод военно-врачебных заготовлений, где был сильный отряд Красной гвардии. Но и там не удалось удержаться, да и потеряли много оружия: юнкера захватили четыреста винтовок.

Это был тревожный сигнал. И в первую же ночь Смородин со своими товарищами рассовал часть оружия под полом слесарной мастерской на

фабрике Шапльпша. А один ящик с винтовками сумели спрятать в угольном навале возле котельной. И на других фабриках удалось укрыть винтовки и пистолеты на чердаках, в штабелях досок и дров.

В напряженной обстановке острой борьбы реакции с революцией оживилось питерское «дно». Вылезли из нор всякие мазурики, по ночам действовали бандиты, налетчики, хулиганы. Красногвардейцы Петроградской стороны создали из молодых рабочих «летучий отряд», который был брошен против банды Петьки Пеца.

Все здоровые, крепкие парни Петроградской стороны спешили определить свое место в заводских отрядах Красной гвардии. Смородин был озабочен, как сохранить для них оружие, как научить их владеть винтовкой. Одновременно он каждый день выступал на молодежных митингах, готовя своих товарищей к первой городской конференции Социалистического союза рабочей молодежи.

На Петроградской стороне, да и в масштабе всей столицы, его дела помогли многим подросткам, юношам и девушкам понять в сложном переплете событий — где большевики, где меньшевики, где эсеры и анархисты. И все реже и реже молодежь шарахалась в сторону тех, кто кричал громче других и казался более радикальным.

Большевики не кричали на всех перекрестках, они вели свое дело не под литавры, исподволь готовя смену. «Старые члены партии, — вспоминал Смородин, — на заводах нам помогали, приходили и наталкивали, чтоб молодежь организовать».

Да и сам он занимался этим важным делом, и не только среди молодежи. В конце июля большевики выдвинули его кандидатуру на пост председателя фабкома у шапльгинцев. На более крупных предприятиях столицы большевики возглавили почти все фабзавкомы еще в мае. И претворяли в жизнь ленинский лозунг: «Рабочий контроль над производством и распределением продуктов». Промышленный Петроград оказался в тяжелом положении: начались перебои с доставкой топлива и сырья, резко возросла безработица. Жизнь требовала от пролетариата решительной экономической политики, а ее вводили в свою программу только ленинцы, и совершенно естественно, что они стали преобладать в фабричных и заводских комитетах.

На первой конференции фабзавкомов Петрограда 31 мая, где был и Смородин, выступал о рабочем контроле Владимир Ильич, и его резолюция была принята почти единогласно.

У шапльгинцев в фабкоме после февраля преобладали меньшевики. Но их соглашательская политика с буржуазией и требование не рабочего, а

«государственного контроля» уже не стали пользоваться поддержкой. Поэтому кандидатура «молодежного председателя» большевика Петра Смородина получила полное одобрение.

Конечно, кому-то казалось, что он очень молод — всего двадцать лет. Ведь обычно избирали в руководители фабричного комитета людей старшего поколения, опытных производственников. Но это не помешало его избранию: на фабрике уже успели оценить плодотворную деятельность Смородина в фабкоме за последние восемь месяцев. Он проявил свой боевой пролетарский характер в дни октябрьской политической стачки 1916 года, к которой призывал ПК большевиков. ПК тогда объяснял причины продовольственного и хозяйственного кризиса и показывал, что есть лишь один выход: усиление борьбы против войны и царизма. Вместе со старшими товарищами-ленинцами Смородин так распалил шапльгинцев, что они вышли на улицы одновременно с рабочими Выборгской стороны, Васильевского острова и Московской заставы. Бастовали три дня. Именно в это время к Смородину привязался полицейский «хвост», и товарищи по партии посоветовали ему укрыться на время в квартире господ Гардениных у Анны Петровны.

Когда он был еще заместителем председателя фабкома, к нему шли, чтобы разоблачить мастера, который требовал магарыч от новичков в дни первой полочки, тогда же родилась мысль об обследовании здоровья подростков, о создании библиотеки при фабричном комитете.

С его помощью окрепла работа больничной кассы. Теперь он заканчивал формирование фабричного отряда Красной гвардии и по подписке собирал деньги для приобретения оружия.

С приходом Смородина к руководству фабкомом сразу же был создан совет из рабочих, чтобы контролировать все стороны производственного процесса, вплоть до финансовой деятельности предприятия. Члены совета помогали добывать топливо и сырье, контролировали наем и увольнение рабочих и служащих, охраняли оборудование и готовую продукцию от расхищения. Совет уже не только разоблачал, но и выгонял мастеров, которые при царском режиме отличались холопским прислужничеством перед хозяином фабрики.

Разворачивался во всю силу безоблачный жаркий июль. Солнце к полудню так надвигалось в зенит, что все чаще возникало желание: в поле бы, в лес, на взморье, где нет каменных громад столицы, расплавленного асфальта и торцовых мостовых, остро пахнущих дегтем.

Шесть лет провел Смородин в столице. Никаких отпусков он не знал и каждое лето проводил в городе. Иногда ему казалось, что только в мечтах существует село Боринское, где об эту пору можно было броситься с обрыва у мельницы в Белый Колодезь, а потом, закинув назад мокрые волосы, промчаться вдоль межи по золотистой созревающей ниве и набрать большой букет васильков. Иногда он ловил себя на мысли, что не видел даже этих цветов целую вечность.

Жара в тот год подступала не только с неба: день ото дня распаялась атмосфера в общественной жизни столицы. И вскоре наступил страшный день, когда на углу Садовой и Невского падали на торцы безоружные рабочие.

Но молодежные дела не прекращались. В последний мирный день — перед началом демонстрации 3 июля, которая развернулась перед вечером, — Лиза Пылаева, Оскар Рывкин и Эдуард Леске созвали первое собрание членов межрайонного союза — человек полтора. Оно проходило в партийном клубе «III Интернационал», на Коломенской улице.

Петроградскую сторону представлял Вася Вьюрков с десятью делегатами. А Петра Смородина не было: он агитировал со Скороходовым и другими большевиками, чтоб предотвратить выход на демонстрацию. Или придать ей мирный характер.

Лиза Пылаева успела провести собрание успешно. Ей помогла Надежда Константиновна Крупская — она говорила об Уставе союза и о возможной его Программе. Официально был создан Межрайонный исполком Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ).

В него вошли Пылаева, Рывкин, Леске, Вьюрков; немного позднее — Евгения Герр. Им поручили подготовить набросок Программы и Устава. Материалы уже были у Алексеева и Смородина, и решения II городской конференции большевиков по докладу Крупской «О союзе рабочей молодежи».

Инициаторы межрайонного союза понимали отчетливо, что им нужна крепкая опора в районах, на рабочих окраинах. Без нее они могли

существовать лишь на правах как бы еще одной районной организации. Потому-то они специально оговорили два пункта: 2) «созвать представителей каждого района и совместно с ними выработать Устав и Программу союза»; и 6) «пригласить представителей из районов и выработать план созыва общегородской конференции».

В конце июля на заседании межрайонного союза, где собрались делегаты Невского, Коломенского и Василеостровского районов, создали единый центр — оргбюро по созыву I общегородской конференции ССРМ. В бюро вошли только большевики.

Хоть и вязал по рукам разгул реакции, но оргбюро помаленьку стягивало на Коломенскую, в клуб, старших подростков из всех районов. Там выступали Крупская, Литвинов, Володарский. В клубе развернулись и секции: научная, литературная и музыкально-драматическая.

Не без успеха действовали на митингах и члены оргбюро. Они говорили от лица передовой молодежи, и слушали их отлично. Но случались и казусы: то нападали юнкера и студенты-белоподкладочники; то затевали драчку «идейные» противники. И после очередного митинга начиналось настоящее побоище.

Удачнее многих держался сорванец Вася Вьюрков — любимец Смородина. Он ловко прикидывался на людях простачком. И однажды насмешил Петра рассказом об одном митинге у солдат.

— Все шло чинно. Потом буржуй вылез. Слово за слово, и давай себя кулаком в грудь: «Война идет для спасения родины, а большевики — против такой войны. Кто ж они? Немецкие шпионы!» Вижу — непорядок, потому что кой-какие братки уши поразвесили. Ну я буржуя и подсадил: «Дяденька, — говорю, — как вы все точно расписываете, видать, прямо к нам из окопов. Может, и ранены?» Он обалдел. «Нет, — говорит, — я там не был!» — «Ну, значит, на оборону стараетесь, снарядики для солдат делаете?» Солдаты, конечно, в хохот. Буржуй с трибуны — и будь здоров!

Одновременно оргбюро дорабатывало и проект Устава и Программы союза. К половине августа черновая работа была закончена: приняли чуть дополненный проект II городской конференции большевиков. Затем им занималась комиссия, которой руководил Вася Алексеев, окончательно отредактировали после VI съезда партии; I общегородскую конференцию Социалистического союза рабочей молодежи решили собрать 18 августа 1917 года. VI съезд партии проходил полулегально то на Выборгской стороне, где теперь находился штаб столичных большевиков, то за Нарвской заставой: в эти пролетарские районы каратели боялись совать нос. Делегатов со всей страны съезд мог принять не более двухсот

пятидесяти. Питер послал сорок человек, единственным молодежным делегатом был Вася Алексеев.

Но и Смородин не держался в стороне. Его красногвардейский отряд помогал кронштадтским морякам нести охрану 26 июля возле небольшого здания «Сампсониевского братства», где проходило первое заседание. Вместе со Скороходовым и другими ленинцами Петр подписал приветствие съезду. Яков Свердлов огласил его 2 августа:

«Уважаемые товарищи! Просим вас передать всем товарищам, участникам съезда, что пленарное заседание районного Совета рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны, состоявшееся 29 сего июля, шлет съезду товарищеский привет и пожелание успешной работы».

На тринадцатом вечернем заседании 2 августа после подробного обсуждения делегаты приняли резолюцию «О союзах молодежи». В ней подчеркивалось: обратить самое серьезное внимание на молодежь, имея в виду, какое большое значение представляет рабочая молодежь для рабочего движения в целом. Необходимо содействовать созданию классовых социалистических организаций пролетарского юношества и оказывать им поддержку.

Вася Алексеев активно работал на съезде, выступал в подсекции по организации молодежи. Он настоял, чтобы союз именовался социалистическим, и сделал важное заявление: рабочая молодежь Питера — юноши и девушки — выполнит любое поручение партии. Стала реальной и давняя мечта Алексеева — создать молодежный журнал «Юный пролетарий».

Словно отодвинулись к горизонту черные тучи, нависшие над столицей. Съезд взял курс на вооруженное восстание. Снова взметнулся ввысь лозунг: «Вся власть Советам!», временно снятый большевиками после июльского расстрела. Молодежи отводилась в восстании роль ударного отряда...

Но пока надо было срочно провести I общегородскую конференцию пролетарского юношества столицы и создать единый ССРМ Петрограда.

Редакция «Правды» была разгромлена. Объявление появилось в «Пролетарии»: «18 августа в 8 часов вечера открытие конференции всех петроградских организаций рабочей молодежи по вопросу объединения всех в одну организацию. Место конференции — Петергофское шоссе, 2».

Явились полтораста делегатов от тринадцати тысяч членов союза. Затем подошло еще человек тридцать от крупных предприятий города.

К тому дню закончила свой затянувшийся альянс с «Трудом и светом» молодежь Выборгской стороны. И прислала самую крупную делегацию —

почти половину состава конференции. Леске заспорил с ними по поводу нормы представительства, хотя никто ее не устанавливал. Он опасался, что Дрязгов будет мутить воду.

Так поначалу казалось не только Эдуарду: выборщики настояли избрать председателем конференции анархиста Михаила Кузнецова.

Пришлось устраивать проверку мандатов. Смородин и Алексеев провели даже фракционное заседание актива противников «Труда и света». Оказалось, что подозрения на счет выборгской делегации лишены оснований. Дрязгов считал ее своей, она же от него отвернулась. А при выборах президиума отрекся от него Кузнецов и дал понять, что развеялись и его анархистские иллюзии. И фактически руководили конференцией В. Алексеев, П. Смородин, Е. Пылаева, О. Рывкин и Э. Леске.

Удачным было уже начало. К тому же в этот день в газете «Пролетарий» появилось постановление VI съезда «О союзах молодежи», где указывалось на необходимость тесной связи союзов молодежи с большевистской партией, на жизненную важность большевистского руководства юношескими организациями. И это постановление в значительной мере определило настроение и интересы делегатов.

Погода была ужасная: почти непрерывный осенний питерский ливень, резкий ветер с Финского залива гнал свинцовые тучи, едва не валил с ног. Но народ явился дружно. Деревянный дом у самых Нарвских ворот, где недавно заседал VI съезд партии, был переполнен. В мокрой одежде, от которой валил пар, сидели на скамьях впритык.

Начал Вася Алексеев: его краткая речь была прекрасной заповедью. Он говорил о судьбе поколения рабочей молодежи, ее борьбе и целях:

— Народ вы боевой по самой природе, а по настроениям настоящий авангард пролетариата России. И вас не устрашат опасности и жертвы в борьбе за власть Советов! А эта власть не за горами. Создадим свой единый союз, и он скоро призовет нас к оружию!

С восторгом встретила молодежь Дмитрия Мануильского: он передал привет делегатам от партии большевиков. Ораторов десять вслед за ним выразили солидарность с партией.

С подробным разъяснением задач союза выступил член ПК большевиков Антон Слуцкий. Делегаты единодушно приняли обращение к партии и к Ленину, находившемуся в подполье: «Мы громко заявляем, что не остановимся ни перед какими жертвами в борьбе за уничтожение проклятого капиталистического строя, на развалинах которого мы новый мир построим».

Затем был доклад Леске о целях и задачах ССРМ.

В выступлениях делегатов доминировала мысль: союз должен вести борьбу за социализм, отстаивать насущные требования рабочей молодежи и проводить большую культурно-просветительную деятельность.

Эти взгляды делегатов отразились в «Резолюции рабочей молодежи о задачах организации»:

«Социалистический союз рабочей молодежи есть классовая организация пролетарского юношества, имеющая своей целью развитие классового самосознания подрастающего поколения рабочего класса, поднятие уровня его культурного развития, как необходимое условие подготовки к сознательной и решительной борьбе за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитализма — к борьбе за социализм.

Ставя эту задачу как основную, Социалистический союз рабочей молодежи будет добиваться экономического и политического правового положения рабочей молодежи: сокращения рабочего времени, увеличения заработной платы, ограждения молодых рабочих и работниц от хозяйственного произвола...

Конференция считает, что задачи, стоящие перед ССРМ, — задачи пролетарской молодежи всего мира и что только в братской солидарности пролетариата всех стран — гарантия успеха его дела. Конференция ССРМ, стремясь для осуществления намеченных задач к объединению пролетарской молодежи в один могучий юношеский Социалистический союз, пойдет рука об руку с организованным пролетариатом всей России в первых его рядах и, смело и гордо, подняв красное знамя борьбы, объявит себя отрядом Интернационала рабочей молодежи».

И когда Дрязгов все же завел волынку — «надо бы ограничить задачи союза рамками культурно-просветительной работы», — весь зал разразился хохотом.

Много сил и энергии пришлось отдать подготовке Программы и Устава. Наконец определили в Программе семь разделов, включая цели союза, его состав, и управление, и средства союза.

В тексте Программы еще не было прямого указания на тесную связь союза с партией. Но так как важнейшие программные положения были ранее зафиксированы в документах партии, такая связь естественно подразумевалась. Через год, когда на I Всероссийском съезде союзов молодежи создавался комсомол, было уже точно записано, что РКСМ «солидарен с Российской Коммунистической партией (большевиков)».

Относительно условий приема в союз было определено: «В члены ССРМ принимаются все до 21 года, признающие Программу и Устав

союза». Таким образом, открывались в союз двери и для учащейся молодежи.

Но, видимо, не все делегаты были удовлетворены Программой и Уставом, и для их доработки создали комиссию: Петр Смородин и Оскар Рыбкин. Они выполнили эту работу, указав даты, когда она была сделана: «18–28 августа 1917 года», хотя конференция закрылась 21 августа...

Прошли три дня напряженных и бурных заседаний. Все решения были оглашены и приняты. И конференция провозгласила создание Петроградского социалистического союза рабочей молодежи. Одновременно она решила завязать связи со всеми пролетарскими юношескими организациями России, чтобы создать Всероссийский ССРМ.

Делегаты единодушно избрали столичный городской комитет: Е. Пылаева, П. Смородин, И. Канкин, Л. Левенсон, М. Глебов, А. Устинов, М. Тарасов и М. Кузнецов. Вошел в комитет и Павел Бурмистров: он переболел «левой» болезнью анархизма и примкнул к большевикам, как пророчил ему Скороходов еще весной.

Председателем стал рабочий Орудийного завода Эдуард Леске, его заместителем — Василий Алексеев, секретарем — Оскар Рывкин. Почти все члены комитета были выдающимися представителями рабочего юношества Питера, выделялись политической зрелостью, беспредельной преданностью рабочему классу и организаторским талантом.

Первому составу Петроградского комитета ССРМ конференция дала наказ: «1) Установить связь со всеми районными организациями; 2) провести перерегистрацию членов союза; 3) отпечатать единую для всех, принятую конференцией, программу и устав; 4) обследовать положение рабочей молодежи и подростков на предприятиях; 5) войти в связь с профессиональными союзами и принять все меры к проведению 6-часового рабочего дня; 6) войти с предложением в правительственные органы и требовать избирательных прав несовершеннолетним; 7) издать свой печатный орган; 8) связаться со всеми существующими организациями молодежи и с Интернационалом».

Решающий шаг к будущему комсомолу был сделан. И отзвук его прошел по всей стране...

РАЗГРОМ КОРНИЛОВА

Начались будни нового союза. Но, по сути дела, лишь дважды успели собраться всем комитетом, даже с кругом актива. Евгения Герр хорошо запомнила первое заседание. Чаевничали в «Ленинской беседке» Станислава Косиора, прикидывали так и этак, где достать помещение для союза? Стоит оно денег, а их не было.

Вася Алексеев заметил, что помещение — не самое важное дело. Надо оперативнее создавать столичную организацию, идти на заводы, оформлять коллективы. Потом объединить их в масштабе районов и выбрать районные комитеты. Очень к месту вспомнил он, что недавно говорил молодежному активу крупнейший организатор партии Яков Михайлович Свердлов:

— Пусть каждый из вас запомнит, что тот день, в который он не побывал на заводе и не привлек к делу хоть одного молодого рабочего или работницу, — пропавший день!

Распределили людей для руководства в районах. Но снова слышались голоса: «А где взять деньги, чтобы напечатать членские билеты? Без билетов и союз не союз!»

Выступил Смородин. Евгения Герр давно приглядывалась к нему и в тот вечер набросала для памяти его портрет: коренастый двадцатилетний крепыш, с широким волевым лицом, с упрямым чубом темно-русых волос и суровым, испытующим взглядом больших серых глаз. Он, по мнению Герр, «являл собой яркий пример того, какие прекрасные силы таились в народе, какие самородки давил капитализм».

Он и предложил провести платные митинги-концерты в некоторых районах, а доход разделить пополам между ПК союза и районными организациями. С Петром согласились все. К концу заседания пришел Станислав Косиор — плотный, небольшого роста, с бритой голевой, в длинной толстовке защитного цвета. Он быстро завладел разговором, сказал, чтоб не сокрушались по поводу помещения: нарвские большевики согласны временно отдать для штаб-квартиры союза свой зал в райкоме партии.

Петр уехал на Петроградскую сторону готовить районное собрание. Но его пришлось отложить: поступило весьма тревожное известие о корниловском мятеже.

Не сговариваясь, просто по велению сердца второй раз собрались ранним утром всем комитетом за Нарвской заставой и объявили себя

боевым штабом молодых рабочих по борьбе с контрреволюцией.

Сморозин заявил, что уходит на фронтную линию против мятежников в район Гатчины. В согласии с ним выступили Левенсон с Выборгской стороны и активист Лепешкин из-за Невской заставы.

Возражений не было. В комитете оставили Василия Алексеева (общее руководство), Михаила Глебова (организация пропаганды) и Елизавету Пылаеву (по связи с ПК большевиков).

На Петроградской стороне к приезду Петра все было как на пожаре. Скороходов встал во главе революционного центра и штаба Красной гвардии. Военное руководство было передано комендатуре Крамера, и по всем заводским улицам вышагивали солдаты и красногвардейцы.

Молодежь фабрики Керстена поголовно вошла в красногвардейский отряд и маршировала в фабричном дворе. На других предприятиях отбирали в Красную гвардию более стойких и физически крепких. Со слезами на глазах прибегали паренки к Петру с жалобой:

— Не берут! Заступись!

— Не могу, не хватает оружия! Собирайтесь завтра чуть свет к Троицкому мосту, отправляйтесь рыть окопы, ставить заграждения. Обед сготовить для бойцов, песню спеть на привале. Ей-богу, и это отчаянно важное дело!

Военным лагерем стали заводы и фабрики. Токарь — за станком, а у правой руки — винтовка, подсумок. Кончил смену — поспеши на заводской двор: там и построение в рядах, и ружейные приемы, и понятие о меткой стрельбе.

Таня Граф забросила дела в райкоме партии. Вокруг нее толпились студентки-медики, сестры из Петропавловской больницы: они срочно формировали санитарные отряды района. На заводе врачебных заготовлений и на фабрике Шаплыгина нашлись инструменты и перевязочные материалы.

Словом, за три дня большевики сделали район крепостью. Да и весь город повернулся против мятежников. В революционной армии — шестьдесят тысяч бойцов. Многие из них заняли боевые позиции под Пулковом, Дудергофом, Царским Селом и Гатчиной. Все готово к встрече ненавистного врага!

И Смородин отправился под Гатчину. Обстановка была ему ясна. ЦК и ПК большевиков дали указания: столицу окружать кольцом окопов и проволочных заграждений; в частях Керенского, который обратился за помощью к пролетарским массам Питера, развертывать агитацию за партию. С самим Керенским на митингах не церемониться, потому что он

был и остается самым опасным корниловцем, как недавно писал Ленин.

Петр рвался в бой. Но до стрельбы не дошло: дело решила пламенная агитация большевиков, бесстрашие ораторов, воля рабочих смести с пути военных диктаторов в генеральских мундирах.

В Пскове приостановил движение корниловских частей генерал Бонч-Бруевич — начальник гарнизона, в Орше — Фрунзе и Буденный. На станции Дно застряли туземный корпус и Уссурийская дивизия.

Петр горячо выступал на двух митингах. «Мятежники» с удивлением, с негодованием узнали, что их кинули не на немцев, а на революционный Питер.

— В городе нет боев! — бросал Петр с трибуны. — Все на своих местах и работают в полную силу. Молодежь только что создала свой столичный Социалистический союз. Но она, как и рабочие красного Питера, ляжет костями, чтобы преградить дорогу мятежному генералу.

Вышло так, что песня Корнилова была спета не под грохот пушек, спешно присланных путиловцами. Победила революционная стойкость питерских пролетариев, которые в эти грозные дни уже считали партию Ленина своим умом, совестью, честью.

«Корниловщина многому научила»,^[3] - суммировал итог этих дней Владимир Ильич.

И уже было закономерным, что в ночь на 1 сентября произошел исторический переход Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на сторону большевиков. Через пять дней это случилось в Московском Совете.

Керенский назначил себя верховным главнокомандующим и взял всю полноту власти в свои руки. Но это уже не могло остановить мощного революционного порыва трудящихся...

БУДУЩАЯ КОМСОМОЛИЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ

В первых числах сентября Смородин созвал районное собрание в здании райкома ССРМ по Каменноостровскому проспекту, в доме № 32.

Самая организованная молодежь — с фабрики Керстена — явилась в полном составе, со знаменем и с «Марсельезой». Меньшими группами подходили парни и девушки с других заводов, и вскоре зал набился до отказа: человек пятьсот.

Керстеновцы были запевалами во всех делах молодежи Петроградской стороны и председателем собрания избрали своего активиста Трухневича.

Петр был в ударе. Иван Кулешов вспоминал, что его сообщение выслушали «при воодушевленном внимании всей аудитории, И лишь изредка задние скамейки подавали голоса протеста, когда докладчик громил господскую политику «Труда и света» и останавливался на очередных задачах ССРМ. Но эти робкие голоса покрывались общим восторженным ревом сочувствующих докладчику слушателей. Прения проходили бурно. Выступало бесчисленное количество оппонентов. Одни упористо повертывали назад, доказывали, что нам не нужен Социалистический союз, что очень неплохо живется и так. Другие кричали: «К черту барские программы, нам нужна политическая ясность и реальность!..» Несколько раз, как водится при повышенном нервном состоянии, поднимался шум — одного оратора сменяли другим. По ходу и настроению всего собрания было слишком очевидно, что все сочувствуют и симпатизируют новой классовой организации — Социалистическому союзу рабочей молодежи».

Но не обошлось без инцидента, который едва не расколол организацию Петроградской стороны на два подрайона. Смородин излишне горячо обвинил керстеновцев в том, что они в категорической форме требовали три места в будущем райкоме ССРМ. И соглашался лишь на два места, чтобы шире было представительство от других коллективов.

Керстеновцы пригрозили уходом. Кулешов говорил: «Трезвая голова Смородина своевременно учла настроения, взвесила требования фабрики совершенно хладнокровно, ибо того требовал ответственный момент, когда на развалинах «Труда и света» надо было создать новую, стройную, социалистическую организацию».

Действительно, суровый, а временами и вспыльчивый Смородин вдруг

увидал и неуместную горячность ребят из лучшего коллектива, и свою излишнюю «принципиальность», которая кое-кому казалась упрямством. Конфликт погасили, райком создали, фабрика Керстена получила свои три места, и переход молодежной организации Петроградской стороны на позиции ССРМ произошел, в общем, безболезненно.

«Коллективы единодушно принимали резолюции присоединения к ССРМ, — подводил Кулешов итог собрания. — Эта новая полоса в жизни молодежи просторно распахнула перед нею двери выхода из либерального захолустья на поле широкой классовой работы. Судьба прочила союзу стать неизменным революционным спутником Компартии в великом пролетарском и коммунистическом походе за диктатуру пролетариата. С этого времени район зажил, заработал в унисон общим революционным задачам, стоявшим перед партией и рабочим классом. Вместе с ними в одинаковой степени молодежь приняла на себя ответственность за дальнейшую судьбу революции...»

Такие парни, как Иван Кулешов, как Орест Петропавловский; такие девушки, как Татьяна Граф — с беззаветной храбростью, решительно пошли за большевиком Смородиным. И когда он ушел на фронт, руководили вместо него райкомом ССРМ...

После корниловщины профсоюз металлистов дал Петроградскому комитету союза две комнаты в здании пожарной части на Фонтанке (дом № 201), у Калинкина моста. Отсюда, как вспоминала Герр, и шло руководство штурмом старого мира. ПК создал ряд комиссий — организационную, культурно-просветительную, правовую. На долю Петра пришлось весьма боевая экономическая комиссия.

Активно рос союз, и к октябрю в нем было до двадцати тысяч членов. Это была реальная и сплоченная молодежная сила пролетариев красного Питера.

И эта сила громко заявляла о своих экономических и правовых требованиях. Защита экономических и правовых интересов рабочей молодежи приобретала важное значение. Временное правительство вело страну к экономической катастрофе.

В Петрограде одно за другим закрывались предприятия. Росла безработица. Прежде всего капиталисты увольняли рабочих-подростков. Надвигались безработица, голод, нищета. Стремительно росла дороговизна.

Вокруг экономической комиссии вырос крепкий актив. Вместе с профсоюзами он добивался восстановления на работе уволенных подростков и упорно дрался за повышение заработной платы. Рабочий день

для подростков, представительство молодежи в фабкомах и завкомах, оплата за выполнение общественных поручений союза — что ни день возникали и требовали срочного Решения все новые и новые вопросы.

Но при всем напоре молодых им так и не удалось при «временных» добиться своей заветной мечты о шестичасовом рабочем дне для всех подростков столицы...

Райком ССРМ открыл отличный молодежный клуб в доме № 16 по Большой Спасской улице, и Петр туда прежде всего перетащил Доливо-Добровольского.

Балалайка и гармонь были слабостью Петра еще с детских лет в Боринском. И в клубе теперь играли парни, хоть выводил их на большую сцену. Девушки заговорили о первом спектакле. И в самодеятельности — хоровой и плясовой — обнаружилось большие мастаки. И в гимнастическом зале полно, и не забыты игры, экскурсии, лекции.

Да и связи со взрослыми окрепли значительно: в помощь Сергею Прохорову большевики направили в союз Александра Ильина-Женевского. Это был очень нужный человек: большевик с девятьсот двенадцатого года, образованный (он закончил университет в Женеве и там же близко познакомился с Лениным), мягкий, улыбочатый и боевой: в 1916 году он ушел на фронт прапорщиком, брался с немецкими солдатами, после ранения вернулся в Питер, тесно был связан с армейскими большевиками и вместе с Николаем Подвойским и Владимиром Невским редактировал газету «Солдатская правда».

Александр Федорович неожиданно объявился классным шахматистом, и вокруг него тотчас же объединились молодые любители шахмат.

Большевичка Татьяна Граф оказалась отличным заместителем Петра по организационным делам. А Ореста Петропавловского выдвинули от молодежи в райсовет к Скороходову. Он был увлечен военной работой, и Петр не зря бросал слова, когда обращался к нему: «Смотри, Орест, каждый член союза должен быть готов с оружием в руках драться за власть рабочего класса!..»

В РОДНЫХ МЕСТАХ

С Петроградской стороны, как и из других районов, уезжала в глубинные губернии России большая группа агитаторов. Недавно созданные землячества направляли рабочих и солдат с наказом Военной организации ПК большевиков.

Скороходов подметил, какими жадными глазами провожал их молодежный председатель, и прикинул: а почему бы не послать Петра хоть на неделю? Большевик он стойкий, агитатор отличный. Да и замотался он за годы ученичества на фабрике Шапльгина и сейчас, в несусветной суতোлке будней, потерял счет и дням и ночам. Заметно осунулся, резче стала складка между бровей. Пусть вырвется из привычной обстановки, потом с новыми силами развернется в столице.

Так Петр оказался в Боринском.

Был ласковый сентябрь на его родине: по утрам слегка прихватывало, а днем солнце не знало удержу. Мир детских воспоминаний развернулся перед ним, как волшебный свиток.

Но обезлюдело большое село в этот первый его приезд. Фронтовики еще сидели в окопах, а в солдатских шинелях бродили по улицам жестоко отмеченные немцами инвалиды: кто без руки, кто без ноги. Часть сверстников подалась на промысел в города. Были в наличии старики, старухи, вдовы, солдатки, невесты едва ли не в каждом доме. Да шумная ватага ребятишек. Эти-то и разнесли слух с быстротой молнии: приехал из Питера Петекка к Лебедевым, сидит с дедом Петром за колченогим столом, запивает картошку квасом и так навалился на хлеб, словно не ел его отродясь!

Петр сразу догадался: жили в селе слухами, и один был нелепей другого. О «Правде» слышали краем уха. Видели газеты кадетские, меньшевистские, эсеровские.

Старики тяготели к местному «клубу»: собирались по вечерам возле чьей-либо хаты, пытались хоть чуток разобраться в политике. Но концы не сводились с концами: по слухам, виной всему какие-то большевики.

Петр думал отдохнуть хоть денек, но такая несусветная чушь про Ленина довела его до бешенства в первый же вечер, когда послушать Петеку стянулась в большую хату деда Симеона разношерстная родня: и близкие, кровные, и седьмая вода на киселе, потому что Смородиных и Лебедевых половина села.

Балагур дядя Михаил хлопотал о застолье. Петр сидел на печи с мальчишкой Федькой Лебедевым, когда Дядя Михаил ляпнул по глупости:

— А скажи-ка, Петека: правда, что ваш Ленин прикатил от германцев в запломбированном вагоне?

Петр слетел с печки, схватился за кобуру, где лежал наган. Хотел крикнуть: «Повтори еще раз, застрелю, кура!», но вовремя спохватился.

Возле двери одернул гимнастерку, сказал с горечью:

— Пень ты, дядя Михаил! Дубовый, замшелый, ей-богу! Не хочу и говорить с тобой. Приходи уж, где сотрутся люди, я и на твой вопрос дам ответ.

Он ушел домой, разослал ребятишек звать людей на митинг перед хатой деда Петра Лебедева, где было удобно говорить с бугра без всякой трибуны. Через час их набралось как в церкви в престольный праздник.

— Я к вам с приветом от рабочих красного Питера, дорогие земляки, и говорить буду по-рабочему: от чистого сердца и плеча! — начал Петр. — Не взывайте, но у вас все так же темно, как в погребке. Да и не дожидаться вам светлого дня при господине Керенском. Но вас я не виню: помещикам и капиталистам сподручнее орудовать в глухомани, в потемках. Вот они и пустили поганый слух про Ленина и про его партию. Только этого я не потерплю: сам я большевик, горжусь этим и партию в обиду не дам. Все мы, такие, как я, у Ленина в помощниках. И попробуй кто сказать, что ленинец Петька Смородин — германский шпион!..

Пойдем по порядку. Кто скинул царя? Мы, питерские рабочие и революционные солдаты. А ведь к этому звал нас Ленин! Кто дрался с Керенским в июне, когда он начал наступление в угоду английским и французским буржуям, а шестьдесят тысяч русских солдат сложили головы за барыши капиталистов? Мы — ленинцы! Кого расстрелял Керенский четвертого июля? Нас, товарищи, нас! Кто сломал хребет генералу Корнилову, который хотел потопить в крови рабочих и крестьян русскую революцию? Мы, вот такие, как я! Кто создал Советы рабочих и солдатских депутатов, которые требуют мира? Мы! А все потому, что империалистическая война осточертела народу и он не желает, чтоб миллионы солдаток и вдов по ночам лили слезы в подушку. А что такое Советы? Власть народа — рабочих, солдат, крестьян. И только такая власть навсегда сбросит помещиков и других кровососов, отдаст землю крестьянам, заводы — рабочим, все богатство страны — трудящимся. К этому и ведет нас Ленин — учитель и вождь!..

За ночь сделал Петр два красных флага. И на другой день все село вышло на демонстрацию. Избрали троих в Совет крестьянских депутатов,

не мешкая отправились делить господскую землю. Люди и плакали от радости, и плясали, и пели песни.

Прошло всего три дня, но словно бы распахнулось окно перед сельчанами в новый мир по-весеннему...

**В БОЯХ ЗА ВЕЛИКУЮ
ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ**

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

Осталось в памяти друзей Петра Смородина заседание Петроградского комитета от 19 октября 1917 года, почти в канун штурма старого мира.

Собрались по очередному поводу: обсудить работу школ грамоты, недавно созданных союзом в районах. И Эдуард Леске объявил повестку дня.

Вася Алексеев посоветовался с Петром и попросил слова вне очереди.

— Сегодня опубликована в газете «Рабочий путь» очень важная статья Владимира Ильича Ленина «Письмо к товарищам» — против неуместной болтовни капитулянтов Каменева и Зиновьева о вооруженном восстании. Речь идет о судьбе российского пролетариата, оставаться ли ему еще долгие годы под ярмом капитала, отдать на разгром Корниловым свою партию, послать на виселицу своих лучших сынов или, сомкнувшись в железные ряды, вооруженной силой вырвать власть у буржуазии и, установив власть Советов, открыть измученным трудящимся массам путь в новый, свободный, радостный мир социализма. Предлагаю изменить повестку собрания и начать с обсуждения статьи товарища Ленина!

Евгения Герр так описывает эту сцену: «Задвигались скамьи, стулья, народ устремился ближе к столу президиума. Леске чуть замешкался, поставил вопрос на голосование. Иван Скоринко не выдержал: «Отправить председателя в английский парламент!» Бурмистров поправил: «Далеко! Дать ему здесь по сопатке!» Алексеев хохотал от души вместе с ребятами. Председательствовал стал Смородин. Зычно, басом призвал к порядку, водворил тишину, дал слово Алексееву. Тот точно, понятно изложил ленинские выводы о необходимости восстания, развил мысль Ильича, подкрепил речь примерами...»

Прений, собственно, не было: никто и не думал спорить, напротив, все рапортовали о готовности идти в бой. Речь шла о том, сколько членов союза входят на заводах в Красную гвардию и как успешно ведется военное обучение.

— Товарищ Алексеев, заключи наш разговор. Мнение у всех единое, — сказал Смородин.

Это была очень краткая, но пламенная речь Алексеева, хотя от волнения он и заикался больше обычного:

— Пролетариату России предоставляется благородная возможность первому открыть дорогу в светлый мир социализма. И он не остановится

перед неизбежными жертвами, до конца выполнит свой долг. Мы, юные пролетарии — гордость своего класса, его надежда, — понесем на алтарь борьбы весь наш революционный энтузиазм, смелость, героизм и несокрушимую волю к победе. Готовьтесь, товарищи, еще энергичнее к грядущей битве!..

Затем обсудили вопрос и о школах грамоты, больше по настоящую Леске: все, конечно, мыслью были в своих районах, где ковалась революционная победа.

24 октября было последнее заседание ПК ССРМ при «временных». Ни Алексеев, ни Смородин, ни Пылаева на нем не присутствовали. Лиза дежурила в Смольном, Василий и Петр находились на казарменном положении в районных штабах Красной гвардии.

Последние дни мчались не по законам обычного времени: очень уж быстро отсчитывались дни и ночи, ожидание достигло невыносимого накала.

22 октября «Рабочая газета» вышла с заголовком на всю первую полосу: «Сегодня «День Петроградского Совета». Товарищи рабочие и солдаты! Устраивайте сборы и отчисления. Зовите массы под знамя Петроградского Совета! Все на митинги!» Кроме того, были даны призывы: начать массовый бойкот черной и желтой прессы. И воздержаться от всяких массовых демонстраций на улицах: правительство решило вывести казаков на крестный ход, возможны провокации.

Утро прошло спокойно. Военно-революционный комитет заменил старую охрану Смольного новой. Теперь штаб восстания охраняли надежная команда пулеметчиков и стойкий отряд латышских стрелков. Из Петропавловской крепости ВРК не позволил вывезти десять тысяч винтовок. Команда крейсера «Аврора» решила выполнять только приказы ВРК. В Петропавловку назначили комиссаром большевика Благодорова, на «Аврору» — председателя судкома крейсера большевика Бельшева.

Запылали кострами черносотенные и соглашательские газеты — это старалась молодежь из союза. Самый большой костер смородинские ребята раздули на Архирейской площади. Развеселило сообщение из Лесного, с Выборгской стороны: студенты Политехнического института дали меньшевистскому патриарху Мартову сказать на митинге только одно слово: «Товарищи!» Началась невиданная досель в этих стенах обструкция:

— Долой! Довольно! Отчаливай, корниловец!

Петр узнал об этом на городской конференции Красной гвардии, где он был со Скороходовым и Крамером.

Она закончилась быстро, так как после кратких рапортов с мест стало

ясно, что Красная гвардия Питера полна решимости и энтузиазма. Смрродин уложился в полторы минуты, сделав сообщение о создании молодежью отряда санитарок.

Скороходов с товарищами спешно отправился в свой район: Петроградской стороне отводилось центральное место для проведения «Дня Петросовета».

Александр Касторович был неутомим и вездесущ. Благодаря ему в два часа дня начались три грандиозных митинга: в цирке «Модерн» и в двух зданиях Народного дома — в Оперном театре и в Железном зале.

Давненько не было такой уймы народищу на Петроградской стороне! И людское море — тридцать тысяч — бушевало на митингах ровно двенадцать часов! Ораторы один лучше другого сменялись на трибунах: Яков Свердлов, Михаил Калинин, Анатолий Луначарский, Владимир Невский, Александра Коллонтай, Николай Крыленко, Станислав Косиор, Конкордия Самойлова. Наконец, гость — от пролетариев Соединенных Штатов Америки — Альберт Рис Вильяме.

Случились и накладки: сначала не хватило билетов. Решили делить их на две части, затем стали продавать и корешки. Но тысячи две гостей оставались на улице, безуспешно штурмуя залы.

Александр Касторович пошел на крайний шаг: он решил провести митинг и в Драматическом театре, где шел спектакль при участии Марии Федоровны Андреевой. Мария Федоровна согласилась прервать спектакль и попросила актеров провести вместо него митинг-концерт. И уж так вышло, что актеры выступали вместе с партийными ораторами.

День был незабываемый! Недаром в буржуазных газетах появились сообщения, что «большевики репетировали взятие власти».

Так оно и было. Рабочие и солдаты, неумело говоря перед растревоженной массой, давали клятву: выступить за власть Советов по первому зову Петросовета!

Да и по всему городу прошли такие митинги и собрания, и они показали полную готовность рабочих и солдат к выступлению...

Петр приучил себя начинать ранний день с газеты. Не все успевал прочесть, но ухватывал главное, что помогало ему видеть дела не только в своем районе. И, как он говаривал, «яснее ощущать направление главного удара».

24 октября «Рабочий путь» появился только к полудню. Это был след грязной работы Керенского: он спешно перешел в наступление, юнкера закрыли газету, опечатали типографию. И первое открытое вооруженное

выступление против официальной власти началось у дверей опечатанной типографии «Рабочего пути». Солдаты Литовского полка обратили в бегство наряд городской милиции и сорвали пломбы.

Вслед за выходом газеты пришла тревожная весть о разгроме Калужского губернского Совета: Керенский разворачивал решительный поход против народной власти. Но этот шаг лишь ускорил его крушение: вооруженные питерские рабочие рвались в бой.

На Петроградской стороне под ружьем находилось более трех тысяч красногвардейцев. И они, как на праздник, вышли по приказу ВРК занимать мосты через Неву. Овладели ими после полудня. Затем блокировали военные училища и постепенно заняли все почтовые отделения, телеграфы и телефонные станции.

На случай разгрома Смольного решено было создать резервный штаб в Петропавловской крепости. Его ядро — революционная тройка Петроградской стороны — Александр Скороходов, Константин Еремеев и Яков Крамер. Кроме того, действовал и еще один резервный штаб — на Выборгской стороне, созданный несколько дней назад.

К вечеру докатились до Петроградской стороны ободряющие новости: революционные моряки Кронштадта отправили в столицу сводный отряд и линейный корабль «Заря свободы» с большим боевым заслоном из других судов. Ночью крейсер «Аврора» подошел к Николаевскому мосту, занятому юнкерами. На берег высадился десант моряков. Юнкера разбежались. Корабельные мастера к рассвету свели пролеты, красногвардейцам Васильевского острова дорога к центру была открыта.

Наконец, была получена телефонограмма из ПК большевиков: «Петербургский комитет считает необходимой задачей всех сил революции — немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи Петербургский комитет считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции уменьшит шансы нашей победы».

Утро 25 октября, да и весь день были обычными для столичных жителей и даже для многих ремесленников и служащих: ни скопления революционных войск на улицах, ни демонстраций, ни стрельбы.

Кое-где передвигались юнкерские патрули в центральных кварталах города, на окраинах обычные патрули Красной гвардии.

А выступление уже шло. На почтамте, центральном телеграфе, на телефонной станции, на вокзалах, в крупных типографиях и в

государственном банке появились немногословные комиссары ВРК с небольшими отрядами солдат и Красной гвардии. Они бесшумно заменили старых начальников комиссарами, оставив в их распоряжении вооруженные группы и связных.

Так было в городских районах столицы. А рабочие окраины уже жили восстанием. И оттуда группа за группой, колонна за колонной стягивались отряды красногвардейцев ближе к центру. И располагались у площадей, перекрестков или в солдатских казармах.

В полдень все пришло в движение и на Петроградской стороне. Скороходов получил приказ: срочно выделить сводный отряд Красной гвардии в тысячу человек. Александр Кастанович разделил его на две части: триста красногвардейцев — в Смольный, семьсот — в Павловские казармы на Марсовом поле. В этом подразделении оказался и молодежный отряд Смородина. Но повел его Орест Петропавловский: Петр должен был прибыть туда позднее.

Скороходов скуп был на слова при проводах первой тысячи. Он обошел ряды. И сказал всего три фразы:

— Речей не надо, товарищи, их время прошло! Одно могу сказать: Ильич в Смольном, в его руках все нити восстания! Оно уже завершается победой!

До сумерек Петр находился то в штабе оставшегося отряда Красной гвардии, то проверял работу патрулей и допрашивал задержанных по подозрению.

Старая драповая куртка его отсырела — улицы были затянуты влажной питерской мглой. Но о погоде не думалось. Думал он о Васе Вьюркове, которого вчера отправил на вечернее заседание ПК союза, но тот еще не вернулся.

— Ну, Петр! — окликнул его Скороходов. — Давай перекусим, а то с утра и росинки во рту не было. И двигай на Марсово поле, там тебя заждались.

В штабе стоял у стены большой стол, на нем — каравай хлеба, жестяные кружки, чайник с кипятком и миска со сливочным маслом.

Только приступили к скромной еде, подоспел Вьюрков. Заседание 24-го фактически не состоялось. Иван Скоринко закрыл его, но успел огласить обращение «Ко всем членам Социалистического союза рабочей молодежи». Члены ССРМ призывались встать в ряды борцов за новый мир, сражаться бесстрашно и храбро. Заканчивалось обращение лозунгами: «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует Ленин!»

В ПК остались только дежурные. Вася Вьюрков подался с группой

ребят в Смольный.

Утром 25-го он прибежал в ПК союза, раскрыл свежий номер газеты «Рабочий и солдат». А там напечатано крупно «К гражданам России». И чуть ниже: «Временное правительство низложено».

— Только к дому собрался — хлоп! — распоряжение ВРК: отобрать из молодежи двадцать связных для Смольного. Я-то рослый, а подобралась мелкота, повел ее к Смольному как цыплят и по дороге делал наставление: связной — это второе лицо после вождя! Одна нога тут, другая — там, чтоб главнокомандующий был в курсе дела и чтоб его приказы доходили до каждого! Усвоили отлично и сейчас носятся по Питеру...

Чаепитие закончилось. Смородин взял взвод молодых красногвардейцев, поставил Васю Вьюркова за командира и быстрым шагом двинулся с товарищами к Троицкому мосту, но по пути решил проверить пулеметчиков на куполе Оперного театра в Народном доме. Две четверки у двух пулеметов расположились отлично. Как на ладони лежал за Невой Зимний дворец с погашенными окнами; слева — громада Петропавловской крепости, словно без шпиля: он тонул в пелене мглы, низко опустившейся на город. Чуть правее крепости — широкая лента Троицкого моста. От Марсова поля и от памятника Суворову далеко разносились по реке людской гомон и голоса команды. Почти с тыла — широкая Введенская улица, откуда можно было ждать налетов юнкеров, и большая дуга Кронверкского проспекта.

На Марсовом поле, возле казарм Павловского полка, Петр нашел Петропавловского. Орест сообщил: молодежный отряд Петроградской стороны на позиции вместе со взрослыми. Держит линию: Мошков переулок, через Мойку по Конюшенной улице до Невского. При штурме приказано двигаться левым флангом в обхват главного штаба, правым — в обхват дворца. Ребята к бою готовы: настроение приподнятое, почти у всех винтовки либо гранаты и пистолеты. Связные, правда, без оружия. И Таня Граф — со своими медичками. Она открыла санитарный пункт во дворе певческой капеллы.

Из беглого разговора с Орестом стали яснее какие-то подробности. Броневики ВРК заняли все проходы к Дворцовой площади. Артиллеристы Михайловского училища только что снялись с позиций у Зимнего и ушли, увезя с собой орудия. Юнкера, что остались, укрепили баррикаду из дров возле ограды Зимнего, затем схоронились кто в главном штабе, кто во дворце. Площадь сейчас опустела. Все жадно ждали боя. И он начался, как только ударили из пушки с Петропавловской крепости, а затем грохнули на всю столицу с крейсера «Аврора»...

Страшно хотелось узнать, что же делается в этот миг в Смольном, что скажет Ленин. И Петр Смородин с Васей Вьюрковым, словно не помня себя, домчались по набережной до Литейного моста, завернули на Шпалерную — и мимо Таврического дворца. И хорошо, что Вьюрков был связным ВРК: не проникнуть бы им ни в коридоры Смольного, ни в Белоколонный зал.

Там шло как при братании: солдаты, рабочие, матросы, крестьяне тискали друг друга в объятиях, непрерывно кричали «ура!». Бросали под люстру шапки, папахи, бескозырки.

От фракции большевиков вышел к трибуне Анатолий Васильевич Луначарский и огласил ленинское воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!». Врезались в память слова: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки».^[4]

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ВАСЕЙ АЛЕКСЕЕВЫМ

Был ли наивен Петр, как и некоторые его товарищи по союзу, которые искренне верили, что с крушением власти буржуазии ниспадет на них манна небесная и вот-вот наступит тот день, когда воцарится на земле «мир и в человецех благоволение»?

А ведь для надежд и иллюзий почва была благодатная. Рабочая и крестьянская молодежь получила все политические права, как и требовала. Рабочий день стал восьмичасовым, для подростков — шестичасовым. Больше того, запрещалось назначать подростков на ночные работы и применять труд малолетних. Наконец, в самый краткий срок намечалось ввести всеобщее, обязательное и бесплатное обучение, чтобы вчерашняя лапотная Россия стала страной поголовной грамотности.

Все шло отлично. Только для наивных иллюзий о манне небесной места не оставалось: старая власть в лице сбежавшего на фронт Керенского фактически начала гражданскую войну против правительства, созданного пролетарской революцией.

Враг стоял у ворот столицы. Керенский сбежал утром 25 октября в машине американского посла. Теперь он сколачивал армейские части против красного Питера. Правда, он не смог повернуть всю армию, но его руку принял командир 3-го конного корпуса генерал Краснов. И 25 октября двинул казачьи сотни и артиллерийские батареи. Мятежники захватили Гатчину, затем Царское Село. В столице оживился подпольный «Комитет спасения родины и революции», где рядовыми были кадровые офицеры.

На третий день Ленин взял оборону столицы в свои руки и бросил против контрреволюции все силы революции.

Петр рвался на фронт, но его не пустили: передовая пролегла в рабочих кварталах. Там надо было вновь укреплять отряды Красной гвардии, сооружать линии обороны, громить юнкеров.

Удивительной была новая волна революционного порыва в грозный час опасности. Круглосуточно шли эшелоны с Балтики и с Северного флота, от финляндских и латышских частей, из соседних губерний и отрядов Красной гвардии. Сокрушительный удар начался 29 октября, когда возник в столице мятеж юнкеров.

Контрреволюция укрепила два своих очага на Петроградской стороне: юнкерские училища — Владимирское и Павловское. Их пришлось брать

штурмом. Держались они весь день и поливали огнем солдат и красногвардейцев, пока Скороходов не распорядился ввести в дело трехдюймовки. Удар был решающим.

Все военные училища были разгромлены, с беззаветной храбростью освобождено Царское Село, затем Гатчина.

День за днем Смородин превращался в человека военного: и как комиссар ВРК по ликвидации саботажа, и как член районного Совета, тесно связанный со штабом Красной гвардии. Спал в казарме, не раздеваясь, с наганом под подушкой.

По-разному выступала контрреволюция: то бастовала администрация Монетного двора; то ударялись в саботаж врачи Петропавловской больницы; то возникали погромы на винных складах.

Потом Смородин провожал Рывкина с группой товарищей: они уезжали на юг против мятежного генерала Каледина. Группу красногвардейцев, с которой молодежь покидала свой красный Питер, напутствовал Владимир Ильич 1 января 1918 года в Михайловском манеже.

Говорил он в обычной манере — кратко, страстно:

— Товарищи, я приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торжество русской революции, за торжество великих ее лозунгов не только в нашей земле, но и среди народов всего мира. Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию.^[5]

С пением «Интернационала» тысячи людей устремились вслед за Лениным, проводили его до автомобиля. А через две-три минуты автомобиль стал мишенью для террористов. Но, к счастью, Ленин не пострадал...

Жизнь словно начала входить в новые берега. Активистам союза открылся широкий путь — их посылали в наркоматы труда и просвещения, в Советы, профессиональные союзы, в рабочую милицию, в дома культуры. Два месяца Смородин был председателем народного суда Петроградской стороны. Членом революционного суда Нарвского района стал Вася Алексеев. Он же подготовил и выпуск первого номера журнала «Юный пролетарий» 28 ноября 1917 года.

Союз получил более удобное помещение в наркомате просвещения на Чернышевой площади. II городская конференция ССРМ открылась 1 декабря без помех. Толково обсудили на ней экономические и культурно-просветительные дела союза, направили нужных товарищей в советские организации, ведающие охраной труда и образованием молодежи.

Наметили пункты, где надо открыть школы грамоты и профессионально-технические училища. И наметили завязать контакты с союзами рабочей молодежи в других городах для создания всероссийской революционной организации юношества. Наконец, решили направить и одобрить появившиеся в городе революционные союзы учащихся и с их помощью создать вместо гимназий, реальных, коммерческих и иных училищ единую трудовую школу. Создание единой трудовой школы было одной из главных задач Наркомпроса.

На очередном январском заседании ССРМ стало известно, что состав союза сократился почти наполовину. Из-за империалистической войны, вызванной ею разрухи закрылись десятки заводов и фабрик. Молодежь, оставшись без средств, стала устраивать свою судьбу вне столицы. Большая группа актива ССРМ уехала на длительный срок — помогать Советам на местах.

Григорий Дрязгов и Эдуард Леске потребовали коренной перестройки организации. Разных этих людей объединила какая-то несуразная анархистская идея: союз перетрясти, забыть о его массовости, сделать членами узкую группу «мыслящих личностей» и создать для них какие-то специальные «коммуны».

Вечер этот запомнился Петру на всю жизнь: в последний раз сидел он рядом со старым боевым другом Василием Алексеевым. Вскоре раскидал их в разные стороны фронт. Петра — под Псков против немцев, Василия — под Гатчину против Юденича, в составе команды бронепоезда № 44 имени Володарского. Было время встретиться, но не пришлось: умер Алексеев от сыпного тифа 29 декабря 1919 года. И след его семьи оборвался трагически. Та самая девушка — Мария Курочко, — о которой путиловские ребята пели два года назад:

*Деревня Емельяновка, самый старый дом,
Там живет девчонка и думает о нем, —*

недавно стала его женой. Когда умер Вася, проплакала она полночи над гробом мужа и застрелилась из его браунинга. 2 января 1920 года их вместе похоронили на Красненьком кладбище...

Но пока Вася был жив. И, не сговариваясь, они с Петром накинулись на Дрязгова и Леске.

Петр грозно потрясал кулаками:

— Меньшевик Дрязгов всплыл на гребне нашей волны, как гнилая

щепка. Волна-то была наша! Рабочая молодежь Питера весь год шла за большевиками, потому что только наша партия помогала ей организоваться и осознать ее цели в борьбе за победу пролетарской революции. Но стихийным движением тысяч и неопытностью их молодых руководителей воспользовались агенты буржуазии, чтобы свергнуть движение на путь культурничества. Но это им не удалось! Лишь некоторая часть подпала под влияние верхушки «Труда и света». В этой верхушке и показал себя Дрязгов: день за днем дул он в дудку либерала Шевцова. И все это с дальним прицелом, чтобы отвлечь молодежь от главной цели большевиков. А обо всяких «сверхреволюционерах» говорит он сейчас для красного словца — это в манере классовых врагов пролетариата. Шарахнулся Дрязгов от меньшевиков к анархистам — туда ему и дорога! С ним мы разошлись навсегда! Закрыть ему дорогу в комитет, вот и весь сказ!.. Но меня сразил Эдуард Леске: рабочий парень, без дураков, который всему знал цену. Как же ему-то петь с голоса чужаков, ратовать за анархию, сдаваться в плен мелкобуржуазной стихии? Но объяснение я вижу: трудности лишили человека разума. А это выкинуло его из рядов стойких борцов. Он хочет быть вместе с Дрязговым в кругу «мыслящих» одиночек. А нам нужна масса. Сила наша в масштабе движения, в революционном порыве тысяч. Пусть нас сейчас мало. Но мы передовая молодежь революционного рабочего класса. И чем больше нас будет под красным знаменем партии, тем мы сильнее как ее резерв. За каждого человека будем бороться в союзе как за самого себя! Леске же в счет не идет. Предлагаю снять его с ответственного поста в комитете!..

Платформу новоявленных анархистов осудили. Леске освободили, а Дрязгову закрыли дорогу в комитет...

Невольно пришла пора распрощаться и со старшим другом Александром Касторовичем Скороходовым.

Оставил он неизгладимый след в душе Петра: преподавал науку — видеть в жизни главную линию партийного борца; научил стойкости, ясности. Как отец, прощал ошибки юности, подставлял плечо в минуты трудностей. Простились словно бы ненадолго, а вышло так, что навсегда.

Петр ушел с отрядом на фронт. Скороходов вскоре занял пост убитого Урицкого в питерской ВЧК. Однако не поладил с Зиновьевым, который часто впадал в панику, отпросился в армию. А в сентябре 1919 года его зверски казнили петлюровцы в Жмеринке.

Сморозин возвратился в Питер весной двадцатого года, Александра Касторовича не было в живых. Но на каждом шагу в районе была память о нем. Его именем называли Большую Монетную улицу, Крестовский

трамвайный парк и бывший завод «Дюфлон», где он состоял на партийном учете и формировал отряды Красной гвардии.

ЯН ФАБРИЦИУС

Мало, слишком мало живых свидетельств осталось о военных годах Петра. Сам он ничего не записывал; кое-кто вспоминал о встречах с ним, но кратко, скупо, хотя и эти крохи раскрывают черты характера.

В анкетах о себе он сообщал: «В феврале 1918 года с партизанским отрядом ССРМ ушел на псковский фронт помощником начальника отряда. После расформирования отряда — комиссар полка».

До наших дней сохранилось одно изначальное формирование Вооруженных Сил молодой Советской России, которое он создал с братьями по оружию. Это гвардейский мотострелковый Ленинградский Краснознаменный полк. В полку свято чтут память Смородина: он первый его комиссар.

На вопрос, в каких боях участвовал, Петр давал ответ: «Взятие Пскова, Юрьева, Ямбурга. И на Северном фронте». И сохранилась еще одна фраза в анкете: «1918 год. Председатель Гдовского укома РКП(б)».

А началось все с того, что питерский молодой большевик пошел бить немцев. Пошел как на трудовую вахту, только не с рабочим инструментом, а с наганом в руке.

Он был готов к этому, потому что грозой пахло в суровую зимнюю стужу. С Запада напоздали тревожные вести: Антанта отклонила призыв новой России к прекращению огня; вильсоны, пункаре и ллойды джорджи готовились потопить в крови Советскую республику.

Россия предложила мир Германии. Кайзер согласился на перемирие, но в наглой форме потребовал аннексий и контрибуций. Ленин требовал подписать даже такой худой мирный договор. Троцкий вопреки воле партии договор не подписал. Войска Вильгельма II 18 февраля перешли в наступление на широком фронте. Им встречались на пути разрозненные отряды Красной гвардии да почти развалившиеся полки старой армии. Враг брал город за городом, спешил к Петрограду.

Нависла угроза над столицей, и в ночь с 21 на 22 февраля всей стране было передано воззвание Ленина «Социалистическое отечество в опасности!».

В ночь на 23 февраля завязались упорные бои под Псковом, Ревелем и Нарвой. Насмерть бились с немцами отряды Красной гвардии, балтийские моряки, латышские стрелки и красные летучие отряды эстонцев. Немцев на ряде участков задержали и опрокинули: 23 февраля стало днем рождения

Красной Армии.

В эту же ночь в Смольном, в комнате № 75, вокруг Ленина над картой военных действий склонились бывшие генералы Бонч-Бруевич, Новицкий, Лукирский, Раттэль, Гришинский и Сулейман. И военные комиссары Подвойский, Мехоношин и Еремеев. И член ВЦИК, старый ленинец с 1903 года, вечный: каторжанин, как он называл себя. Ян Фабрициус по кличке Железный Мартын. Окончательно должен был решиться вопрос о судьбе Петрограда, о переезде правительства в Москву.

Мнение военных специалистов укрепило решение — Петрограда не сдавать, правительству переехать в Москву. В тот же день на большевистской фракции ВЦИК в Таврическом дворце Ленин выступил с резкой, суровой и ясной речью: немедленно принять немецкие условия мира. Фракция его поддержала.

Из Таврического дворца Ян Фабрициус отправился на Путиловский завод, отобрал там сорок три красногвардейца и отбыл с ними на фронт.

Через несколько часов отряд остановился на полустанке Третий разъезд, возле Гдова. В городе хозяйничали белогвардейцы. А на глазах у Фабрициуса грузились в теплушки солдаты-окопники, чтобы ехать по домам. Это был батальон 4-го Капорского пехотного полка — пятьсот пятьдесят пехотинцев и тридцать пять конных разведчиков. Командовал ими Нил Блинов.

Железный Мартын попросил собрать батальон на митинг. Капорцы не очень охотно сбились полукругом возле груды бревен. Винтовки со штыками, подсумки, саперные лопатки, гранаты. Боевая сила! Вот бы повернуть ее на Гдов! Только как ее склонить?

— Тише, товарищи! — крикнул Блинов. — Слово имеет представитель от Ленина, военный комиссар Фабрициус!

Железный Мартын, проведенный в царских тюрьмах — и в кандалах на каторге, и в ссылке — десять лет, умел зажигать сердца.

Он вынул из кармана «Правду», прочитал, как клятву, ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». И от себя добавил одну лишь фразу:

— Кто против этой суровой ленинской правды? Через час эшелон двинулся к Гдову.

Это был еще один великий миг в истории пролетарской революции, с которого ведем мы летопись Красной Армии. Банда прапорщика Белова бежала под натиском капорцев и питерских красногвардейцев. Вечером Ян Фабрициус телеграфировал в Петроград: «Гдов освобожден».

А через три дня конная разведка капорцев и конный отряд путиловцев

— братьев Новиковых, — начисто уничтожили крупное подразделение немцев на узкой улице в деревне Самолва...

24 февраля с отрядом из ста двадцати активистов Петроградского ССРМ прибыл на Гдовский участок фронта Петр Смородин. Да еще путиловцы и обуховцы — четыреста пятьдесят человек. Фабрициус сформировал из них 1-й Гдовский батальон пограничной стражи. Он и стал праотцом Ленинградского гвардейского полка, одного из старейших в Советской Армии...

До мая 1918 года батальон дрался с врагами непрерывно. Петр Смородин делал с ним успешные рейды.

В мае был объявлен прием добровольцев. Батальон превратился в 1-й Гдовский полк пограничной стражи. Командир — Нил Блинов, комиссар — Петр Смородин.

В те дни полк входил в состав Торошинского боевого участка. Возглавлял его Железный Мартын — Ян Фабрициус, герой гражданской войны, награжденный к концу войны четырьмя орденами Красного Знамени...

КОМСОМОЛЬСКИЙ ОТРЯД

Перевалил за половину февраль. Воскресенье. На улице — обычная питерская морось при свежем ветре с Балтики. Во втором часу ночи завывали сирены. «Псков захвачен немцами! Петроград в опасности!» Утром потянулись к вокзалам фронтовые отряды рабочих.

Петроградский комитет ССРМ решил немедленно создать свои отряды. Но поджимало время, и ограничились одним сводным отрядом. В него вошли члены ПК и райкомов: сто девять парней, одиннадцать девушек. Выбрали штаб отряда: Петр Смородин, Андрей Кулеша, Моисей Ратновский, Василий Вьюрков, Орест Петропавловский, Евгения Герр. Разместились у Марсова поля, в Инженерном замке. Три дня обучались стрельбе и другим элементам боя. Но эти дни казались вечностью, так все рвались на фронт.

Связной Степанов прибыл в отряд из Смольного:

— Приказ, товарищи: нынче в двадцать три ноль-ноль к Балхийскому вокзалу для отправки.

Оставалось несколько часов. Разрешили пойти попрощаться с родными. Петр уехал к Анне Петровне, но вскоре вернулся и компанией Пошли бродить по городу.

Зашли в Летний сад — и словно заново ощутили красоту зимней природы: снег на деревьях, дорожках, призрачный свет луны. Тишина!

Потом вернулись, построились. И с песней пошли по Садовой.

Алексей Дорохов, который в те дни примеривался, «делать бы жизнь с кого», видел эту колонну торопливо шагающих подростков. Кто в старых шинелях, кто в ватниках и пиджаках, крепко перехваченных ремнями. Мешки за спиной, котелки, винтовки. Дорохову сунули листовку ПК ССРМ, где говорилось: «Рабочая молодежь не может стоять в стороне, когда на карту поставлена судьба рабочего движения и революции не только в России, но и всемирной. Только на ее костях может быть воздвигнуто снова господство буржуазного кулака, только на ее костях может быть воздвигнуто прежнее царство грабежа и насилия, и только с часом гибели всей рабочей молодежи Петербурга может совпасть зловещий час торжества капиталистов и помещиков.

На смертельный бой с буржуазией зовем мы вас, молодые пролетарии Петербурга. Все па борьбу! Вперед! Возврата нет! Да здравствует революционный рабочий класс и его социалистическая армия!»

Оказалось, что отряд включен в группу, направлявшуюся на Гдовский участок фронта.

«Наконец сели в эшелон, — вспоминала Герр. — Часов в шесть утра около теплушек поднялся невообразимый шум. Поспешно открываем двери и неожиданно подвергаемся атаке матерей, братишек, сестреноч. Некоторые наши товарищи явно смущены и не прочь бы сквозь землю провалиться. Оказывается, они скрыли от родных, что едут на фронт... Особенно жалко было глядеть на Петра Смородина. Мать его бранила, и плакала, и какие-то селетки ему совала, а он, всегда такой суровый вояка, стоял смирный и смущенный, тихо упрасивал: «Ну, мама, ну не надо...»

Отряд пробыл на фронте недолго, но он успел принять участие в боевых действиях. Группа разведчиков под командованием Петра Смородина подорвала железнодорожный путь на участке Большие Поля — Нарва и сорвала переброску противником резервов и боеприпасов.

Вспоминают товарищи о своем Петре и другие эпизоды. Как построились по его команде, когда выгрузились из теплушек на дальних подступах к Гдову, где снова группировались белогвардейцы. Петр повел отряд.

— Покажем этим маменькиным сынкам, почем фунт лиха!

Поход был наивный, даже смешной: ни разведки, ни охранения, ни выяснения выгодной позиции для возможного боя. Брали «на ура», потому что сгорали от нетерпения ринуться в бой. Шли открытой дорогой к станции, горланя песни. Малый отряд белых быстро дознался, что напирают питерские молодцы из Красной гвардии, и трусливо бежал. Отряду Смородина достались трофеи: два пулемета и склад с сухарями...

Помнят товарищи, что Ян Фабрициус создал в Гдове Военно-политический совет и включил в него Смородина. Совет был занят разработкой военных мероприятий на своем участке и налаживанием политической работы в подразделениях и среди крестьян.

К удивлению Петра, его ребята отказались агитировать в деревнях:

— Куда нам! Мы же села не знаем!

Смородин корил их, ссылаясь на свой недолгий опыт в Боринском осенью семнадцатого года:

— Вы что, из пеленок не вылезли? И без мамани ни на шаг? Люди везде люди! Говорите им правду, зовите делить землю, пока не грянула весна. Читайте вслух «Правду».

Но сдвинуть ребят с места не удалось.

Тогда он придумал другой ход. Почти все парни — люди нужного ремесла, особенно слесари и плотники. В деревнях, где мужики наперечет,

таким и цены нет! Пусть занимаются починкой деревенского инвентаря: ладят сохи, плуги, бороны, косы, серпы, грабли.

С этим согласились все. И работа закипела. А когда осмелели да сошлись с деревенскими поближе, стали затевать выступления самодеятельного хора. Затем дошли и до чтения «Правды» вслух. И помаленьку шефская работа столичных ребят развернулась отлично.

Между тем не дремали и разведчики. Совершали удачные рейды в расположение вражеских войск. И неоценимую услугу в этом оказывали им благодарные деревенские подростки.

И все же отряду не суждено было остаться на фронте. Его решили вернуть в Петроград, как только был заключен в марте мир с Германией. Только Петр Смородин, Сигизмунд Белозерский, Василий Вьюрков и самая малая группа, разбирающаяся в топографии, остались в Гдове. Петр возглавлял уездный комитет партии и принимал участие в установлении демаркационной линии. Белозерский и Вьюрков сколачивали молодежную организацию города.

15 апреля 1918 года Смородин объявил, что надо идти на площадь. Там собрание, приехал человек из Питера.

Ребята из отряда были в сборе. Им сказали, что с немцами заключен мир и что IV Всероссийский съезд Советов утвердил мирный договор. Фабрициус добавил, что можно ехать домой.

Вечером был пир: главный медик отряда Элеонора Паже и каптенармус Вася Вьюрков дали прощальный ужин — картошка с консервами! Веселье било через край: песни, пляски, хороводы, шарады, шутки.

На другой день Смородин отправил товарищей через Торошино. Кое-кого из них он встретил через два года: они уже значились патриархами комсомола, и вокруг них шумело новое поколение активистов союза. Только Кулеша более не встречался: он вскоре погиб на Восточном фронте.

Пусто стало без старых друзей, которых отличала звонкая запальчивость, вера в счастье, умение с песней идти на жертву. А иногда и досадная бестолочь, крики по пустякам и всякое легкомыслие, зачастую свойственные юности.

Но так было с неделю. Потом постепенно забылось, где витийствовал Ратновский, полз в разведку Петропавловский, допрашивал «языка» Кулеша. И теперь Петра уже не тревожило: накормлена ли орава юных философов, как им спалось и что снилось в коротких снах?

И близкий, родной Питер отошел в дальнюю даль, где на голодном пайке старалась братва возродить организацию.

КОМИССАР СМОРОДИН

Летом и осенью части Фабрициуса готовили удар по Пскову. Там окопались белогвардейцы, туда стекались фабриканты и кулаки: они исподволь формировали «Добровольческую Северную армию» для Юденича.

Перед штурмом Пскова Блинов и Смородин отвели свой полк на отдых в Лугу. Он пополнился новыми бойцами из Петрограда и стал именоваться 49-м стрелковым.

Комиссар Смородин вел большую политическую работу, чтобы сплотить бойцов, истребить партизанщину и расхлябанность. И помогал командиру обути, одеть и накормить товарищей.

К сожалению, нет возможности проследить хотя бы главные события в жизни Петра в те недели и месяцы. Кое-что помогла восполнить Татьяна Гамазенко. Ее муж в августе 1918 года вступил на станции Луга в полк Блинова — Смородина, а сама Татьяна, приехав из Петрограда, помогала комиссару полка ставить пьесы, создавать духовой оркестр и проводить беседы с бойцами.

Ей врезался в память образ комиссара — человека молодой), горячего, прямого и удивительно чуткого.

Полк прибыл на отдых в таком виде, что и сказать страшно: бойцы завшивели, грязные и рваные шинели пробиты пулями, на одной ноге сапог, на другой — ботинок, а кто и в лаптях. Да и голодали почти все время, даже картошки не было вдосталь.

Интендант, которому дали поручение допустить полк к складу с продовольствием и обмундированием, не торопился: вот, мол, герои, видали мы таких!

— Завтра поутру допущу, не раньше! — Натянул кожаные перчатки и помахал Смородину рукой.

Тот побелел от злости, но сказал спокойно, вынув наган:

— Остановись, контра! Либо склады наши сейчас же и все твоё барахло мы берем под расписку, либо глянь на меня в последний раз.

В тот же вечер были у бойцов баня, и горячий кулеш, и свежее белье, и кое-что из обуви. И красноармейцы судачили промеж себя возле жаркого ночного костра:

— С таким комиссаром не пропадешь! Сам ничего еще в рот не брал, а мы уже червячка заморили...

Только начал налаживаться армейский быт, только вышли на плац, объявились в полку сектанты.

— Винтовку не возьмем, в бой не пойдём!

— С чего бы? — удивился Смородин.

— Бог не дозволяет!

Конечно, время военное, и всякие такие штучки — прямой путь в трибунал, но Смородин рассудил иначе, направил их ухаживать за лошадьми:

— Проверю я вас, христовы души, — подвозите патроны, хлеб и воду, и черт с вами! Только за лошадьми глаз да глаз! Кончим войну, будем на них землю пахать!

Сектанты опешили: видимо, в их планы входило принять мученичество, пострадать на виду у товарищей за веру Христову. А все обернулось так, что сделали из них ездовых.

Один из штундистов все же рискнул пойти на «подвиг». Забрался на карниз крыши в день успения пресвятые богородицы и крикнул:

— Нынче праздник, работать не буду! Сейчас вознесусь на небеса!

Прыгнул с третьего этажа на клумбу и поломал ребра. Положили его в лазарет. Смородин собрал сектантов и сказал им по-рабочему:

— Вот что, христовы души, подурили — и хватит! Если еще раз пикнете, будет вам бог судья на том свете, вы мой характер знаете...

Да, они знали комиссара: он и письмо напишет за товарища с поклонами многочисленной родне, и сапоги обменяет, если жмут, и каши добавит, если у бойца ослабли силы. Зато в гневе страшен, если видит неправду.

Позднее вспоминали бойцы о Смородине: никогда он не отказывал в духовом оркестре — на привале, в походе. Иной раз просили его и в ходе боя: «Прикажи, Петр Иванович, пусть дудят: под музыку и воевать весело!» Он не отказывал. И догадался вооружить духовой оркестр браунингами. Бывал такой момент, что музыканты забывали про инструменты и капельмейстер вел их в бой на правах командира взвода. Оркестр выполнял и другие поручения: собирал сельчан на митинги, в кружки самодеятельности и когда проводили выборы в местные Советы.

Усиленно нажимал комиссар на грамоту. И зачастую начинал с простой придумки. Давал, к примеру, «Конька-Горбунка» Ершова грамотному парню и наказывал:

— Читай вслух, да погромче. Будут слушать либо нет, неважно. А ты шпарь! Не верю, чтоб русского человека не прохватила до глубины души эта сказка. Народная она, бьет по дворянам и чиновникам. С неделю

почитаешь, каждый запомнит хоть один куплет!..

Нашелся один педагог, подсказал Петру забавную штуку: учить грамоте после такого объявления: «В два дня обучу читать и писать по-русски!» Мужички в солдатских шинелях не поверили, но любопытства ради собрались кучкой перед классной доской. Им говорили: «Пиши три палочки!» Они писали. «Подчеркни!» Они подчеркивали. «Да еще две палочки — и перечеркни!» Хлопот немного, а получалось слово «щи». Потом добавляли, что было положено по солдатскому рациону, — «да каша». И любой за два вечера легко справлялся с таким текстом. Потом появлялось желание расписаться. За неделю боец знал алфавит и свободно выводил на доске: «Иванов», «Петров», «Степанов».

Но Петр на том не остановился. На каждом привале читали теперь вслух, как на уроках родного языка в школе: то «Правду», то чеховскую «Каштанку», то пушкинскую «Сказку о попе и о работнике его Балде».

А затем он объявил по полку: кто будет переправляться в другую часть, тому комиссар выдаст справку — знает боец такие-то буквы, умеет расписываться. И это сыграло свою роль в массовом походе за грамотность.

Когда Смородин услышал, что питерский театр «Арена Пролеткульта» собирается на фронт, первым залучил актеров к себе. Руководитель театра Мгебров и его жена Чекан привязались к комиссару и пробыли у него больше года, деля с бойцами их походы: и в дни вдохновляющих бросков вперед, и в горькие часы отступления.

Не было у Петра ни времени, ни знаний, чтоб разбираться в театральных теориях той поры — что хорошо, что плохо и чем заполнять сцену победившему пролетариату. Он был доволен своим театром, потому что тот предан был революции, хотя и заменил обычные пьесы массовым действием и хоровой декламацией. Но в театре никогда не сходило со сцены победное красное знамя революции, а это волновало и спланивало бойцов. Да и ставили актеры прекрасные вещи: «Легенду о коммунаре» Козлова, поэму Верхарна «Восстание» и из цикла Уитмена «Барабанный бой» поэтическую прозу «Песня знамени на утренней заре», где действовали поэт, ребенок, отец и произносили пламенные монологи знамени и вымпел. Лейтмотивом «Песни» были зовущие в бой слова:

— Пробудись и восстань! Эй, пробудись и восстань!..

Отдых в Луге был прерван в сентябре 1918 года, когда в округе Пскова и Гдова вспыхнуло крупное восстание кулаков. Решили переместиться на станцию Струги Белые. Погрузились в вагоны, а машинист не везет: сидит на земле и крестится.

Сморозин подбежал, схватил его за шиворот.

— И ты, шура, прикрываешься богом?! Сколько же у него всякой сволочи! А ну, считаю до трех: потом будешь клевать землю холодным носом, я сам поведу паровоз — не белоручка и машину твою знаю...

Началась полоса в жизни Петра, достойная детективного романа: он бежал за Булак-Балаховичем, а тот за ним. Почти год шли бои с переменным успехом: то бандит теснил подразделения 49-го полка, то удирал от них, оставляя за собой пепелища и виселицы.

Петр покидал деревню, писал письмо бандиту; тот, Удирая, клял комиссара последними словами. Но верх остался за Смородиным.

Булак-Балахович до измены был в частях Красной Армии на особых правах: воевал на участке Фабрициуса, но ему не подчинялся. За Балаховичом бежал слух: гуляка, садист, до революции крупный помещик.

Когда полк Смородина обосновался в Стругах Белых, уезды Гдовский, Лужский, Торошинский и Псковский были объявлены на осадном положении. Кулацкий мятеж вдохновлялся кулацким «Крестьянским союзом». Что ни день — налеты, поджоги, зверские убийства отдельных красноармейцев и крестьян. При появлении же частей Красной Армии бандиты немедленно скрывались в лесах. Смородину пришлось участвовать в поимке одного из мятежников, барона Фредерикса. Он был доставлен в Петроград и там расстрелян.

В двадцатых числах октября Смородин получил донесение, о котором немедленно сообщил Железному Мартыну. Будто дней пять назад в Спасо-Елизарьевском монастыре Булак-Балахович собирал свое воинство, и там почему-то находились командир Нелидов с чудской базы и капитаны двух кораблей его флотилии.

— Поезжай проверь! — приказал Фабрициус. — Боюсь, что это ложный слух: там заместитель Балаховича Перемыкин. А он по документам старый революционер, на Пресне бился в пятом году...

Сморозин выехал немедленно, однако опоздал. Избитые Перемыкиным монахи разговорились не вдруг, все хотели понять, не похож ли комиссар Смородин на того, кто тут злобствовал два дня назад.

По словам игумена, монахи поначалу обрадовались Перемыкину: «Хорошо, что такой «красный» стоит. Он ведь сын заводчика, не должен поднимать руку на монастырь». А тут его и прорвало.

Сколько ни искал Смородин Перемыкина, след его простыл. Потом уже дознались, что в канун Октября направился он ночью в сторону Пскова и сдался белым.

Между тем Булак-Балаховичу доверили ликвидацию кулацкого мятежа

в волостях Пикалинской и Славковской и в районе станции Новоселье. Он показал себя бандитом первой руки: зверски отбирал оружие, скот и лошадей. Плетка его работала без устали, и приговаривал он непременно: «Вот тебе, хлоп, от Советской власти!»

Сотни бедных крестьян страдали невинно. И о его безобразиях полетели жалобы в губернию, в Великие Луки. Там создали спецкомиссию, чтобы Балаховича изолировать и ликвидировать, но опоздали. Он легко рассеял взвод сторожевого охранения возле Торошина, и оказался в Пскове, и пообещал Фабрициусу истребить подпольный псковский ВРК, и объяснил, почему он так злобствовал в пограничных районах: «Усмирение крестьян проводилось нами жестоко и беспощадно, но сознательно, по соображениям высшей политики, дабы довести ненависть к большевизму до озверения...»

Вот с той поры и не покидала Смородина и его товарищей мысль изловить и повесить Балаховича.

Действительно, бандит Булак-Балахович зверствовал так, словно потерял разум. Шляхтич был лют в своей ненависти к «хлопской» власти, но все отчетливее понимал, что скоро ему конец. Чаше и чаще вспыхивали восстания в его тылу. И когда их поддерживали красные части, спесь оставляла бандита и он убегал так поспешно, что однажды, под городом Валк, Смородину достался его любимый вороной жеребец Барон.

Сплошного фронта, отграниченного окопами, проволочными заграждениями, не было. Держался он в непрерывном движении, слабо обозначенный лишь заставами белых и красных на шоссе, вдоль рек и озер, по шнуру железных дорог. То далеко в тыл красных забредали белые, то рейдовым броском шли в белый тыл части Красной Армии. И не вдруг обозначилась твердая линия фронта: река Нарев — Ямбург; три озера — Чудское, Теплое и Псковское; граница Гдовского уезда. Затем создались три фронтовых участка в районе Пскова: Гдовский, Талабский и Псковский. Им и суждено было стать решающим заслоном на пути белой армии к Питеру.

С большим трудом проникал теперь летучий отряд Балаховича в расположение красных частей, но тем чудовищнее кончались его набег.

Остались следы Булак-Балаховича и в Гдове и в Пскове. Здесь десятки людей — рабочие, служащие — были повешены на трамвайных столбах и на виселицах, установленных на Сенной площади.

По воспоминаниям красного партизана Селезнева, который был в отряде Смородина, «перед тем, как брат Псков, Петр Иванович ходил в разведку, пропал пять суток. Потом явился: он высматривал, как брат

Псков. Он провел нас такой дорогой, чтобы мы сразу попали на станцию, где офицеры гуляли со своими барышнями». Любой ценой хотел Смородин захватить Булак-Балаховича, но тот улизнул.

Не достался он Петру и в двух волостях — Логозовской и Палкинской, — где спалил девятьсот домов в сорока семи деревнях. Оказалось, что в бандитском отряде шляхтича был даже специальный взвод поджигателей, и во главе его стоял сын псковского купца прапорщик Сафьянчиков. Этого типа Смородин поймал и отдал под расстрел.

Когда Псков снова пал в мае 1919 года из-за измены начальника Эстонской дивизии Ритта, Булак-Балахович вскинул голову. Владыка псковской епархии Арсений благословил бандита на новые «подвиги», и тот повесил и расстрелял сотни горожан.

Шляхтич стал полковником, позабыл, что даже у наглости есть границы, и опубликовал приказ, который хранил Смородин как одну из важных улик против этого врага. Приказ был обращен к красноармейцам:

«Солдаты Красной Армии! Вы все меня знаете, я иду совершать народный суд над негодьями — большевиками. Я воюю не с вами, а с вашими грабителями жидами-комиссарами. Я повешу всех комиссаров и палачей народа до последнего человека. Объявляю и приказываю каждому красному солдату и каждой красной части с оружием и снаряжением, со всем имуществом, закинув винтовки за спину, переходить в мои ряды. Подымайте на штыки коммунистов, вешайте или тащите ко мне комиссаров...»

Петр наливался злостью, когда перечитывал этот приказ. И когда хотел показать бойцам, против какой сволочи им надо идти в бой, то читал им выдержки из приказа Булак-Балаховича. И это производило сильное впечатление.

За взятие Пскова Смородина отметило правительство: по теперешним временам — скромно, по тем — отлично. Первые ордена Советской власти еще изготавливались на Монетном дворе. Почетное знамя, именные часы и шашка — были высшей наградой. Петру преподнесли серебряные часы за боевое отличие.

49-й полк первым ворвался в древний русский город, разрезал надвое Северный корпус генерала Драгомирова, захватил в плен сотни солдат и офицеров, склады с продовольствием, с оружием и с вещевым довольствием. Молниеносным был этот удар: на Волхове не успели поднять якоря три бронированных катера изменника Нелидова. Конная разведка Василия Новикова пленила генерала, который безуспешно

пытался остановить бегущих своих солдат.

Взяли Псков. Прорвались на его окраину к деревне Кресты. Там вышла заминка: белые опомнились и стали поливать части красных кинжальным огнем. Ян Фабрициус мгновенно оценил обстановку: брать Кресты не в лоб, а с левого фланга, от большака на Торошино. Он вывел на большак весь свой автопарк, поставил на машины пулеметы, приказал артиллеристам прикрывать колонну атакующих. Сам сел за руль грузовика. И начался такой бросок, словно в сторону белых рванулся дивизион броневиков. За ними — конники и пехота 49-го полка. И уже слышен мощный бас Смородина в первой цепи:

— Коммунисты-питерцы, за Советскую власть, за Ленина вперед!..

Кресты взяли, устало вернулись в город. Там был солдатский праздник: псковские мужички выставили бойцам полка шестьдесят пудов махорки! Но он был омрачен: купчики открыли винные лавки, на спиртной крючок попали любители сорокаградусной. Фабрициус немедленно пресек это и опубликовал воззвание, в котором были строки: «Пьяный красноармеец — не защитник революции, а позор ее. Храбрые около винных складов по обыкновению бывают трусами в боях!..»

Брали Псков в условиях трудных. О них накануне штурма телеграфировал Ленину Ян Фрицевич: «Продовольствия есть на один день. Люди и теперь голодают... Всего на 4-ре гаубицы 198-мь снарядов...»

Потому-то и махорка была в радость, и к вину тянулись как ошалелые, и велико было искушение подлататься за счет буржуйских запасов. Тут уж на высоте пришлось быть комиссару Смородину. Когда бойцы кинулись в богатый дом купца Батова, он осадил их:

— Все это теперь наше, братцы, нажитое кровью и потом ваших дедов и отцов. Не трожьте! На то есть законная власть!..

26 ноября 1918 года ликование вызвала телеграмма Фабрициуса в адрес Ленина и Свердлова: «Вечером 25 ноября с. г. в 16 часов 30 минут доблестными красноармейскими частями Торошпнского участка с бою взят город Псков... В городе приступлено к восстановлению Советской власти».

Праздник победы завершился 28 ноября. В тот день приехала в Псков делегация питерских рабочих. Был парад войск. И делегация вручила 49-му стрелковому полку Красное знамя от двух застав: Нарвской и Московской.

Военкому Фабрициусу и Василию Новикову вручили шашки булатной стали в серебряных ножнах. Всем бойцам пришлось хоть по малому подарку: кому кисет, кому носовой платок, кому рукавицы, кашне, манерка, пояс, портянки, носки. И всех одели заново. Это был действительно дорогой подарок. Люди и обносились до крайности, и появились зловещие

признаки эпидемии: зараженные сыпным тифом белые окопники, попав в плен, стали менять одежду на табак или хлеб. И иногда передавали вместе с гимнастеркой или френчем и тифозную вошь. Фабрициус, Блинов и Смородин решили пресечь эпидемию любой ценой. Потому-то и принарядили бойцов, хоть и не по уставу — в английское и французское, латвийское и эстонское. Но этот разнобой в экипировке был терпим: всех отличала красная звезда на головном уборе и надежная трехлинейная винтовка с граненым штыком...

Кончился краткий праздник, в Пскове не задержались. Полк двинулся в наступление — на Юрьев, Феллин, Пернов. Он шел в составе правой колонны Псковского боевого участка, был ее главной силой.

Трудов приложили много. Фабрициус отметил это в своих записках: «49-му стрелковому полку было оказано упорное сопротивление у имения Ней-Рапен многочисленным отрядом (до 1500 человек с пулеметами) из немецких солдат, организованным владельцем этого имения бароном фон Вольфом. Разгромив этот отряд, 49-й стрелковый полк в дальнейшем имел серьезные бои на подступах к гор. Юрьеву с численно превосходящими бандами Булак-Балаховича, так называемым Северным корпусом генерала Драгомирова и белоэстонскими отрядами».

Бои за Юрьев шли три дня. Командиру Блинову и комиссару Смородину не раз пришлось ходить в штыковую атаку, и просто чудом они остались живы. За личное мужество в ожесточенных боях оба они были награждены орденами Красного Знамени. Петр был первым комсомольцем, получившим эту высокую боевую награду.

В боях под Нарвой 8 ноября 1918 года Петра тяжело контузило. Больше суток не приходил он в сознание, отвезли его в питерский госпиталь. Но он досрочно ушел оттуда, когда прослышал о городской конференции недавно созданного Российского коммунистического союза молодежи.

Именно к этим дням относится легенда о «воскрешении» Петра.

Будто пошел по Питеру слух, что погиб он в бою под Нарвой. И молодежь начала конференцию с зауспокойной речи по своему старому боевому другу. Его любили от чистого сердца и говорили о нем с такой теплотой и нежностью, что в зале никто не скрывал слез.

Он вошел в зал позже других, неопознанный: с перевязанной головой, в папахе до бровей, с кустистыми усами и каштановой бородкой. И один лишь посмеивался, когда говорили о покойнике. Наконец попросил дать слово фронтовику вне очереди.

На трибуне сбросил папаху, крикнул как перед строем:

— Вы что это, черти драповые, панихиду по мне устроили? Контузило, верно! Да вот он я! И уж коль пришел, расскажу вам, как воюет наша комсомолия!..

Кажется, это была самая длинная речь за все время, что выступал он на рабочих митингах, в кружках и в ССРМ. Со смешинкой, с острой и соленой солдатской шуткой, с хорошей подковыркой — он это любил! Зал долго грохотал от аплодисментов и восторженных криков. В тот же день приняли решение: послать от питерских комсомольцев комиссара Петра Смородина в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Так он стал бессменным членом Совета на протяжении двадцати лет, до конца своих дней...

После конференции он управился с делами в госпитале за двое суток. Как-то не по себе было ему в любимом городе. Питер опустел, словно вымер наполовину. Кое-где на заводах еще теплилась жизнь. Попадались и ребятишки — помятые, в плохой одежонке. Но, как во все времена, веселые и шумные.

Больше всего угнетало, что почти нет близких товарищей и друзей. Вася Алексеев руководил ревкомом в Гатчине, находились в отъезде Лиза Пылаева и Ваня Скоринко. Женя Герр в Москве, там и Оскар Рыбкин — он во главе Цекамола. Нет даже Пашки Бурмистрова, с которым можно было спорить на любую тему.

Появилась новая поросль молодежных вожаков: Михаил Удалов и Михаил Глерон, Сережа Соболев и два брата Ореста Петропавловского: Дмитрий и Владимир. В губком комсомола — Сергей Маситин. Но с ними он не успел сойтись поближе. Зато обрадовался «старикам» — степенному Ивану Канкину, юркому, тощему, страстному Коле Фокину.

Пусто было и потому, что впервые был он гостем в красном Питере, даже в своем районе, где с трудом разыскал Ивана Кулешова — тот все хлопотал, как бы поскорей уйти на фронт против Колчака. И потому еще было пусто, что уехали в Москву те, кто задавал боевой тон всякому массовому митингу, — старые партийцы, ораторы, великие организаторы. И красавец Питер без этих блестящих людей словно сделался заштатным городом.

И Петра со страшной силой потянуло в часть. Он лишь успел повидаться с матерью. Анна Петровна и не чаяла обнять сына: он молчал, пока был в госпитале; и не вдруг признала своего Петьку в бородатом солдате с забинтованной головой.

— Ахи, охи, слезы, вздохи! — Петр стиснул маманю так, что затрещали у нее кости. — Дело говори, мне недосуг. Вижу, живешь плохо,

сдала ты, Анна Петровна, висит на тебе платье, как на худом колу. Давай чайку попьем, да собирайся: переждешь войну в Боринском. Я тебе и теплушку нашел, завтра утром отправлю. А сам к товарищам: надо Родзянке морду бить.

Ранним утром усадил он маманю в товарный вагон, дал ей на дорогу буханку хлеба, банку консервов. Поцеловались. И — будь здорова: до встречи в белокаменной, в Москве, не через один год...

Перед самым возвращением Смородина в полк там началась тяжелая полоса невезения.

Еще недавно победа сменялась победой. Красная Армия освободила Ригу, Митаву, Тукум, Талсы. В столице Латвии провозгласили Советскую власть. Но все это очень встревожило толстосумов из Антанты. В порты Эстонии начали причаливать английские и французские корабли с вооружением для белой армии. Белые спешно сформировали части в Латвии, Эстонии и Финляндии. Банды «голубых» и «серых» прибалтийских баронов вдруг противопоставили красным силу, превосходящую в семь-десять раз. С ожесточенными боями Ян Фабрициус стал отступать к Пскову.

49-й стрелковый полк не уходил с Фабрициусом, он оставался на Эстонском фронте. С ним сблокировались 1-й и 4-й латышские стрелковые полки, переброшенные из Москвы и с Восточного фронта, где они били белых и подавляли мятежи. Но из-за поспешного отступления соседних частей 6-й дивизии с эстонской земли у 49-го полка оголился фланг, пришлось оставить Юрьев.

И сразу же начались кровопролитные бои за город Валк. Три недели шквального огня и рукопашных схваток! Напряжение свыше сил! И когда все ценное имущество вывезли из Валка, его сдали.

Белые перерезали железную дорогу Валк — Псков. Сделал коварный бросок лыжный отряд белофиннов. Под его ударом пал Мариенбург.

Люди уморились. И туго с боеприпасами: берегли каждый патрон.

Но духом не упали. Коммунисты устремлялись за Смородиным в любую брешь у врага, масса бойцов их подпирала. Выход был один: из всего полка собрать лишь ударный батальон. Его назвали третьим. И Петр повел его в бой, когда занял рядом исходную позицию 6-й латышский полк.

Плечом к плечу сражались русские и латыши. Они окружили оккупантов, в рукопашных схватках убили почти четыреста солдат и офицеров врага. И еще столько же взяли в плен.

49-й стал славным полком. Враги назвали его коммунистическим и

приказали по своим частям — пленных из этого полка не брать, убивать их на месте. 30 марта 1919 года Ян Фабрициус вручил полку почетное знамя ВЦИК с такой надписью: «49-му полку за успешные бои с контрреволюцией».

Но, в общем-то, долго еще шла полоса невезения, хотя и перемежалась она отдельными удачами.

Соединенными усилиями трех полков: 12, 48 и 49-го, из которых Фабрициус создал ударную группу Для осады Валка, вошли уже в предместье города. Однако изменил начальник латвийской дивизии Мангульс. И пришлось вырываться из окружения.

Но 49-й жил и боролся. Стремительной атакой он захватил сильно укрепленную станцию Гоппенгаф. Бойцам очень мешал вражеский бронепоезд, артиллерии же не было — ее могли хоть как-то заменить отвага и деловая, оперативная смекалка. Смородин собрал взвод самых опытных бойцов, спросил в упор: что делать? Решили устроить ночью засаду у выходной стрелки. Остановится бронепоезд — забросать его гранатами. А вышло еще удачнее: бронепоезд остановился, команда выскочила, чтобы устранить неполадки на путях, и бронированную крепость захватили без гранат, с одними винтовками.

Ян Фабрициус начал готовиться к обороне Пскова. Тридцать три раза отражал он атаки белых, но город все же сдал 25 мая 1919 года. Железного Мартына поместили в госпиталь в Старой Руссе, затем отстранили от должности военного комиссара дивизии.

Петр Смородин расстался еще с одним старшим другом, который был для него образцом отваги и мужества. И даже толком не попрощались: измотанный боями 49-й в конце апреля был переброшен в Лугу для укомплектования. А когда возвратился на позиции, Фабрициуса уже перебросили на другой фронт.

Полк не набрал полной силы: потерял он до половины состава, Луга дала ему двести пятьдесят бойцов. Почти все они были коммунистами-добровольцами.

Следы комиссара Смородина обнаруживаются, к сожалению, от случая к случаю. В первых числах мая 1919 года он на участке Красные горы — станция Алешин. Батальон полка разбил батальон белых, захвачены хорошие трофеи: два орудия и шесть пулеметов.

В середине мая, когда войска Юденича прорвали фронт между Нарвой и Чудским озером и хлынули на Псков, Лугу и Петроград, снова начались дни, как под Валком и Мариенбургом. Белые пытались перерезать важнейшую артерию Псков — Луга — Петроград в районе станции

Мпшинской. Полк оправдал доверие командования — вывел из строя шестьсот белых солдат и офицеров. Юденич прекратил наступление на Мшинскую. Лужский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов наградил полк третьим почетным знаменем.

Полк наступал, полк отступал. 20 сентября 1919 года в районе Луги перед фронтом полка появились вражеские танки. Даже самое пламенное слово комиссара не смогло удержать бойцов на линии огня. Да и Смородин с Блиновым не знали, как бороться с бронированными чудовищами. Лугу сдали. Но наука пошла впрок: связка гранат, зажигательная жидкость, два огнемета. И полк, ставший к тому времени 170-м, образцово показал себя на Лужском боевом участке. На подступах к городу ввязался он в решающий бой с Островским офицерским полком белых, в котором люто действовали помещичьи и кулацкие сынки. В кромешной тьме ноябрьской ночи на офицерских плечах ворвались красные батальоны в Лугу. Петр отметил, что такой паники у белых он не видал ни разу!

В час, самый трудный для красного Питера, осенью 1919 года, видели Смородина под Петергофом. С двумя ротами держал он оборону у побережья Финского залива.

Угрожали ему батальон белогвардейцев с пулеметами и две роты белых эстонцев. Счет был один к трем в пользу врага. Но Смородин принял бой, в дело вошли даже кашевары. Белые отступили с большими потерями, путь к Питеру был и тут надежно закрыт.

Наступал Смородин на линии Ямбург — Нарва. И был в числе тех героев, перед которыми остатки банд Юденича едва укрылись за эстонской границей.

Свободно вздохнул красный Питер: с Юденичем было покончено навсегда. 49-й — 170-й исполнил свой долг. И Петроградский Совет наградил его четвертым Красным знаменем с золотой росшитью: «Храбром 170-му полку».

Четыре раза за два года отметил наградами советский народ героев полка. И полк ушел на ратный подвиг снова: на запад — против белополяков, потом на юго-запад — против банд атаманов Гальчевского, Орлика, Байды и Кирилюка.

Петр мог бы вернуться в Питер: там помнили о своем верном сыне и в конце 1919 года вызвали его на работу с молодежью. Но его оставили устанавливать границы РСФСР с Эстонией и Финляндией, и с военными топографами он прошел от Ямбура до Мурманска.

Теперь в любимый город своей нелегкой юности он ехал со спокойной душой. Границы на замке, Юденич — в Дании, Маннергейм — в

Хельсинки, эстонские бароны — в Ревеле, Булак-Балахович — в нетях.

Двадцать шесть месяцев пробыл он добровольцем в Красной Армии, со дня ее рождения. Можно и вернуться к мирной жизни.

В конце апреля 1920 года сошел он с поезда в Петрограде в старой шинелишке, в потертой папахе, с солдатской сумкой за плечами. Мучил его ншиас. И он решил размяться пешком до Смольного...

ВОЖАК КОМСОМОЛА

БОЕВЫЕ БУДНИ ГУБКОМА

Паровоз революции стремительно летел вперед, менялись обстоятельства, изменился и возмужал Петр Смородин — комсомолец, перешагнувший рубеж двадцатилетия, с боевым орденом на груди.

Но главное оставалось неизменным — он рвался работать среди молодежи. Как только приехал в Питер, избрали его организатором РКСМ в 1-м Городском районе. И членом бюро Петроградского комитета: там он ведал военно-спортивной работой.

На фоне новых активистов союза, товарищей и горластых и боевых, он сразу же стал заметной фигурой. Алексей Дорохов имел случай присмотреться к нему и оставил его портрет тех дней:

«Смородина побаивались, но любили и уважали. Он был, пожалуй, самым серьезным и политически зрелым из первых руководителей союза. Но немногие знали, что этот... суровый парень в старой, замызганной шинели, с исчезающей хмурой складкой между бровей каждую свободную минуту отдавал упорной, настойчивой и какой-то неистовой учебе, поглощая по ночам залпом книги самого разнообразного содержания. Словно проводя в жизнь по своей инициативе предстоящий призыв Ленина к молодежи: «Учиться, учиться и учиться!» И Петр Смородин добился того, что из малограмотного рабочего парня, движимого лишь интуитивным классовым чутьем, стал сперва признанным руководителем юношеского движения страны, уверенно разбирающимся в самых запутанных и сложных принципиальных и методических вопросах, а в дальнейшем перешел на руководящую работу в партии...»

Было тяжело в ту пору. Правда, началась передышка на фронтах, но она не принесла существенных перемен в жизни рабочих красного Питера. Средний заработок в пять раз был меньше, чем в 1913 году. Даже Путиловский завод использовал лишь три процента своей производственной мощности.

Многие заводы и фабрики были закрыты, многие работали от случая к случаю: с неделю теплилась в них жизнь, с месяц они простаивали. Число рабочих в городе сократилось почти в три раза.

Улицы и проспекты словно вымерли. Да и были они в ужасающем состоянии: сплошные ухабы, похожие на воронки от снарядов. Морозы изрыли мостовые, водостоки обрушились, деревянные тротуары растащили на дрова.

Бедственное положение в народном хозяйстве тяжело отражалось на жизни трудящихся. Хлеба выдавали до полфунта в день, в магазинах не продавали одежду и обувь. Тысячи людей умирали от голода, эпидемий тифа и «испанки». Особенно тяжело переносили тяготы жизни подростки. Четыре года царской войны и два года вражеской интервенции жили они впроголодь при остром недостатке одежды, обуви и топлива. Многие из них болели и умирали. Тысячи детей остались без родителей, пополнили ряды беспризорников.

В канун 1920 года питерская комсомольская организация объединяла не более тысячи комсомольцев. Но они были реальной силой, неустанно преодолевали трудности и заботились о росте своего союза. Они участвовали в субботниках по заготовке топлива, направляли в хлебные губернии продовольственные отряды. Хлеб отбирали у кулаков, а среди бедняков и середняков вели большую политико-просветительную работу: создавали клубы, ставили спектакли, проводили беседы и лекции.

По примеру коммунистов, которые в «партийные недели» добивались пополнения рядов РКП (б), комсомольцы красного Питера решили провести «недели красной молодежи», чтобы привлечь в союз новых членов и укрепить свои ячейки.

В дни второй «недели» — 18 декабря 1919 года — вышел первый номер первой в стране молодежной газеты «Смена» с приветственным письмом Владимира Ильича Ленина:

«Приветствую рабоче-крестьянскую молодежь Петроградской губернии в дни проведения красной недели.

Усиливайте, юные товарищи, вашу работу в этом направлении, чтобы со свежими молодыми силами приняться за устройство новой, светлой жизни».^[6]

Комсомолия красного Питера восстановила за «недели» организации в тех районах, где злобствовали банды Юденича. И к приезду Смородина в городе и губернии было уже больше трех тысяч членов РКСМ...

Петр начал с детей, которые потеряли кормильцев на фронтах гражданской войны: райком «оккупировал» роскошную гостиницу «Европейскую» на Николаевской улице и открыл в ней детский приют, — ребята учились и работали, находясь на полном иждивении государства.

Это был хороший подарок детям в канун Первомая. А 1 мая был назначен Всероссийский субботник. Коммунисты и комсомольцы города сумели всколыхнуть сто шестьдесят тысяч человек. Вся районная организация во главе со Смородиным убирала булыжник с Марсова поля, рыхлила почву, сеяла траву, сажала первые липы. Ей оказали дружную

помощь моряки.

И питерцы сделали чудо. Бывшее пыльное Марсово поле — главный плац для царских военных парадов — превратилось в красивую площадь с гравийными дорожками, зелеными лужайками, обрамленными кустами. А в центре ее — мемориал над братской могилой борцов революции.

Дела военного профиля отнимали большую часть сил Петра. Он и сам рассказывал о боях под Псковом, Юрьевом, Ямбургом, Нарвой и подсказывал делать это другим. Они ведь тоже активно помогали Красной Армии, пока Петр был на фронте. По комсомольским мобилизациям уходило на позиции молодежи в два раза больше установленной нормы. Иван Скоринко и Михаил Глебов писали с Южного фронта: «Шлем привет с красной Украины. Находимся в центре боев... Мы наступаем, золотопогонники бегут. Есть надежда, что красные лампы скоро будут торчать из Черного моря. Восторгаемся революционной отвагой питерцев...»

Петр не мог допустить, чтобы приглушилась память об армейских подвигах покойного друга Василия Алексева, и посоветовал товарищам собирать материалы о бронепоезде № 44, где под Гатчиной Вася был лихим пулеметчиком.

В городе продолжали быть в боевой форме три комсомольские роты: самокатная особого назначения, сторожевая и резервная. Первой командовал М. Александров с фабрики Керстена, комиссаром был И. Канкин. Под их началом было триста образцовых бойцов из актива Выборгского, Петроградского, Московского и Невского районов. В сторожевой роте, где состояло двести семьдесят бойцов из актива центральных районов города, душой был младший из трех братьев Петропавловских — Володя. Он и стал правой рукой Смородина в дни мобилизации против белополяков и Врангеля, в дни формирования частей особого назначения (ЧОН) и развертывания военно-допризывной подготовки.

Мельком они свиделись летом 1919 года, когда шли ожесточенные бои с войсками Юденича под Ямбургом. Володя был в числе красных курсантов, которые вместе с полком Блинова-Смородина совершали хитрый обходный маневр. Наткнувшись на сопротивление врага, они сделали ночной бросок — двадцать пять верст по лесам и болотам. Зашли в тыл к белым и в числе первых ворвались в город.

Слишком молод был комиссар у курсантов: ему едва исполнилось семнадцать лет. И Петр спросил на привале: «Кто ты?» —

«Петропавловский я, товарищ Смородин!» — «А меня откуда знаешь?» — удивился Петр. «Да мне братья о вас рассказывали. И столько наговорили, что я подумал: монумент, а не комиссар! Орест здесь со мной». — «А где Митя?» — «Он вместо вас заправляет райкомом комсомола на Петроградской стороне». Но подоспел Орест, братья кинулись в объятия, и разговор оборвался.

Теперь Смородин знал почти все о своем помощнике. На пятнадцатом году, когда был у родственников на Украине, он прорвался через заслоны Скоропадского в Киев под видом военнопленного, удравшего из Германии. И вернулся в Питер, где вступил в партию. На первом съезде комсомола его избрали членом ЦК, и именно он крикнул в раздражении с трибуны съезда против поборников «культурки»: «Коммунисты сражаются, а не танцуют!» Под Нарвой, гоже где-то рядом со Смородиным, десять раз ходил он в атаку впереди своего полка. Был он застенчив, как красная девица, красив своей скромностью и поэтичен: не расставался с томиком Блока, с томиком Есенина.

Рвался он на фронт. Но задерживали болезни.

Ему приказали заниматься допризывной подготовкой в Питере, а затем и в масштабах России.

С его участием питерский комсомол отправил в мае — июне 1920 года три тысячи комсомольцев против белополяков. И десятки активистов организации на Западный и Южный фронты. Смородин и Петропавловский формировали коммунистический отряд молодежи и 9 мая принимали ребят в райкоме 1-го Городского района. Выдали обмундирование и суточный паек — фунт хлеба на человека, полфунта воблы, по два куска колотого сахара и пачку махорки на двоих.

Помог Смородину неутомимый Володя и при формировании отрядов ЧОН. С весны у них под ружьем было тысяча пятьсот комсомольцев, в августе — две тысячи бойцов, и к сентябрю удалось из этих чоновских частей сформировать Петроградский коммунистический полк, который поддерживал революционный порядок в городе.

В августе 1920 года Петроградский городской и губ- | бернский комитеты слились в один губком. Надо было разворачивать военную работу и в уездах. Но Володи Петропавловского уже не было: он нелепо погиб.

Несчастье произошло в общежитии Дома Советов. Он прилег отдохнуть. Пришла девушка-активистка разбудить его, как он просил. Она решила это сделать выстрелом над головой Володи. Дрогнула рука. И славный боец гражданской войны мертвым остался в постели...

Несколько раз выдвигали Петра на пост председателя губкома комсомола, но он отказывался, все хотел лучше присмотреться к работе молодежи в новых для него условиях, понять многообразие ее интересов, желаний и поисков.

Пожалуй, он был прав, что согласился на этот пост не сразу. Фронт несколько оторвал его от повседневных нужд комсомольцев города, а их надо было знать досконально.

Только что отгремели бои на Восточном фронте, бежал из Новороссийска Деникин, с севера отбыли на кораблях вояки Антанты. И хоть оставался еще в Крыму Врангель и шли сражения с белополяками, комсомольцы понимали, что Советская Россия выстояла.

Появилась возможность хоть немного оживить фабрики и заводы. Там, где не хватало рабочей силы, особенно на оборонных заводах, комсомольцы показывали отличный пример. Подростки отказывались от положенного им по закону шестичасового рабочего дня и работали наравне со взрослыми товарищами, с коммунистами полные восемь часов. Узким местом оставался транспорт. Молодежь выходила на субботники восстанавливать паровозы, приводить в порядок железнодорожное полотно. На субботник по разборке шпал на Финляндской железной дороге одна Петроградская сторона выставила девятьсот человек.

Вместе с товарищами Смородину удалось создать или восстановить ячейки на крупных предприятиях. Во всех двенадцати районах города начали работать райкомы комсомола. И главное внимание они обращали на подростков: доставали им спецодежду, давали прибавку к скудному пайку.

Обнаружилась у молодежи огромная тяга к знаниям, и каждый райком старался открыть свой Дом политического просвещения, но пока ограничились школами политической грамоты в районах, открыли Центральную политическую школу на Миллионной улице, у Марсова поля.

Продолжал печататься «Юный пролетарий» — любимое детище Оскара Рывкина и Василия Алексева. И возобновился выход — два раза в неделю — молодежной газеты «Смена», прерванный в начале двадцатого года из-за бумажного голода. Нередко во главе газеты стояли руководители питерского союза, иногда — его активисты из вчерашних гимназистов — Николай Каган (Татаров) и Алексей Леонтьев. Но, как часто водилось в газетно-журнальном мире того времени, в обоих изданиях исполняли работу два газетчика и журналиста — Алексей Дорохов (он же А. Алешин) и начинающий поэт и критик Дмитрий Мазнин (он же Арсений Гранин).

То, что позднее приобрело форму культпоходов, было тогда естественным стремлением жить интересами лучших театров. База для

этого была отличная: Народный дом, летний зал в Таврическом дворце, летний «Буфф», «Вена» и огромный летний театр на Васильевском острове. И все спектакли доставались молодежи бесплатно, по путевкам райкомов.

С осени открыли школы рабочей молодежи. Возникали разговоры — слить их со школами 2-й ступени. Но губком не согласился: он считал, что для этого все учащиеся средних школ должны быть из рабочей среды.

Летом 1920 года шла своим порядком мобилизация на Фронт: двадцать активистов, почти по два от каждого района, отправили против Врангеля. Оживленно откликнулась молодежь на призыв партии помочь Западному фронту: она отчисляла деньги из заработка, работала сверхурочно, собирала пожертвования, обучала девушек в санитарных кружках.

Активно прошла в губернии Неделя крестьянина. В деревнях молодежь с питерских заводов помогала ремонтировать инвентарь, читала лекции, выступала в концертах.

Одновременно прошла Неделя оздоровления молодежи: больных рабочих-подростков направили в дома отдыха на Каменном острове. Оздоровлению молодежи содействовала и спортивная работа. Она разворачивалась все шире и шире, особенно на Петроградской стороне. Там оказался прекрасный организатор гимнастов Саша Соколов. Его «живые пирамиды» украшали все молодежные вечера в городе.

Сотни дел исполнял молодежный губком в Питере. Не сходил с повестки дня вопрос о дисциплине. Злостных нарушителей почти не было, но учредили товарищеский суд в райкомах. Тех, кто пропускал собрания дважды, громко объявляли трудовым дезертиром. А за неявку на ответственное собрание активистов полагался штраф в размере трехдневного заработка. Но все эти меры вскоре посчитали излишними, всякие дисциплинарные конфликты стали рассматривать в бюро райкомов или ПК.

Всякую неделю решали и такие текущие вопросы: как распределять литературу? Вообще-то, многие места обращались за книгами не в Москву, а в Петроград. И губком принял интересное решение — отпускать политическую и художественную литературу: а) городским и уездным комитетам комсомола в пределах Питера и губернии; б) всем тем, кто подвозит продовольствие; в) остаток — уездам и губерниям, расположенным севернее Петрограда.

Решали тысячи совсем мелких дел: выделить Ярославской организации пять кусков туалетного мыла, две ленты для пишущей машинки, триста листов бумаги, восемнадцать дюжин цветных карандашей и коробку перьев!.. Смотром сил перед III съездом РКСМ были два

массовых празднества — 31 августа и 5 сентября, связанные с возникновением питерской комсомолки и с Днем Интернационала Молодежи.

31 августа состоялись концерты-митинги и даже «банкет» для старейших работников союза. До чего же скромны были требования организаторов! Сохранилась заявка ПК на тот день: продкомиссара А.Е. Бадаева просили отпустить картофеля, свеклы и огурцов по полфунта на человека; луку — двадцать фунтов, помидоров — тринадцать фунтов, изюма — по полфунта и кураги — по четверти фунта на брата.

5 сентября, в Международный юношеский день, было факельное шествие на площади Урицкого перед Зимним дворцом, концерты-митинги, вручение Красного знамени Коммунистическому батальону, отличившемуся в городе в борьбе с контрреволюцией, песни, хоры, пляски.

Однако два события летом и осенью 1920 года произвели наиболее сильное впечатление на Петра Смородина. И оба они были непосредственно связаны с Владимиром Ильичем Лениным.

Это последний приезд Ленина в красный Питер на II конгресс Коминтерна, 19 июля 1920 года, и выступление вождя на III съезде РКСМ в Москве 2 октября.

ЛЕНИН В ПЕТРОГРАДЕ

День 19 июля оказался отменным: и погода просто диво, и настроение отличное, — с утра до позднего вечера Петр Смородин был со старшими товарищами рядом с Владимиром Ильичей. День этот вместе с тем венчал титаническую работу партийных, профсоюзных и молодежных организаций: красный Питер стал городом революционного торжества и красочной феерии.

Еще месяц назад взялись мыть его и чистить. И когда навели порядок, пригласили Ленина на открытие первых в стране домов отдыха для рабочих — на Каменном острове, в особняках промышленника Рябушинского и сенатора Половцева. Молодежь вместе со взрослыми приложила силы, чтобы все сохранить в домах в лучшем виде. В Эрмитаж вывезли лишь самые значительные ценности: картины, панно, хрусталь, фарфор, дорогую стильную мебель.

Правда, никому не бросилось в глаза, что на фоне гранита, мрамора и штофных обоев бедно выглядели койки армейского образца, покрашенные голубой краской. Но других не было. Владимир Ильич обратил на них внимание и сказал:

— Что ж, придется пока довольствоваться такими. Но со временем у нас будет все!..

Петр отвечал в губкоме комсомола за выход на празднества детей и физкультурников. Вывели на улицы все детские дома, сады, школы, трудовые коммуны. Детей приодели, нарядили.

Физкультурники стояли на тротуарах от Смольного к Таврическому вдоль Шпалерной улицы, вместе с моряками, курсантами военных училищ и спешенными конниками в красных мундирах и голубых галифе. Они же выступали в грандиозной сводной программе «К мировой коммуне». Это красочное действо разворачивалось на стрелке Васильевского острова у Фондовой биржи и на кораблях Балтийской флотилии, стоявших на Неве рядом. Под руководством режиссеров К. Марджаиова и С. Радлова выступало более трех тысяч человек... С вечера до утра.

Молодежь не знала отдыха с 1 июля. Она работала с художниками, скульпторами, оформителями, плотниками, садоводами и цветоводами. Был какой-то невиданный патриотический порыв петроградцев — не ударить лицом в грязь, подчеркнуть в своем Питере все значительное, показать в таком красочном убранстве, чтоб «Северная Пальмира» — колыбель

пролетарской революции — навсегда осталась в памяти гостей городом радости и международного братства.

И добились — этого! Впервые после Великого Октября краснш Питер стал центром всероссийского праздника Мосты, площади, главные улицы, Смольный, Таврический, Зимний — сплошное море кумача, голубых вымпелов, плакатов и лозунгов!

Сморозин был при встрече Ленина на вокзале. Видел его и в Таврическом дворце. Праздничным и торжественным было открытие конгресса. Ленину долго не давали говорить. Он показывал на часы, махал рукой. Но девятый вал не затихал, пока гости не потеряли голос и не устали от оваций.

Ленин весь был в порыве. Он развивал мысли, изложенные в его книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Закончил он речь словами:

«Мы можем с гордостью сказать: на первом конгрессе мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути? Теперь у нас есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не помешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики».^[7]

Затем была демонстрация: сто тысяч питерских рабочих, молодежь, дети со всех концов города стянулись к углу Невского и Садовой, до краев запрудили улицы возле Инженерной заема, у мостов через канал и Мойку.

Позже Смородин видел и слышал Ленина возле Зимнего дворца.

Три высоченные трибуны как бы отгораживали Зимний от площади, которую заполнили люди почти от края до края. Владимир Ильич торопился к поезду и не хотел выступать, но его упростили. С правой, крайней трибуны он сказал краткую речь.

Руководители питерских коммунистов и комсомольцев прибыли на вокзал вслед за Ильичем. И для Петра Смородина завершился этот памятный день проводами Ленина в Москву.

Владимир Ильич подошел к открытому окну в купе вагона и сказал питерцам:

— Ну спасибо, товарищи, за все!..

III СЪЕЗД РКСМ

В преддверии III съезда комсомола завязался спор в ПК: как именовать союз в дальнейшем? Узнали, что некоторые губкомы предлагают переименовать организацию в Союз коммунистической молодежи. Но это в корне меняет основу движения, перебрасывает его только на коммунистически настроенную часть молодежи и может задуть движение. Такое переименование оттолкнет массу, появится необходимость новой многочисленной организации, а этого допустить нельзя!.. Конечно, теперь эти споры кажутся надуманными, но тогда они имели смысл, так как касались перспектив движения. Мнение в конце концов сложилось у питерцев почти единодушное: только РКСМ!

Так же дружно решили высказать съезду и свое мнение об уставе: принимать в союз с пятнадцати до двадцати лет, для детей интеллигенции обязательна рекомендация одного члена партии или двух комсомольцев. Наконец ячейку предлагали заменить словом «коллектив».

Сморозин предложил уделить особое внимание детям и подсказать съезду, что в союзе необходимы детские секции. Так был подан голос в пользу будущей пионерии... Раза два обсуждали вопрос о кризисе движения. Под этим члены ПК подразумевали истощение кадров активных пролетарских работников, оторванность части актива от масс, недостаточную политико-воспитательную работу в союзе. Элементы кризиса они видели и в том, что существует путаница в организационных вопросах, расхлябанность, падение дисциплины и политическая неграмотность.

В наказе делегатам они предлагали внести от Питера такую повестку дня: 1) социалистическое воспитание рабочей молодежи; 2) ее физическая закалка и 3) организационные вопросы. Как известно, съезд принял предложение питерцев, но дополнил его четырьмя вопросами, заранее подготовленными оргкомитетом: военное и хозяйственное положение республики; Коммунистический интернационал молодежи; Программа РКСМ; Устав РКСМ. В последних числах сентября выехали в Москву делегаты от Петрограда и уездов.

III съезд РКСМ стал важной вехой в жизни советской молодежи, и десятки людей описали его работу во всех подробностях. Так что нет нужды говорить об этом еще раз. Но интересны некоторые частности из жизни Петра Сморозина и его товарищей по делегации. Л. Шушпанов

вспоминал:

«Душой делегации был один из первых строителей питерской комсомольской организации Петр Смородин...» Так оно и было: Петр считался самым старшим, самым строгим, самым организованным. Давно сдружившись с продкомиссаром Петрокоммуны Алексеем Егоровичем Бадаевым, Петр убедил его в том, что питерцы не имеют права рассчитывать на хлебосольство москвичей.

Бадаев отвалил недельный запас хлеба, хорошую порцию сельдей и три бочонка сливочного масла. Правда, хлеба и сельдей не хватило на весь срок. А масла было в избытке, и его даже обменивали с делегатами Туркменистана на сушеный урюк, персики, виноград и дыни.

Конечно, по пути в Москву дурачились как могли. Рассказывали всякие небылицы, например о «малыше» Коле Фокине, что он еще в утробе матери нацарапал заявление о приеме в комсомол: ему шел в ту осень семнадцатый год, и моложе его в делегации никого не было. Но он оказался острословом и отличным песенником, и от него отлипли. Тем более что Смородин не поощрял таких шуток.

Перекинулись на военные годы, вспомнили, как смородинский «секрет» обнаружил себя шальными выстрелами и как бушевал Петр:

— Ну шпана! Да разве может палить «секрет». Это же потайная точка, от нее зависит исход боя!

Между прочим, до рассвета не затихали споры: РКСМ или РСКМ? Сейчас это просто маленький штрих в истории комсомола. А тогда была проблема, она требовала дискуссии и рассудительного мнения.

Много было в те времена всяких «леваков». И кто гнул туда, тот ратовал за РСКМ — узкую, почти кастовую организацию молодых коммунистов. Смородин доказательно спорил с ними:

— Хоть и странно звучит, товарищи, но «леваки» — молодая поросль бюрократов. Им бы организацию самую малую, чтоб не было с ней возни, дисциплину самую строгую, как в армии: директива, приказ, точное исполнение! А чем это пахнет на деле? Партия лишилась бы массовой молодежной базы; за бортом остались бы всякие некоммунисты — иной раз ребячливые, капризные, вздорные. А природа не терпит пустоты; этой массой тотчас занялись бы чужаки и подкинули бы ей червяка вроде «Труда и света». Нет, с этим надо кончать! Да и что за интерес работать друг с другом, вот с такими, как мы? То ли дело облюбовать сырую болванку, поставить ее в станок. Сначала пройтись рашпилем, потом доводочку дать. И получится деталь, полезная обществу. Вот так, по-рабочему, чтоб искры летели, а с ними и дурь выходила!..

Делегатов с Невы Москва встретила привычной питерской погодкой: хмуро, сыро, не очень холодно, а противно.

Трамваи ходили плохо, и ждать их не было смысла. Мишу Тужилкина посадили с харчами на какого-то одра с тарантасом. Сами вышли на Садовое кольцо у Красных ворот и с Петром во главе строевым шагом, да с песняМи> да звонко отшагали через Сухаревку и Самотеку Д° Садово-Каретной. До Оружейного переулка не дошли, завернули направо. Вот и бывшая духовная семинария, теперь 3-й Дом Советов.

Москвичи выбрали для заседаний съезда вместительный зал на Малой Дмитровке, в доме № 6, где был раньше Купеческий клуб, затем — гнездо анархистов, наконец, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

Поместились в 3-м Доме Советов в комнате № 13. Была она вся впритык уставлена койками. Они стояли парами, с тощими проходами лишь с одной стороны. И только у выхода к двери сохранялся небольшой «пяточок». Но и он не оставался свободным: тут толпились гости — с Украины, с Кавказа, из Туркестана, Сибири и Забайкалья. Тут сотрясали воздух самодеятельные ораторы, что-то показывали певцы, юмористы, плясуны. Так что и «пяточок» был жарким местом, тем более что на нем примешались по ночам и три газетных кита: Александр Безыменский (он жил тут же, хотя прибыл из Казани), Алексей Дорохов и Дмитрий Мазнин. И, как заговорщики, что-то мараквали по частя съездовской стенной газеты «Подзатыльник». Прыскали со смеху, когда находился хороший сюжет или веселая, озорная строка.

Петр со старейшими активистами провел день в «Метрополе» — там заседала партийная часть съезда. Цекамольцы пригласили выступить с докладом Владимира Ильича Ленина. Они были уверены, что глава государства и вождь партии призовет молодежь к решительному штурму вооруженных насильников. Ведь были еще белополяки, атаман Семенов, батько Махно и иже с ним; намечались бои под Каховкой, и оставался за Перекопом барон Врангель. Не говоря уже о басмачах и всякой другой нечисти. Да и хозяйство пришло в упадок.

Петроградцы внесли три своих вопроса. Были одобрены предложения Цекамола о КИМе, Программе и Уставе: документы были подготовлены хорошо, и во всем чувствовалась крепкая направляющая рука ЦК РКП (б).

Но когда в своей тринадцатой комнате заводили разговор о Ленине, никто и не предвидел темы его выступления.

И вот настал долгожданный день! Питерцы благополучно заняли предназначенные им места. Рядом были москвичи и украинцы, за ними —

вся необъятная страна: от Мурманска до Тифлиса и Ташкента, от Читы до Минска, — шестьсот два делегата от полумиллиона членов РКСМ.

Глянуть на зал — чистый фронтальной бивак! Помещение не отапливалось, гардероба не было, все сидели в верхней одежде: шинели, кожаные и матросские куртки, шапки-ушанки, солдатские папахи, ботинки, обмотки. Редко — алые косынки девчат (их было тридцать четыре), пестрые тюбетейки, цветные халаты, тронутые жарким солнцем юга, черескос с газырями. И совсем редко — простенькое потертое цивильное пальтишко или деревенский зипун. И песни пели, еще пропахшие порохом недавнего боя.

Л. Шушпанов хорошо рассказал о волнующем миге, когда приехал Владимир Ильич:

«И вдруг зал огласился ликующими возгласами: «Ленин! Ленин!» Владимир Ильич быстро прошел на сцену, к президиуму, на ходу снял демисезонное пальто с черным бархатным воротником, положил его на стул, а сверху — кепку. Тем временем в зале, непрерывно нарастая, гремела восторженная овация. В эти минуты мы забыли обо всем на свете, глядя на Ильича.

Владимир Ильич улыбался, а потом на лице его появилось строгое и вместе с тем успокаивающее выражение. Он расстегнул пиджак, достал из кармана жилета часы, висевшие на цепочке, и повернул их циферблатом к аудитории, как бы давая понять, что нельзя терять время, пора переходить к делу. Но не так-то легко было успокоить делегатов. Овация продолжалась...»

— Товарищи! — тихо сказал Ленин. Повторил еще раз. И зал словно вымер.

Очень внимательно слушал речь Смородин. Она потрясла его. То, о чем он догадывался смутно, с такой силой убеждения раскрыл и подчеркнул Владимир Ильич.

Ленин говорил не о «текущем моменте», о чем привычно выступали ораторы на любом митинге. Он начертил программу деятельности Союза молодежи на целую историческую эпоху: до победы коммунизма.

Поколение, которому теперь около пятидесяти лет, не увидит коммунистического общества, говорил Ленин. Увидит коммунистическое общество и само будет строить его новое поколение, которому едва минуло пятнадцать лет. И оно должно всегда помнить, что «вся задача его жизни есть строительство этого общества».^[8]

В этой связи Владимир Ильич раскрыл сущность понятия «коммунистическое воспитание молодежи».

Для выполнения великой исторической задачи надо готовить себя. Молодежи, организованной в союз, надо учиться коммунизму. Но это невозможно сделать только с помощью коммунистических книг и брошюр. Так усваиваются только выводы коммунистической науки, а это ведет к верхоглядству. Нам же надо формировать не верхогляда, а всесторонне развитого, сознательного и активного строителя коммунистического общества. Для этого надо освоить критически весь предшествующий опыт человечества. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».^[9]

Поэтому необходима серьезная теоретическая учеба. А она немыслима без школы, без новой советской школы, в которой надо оставить все лучшее, чем была богата старая школа...

Владимир Ильич раскрыл значение реорганизованной общеобразовательной школы, школы политехнического профиля для подготовки будущих высокообразованных командиров социалистической промышленности и сельского хозяйства. Он настойчиво подчеркнул, что необходимость широкого современного образования молодежи диктуется основными задачами строительства коммунистического общества. «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве».^[10]

Владимир Ильич как бы размышлял вслух о строительстве социализма и коммунизма в стране, о путях восстановления и развития хозяйства на новой технической базе. Коммунизм — подчеркивал он — это новые заводы, фабрики, тракторы, автомобили, самолеты, электрические станции.

Мысленно он уже видел Россию в золотой россыпи электрических ламп. Он думал об этом на протяжении всего 1920 года, когда шла активная подготовка знаменитого Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО).

21 ноября 1920 года на Московской губернской конференции РКП (б) он скажет вещие слова: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно».^[11]

И пока еще не было VIII Всероссийского съезда Советов, утвердившего план ГОЭЛРО, в стране уже сооружались первые две электрические станции: Волховская (на водной энергии) и Каширская (на

подмосковном угле). И проектировалась Шатурская ГРЭС (на торфе)...

«Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо учиться этому самим, надо научать этому все подрастающее трудящееся поколение».^[12]

В речи Владимира Ильича получил дальнейшее развитие один из важнейших принципов партийного руководства молодежной организацией: непременно сочетать теоретическую подготовленность, образованность молодежи с активным ее участием в классовой борьбе, в практической работе по созданию нового общества. Необходимо, чтобы «Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян...».^[13]

Борьба за укрепление коммунизма — основа коммунистического воспитания, образования и обучения, основа коммунистической нравственности. Многим было неясно понятие «коммунистическая нравственность», и Ленин раскрыл это понятие: «Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата... Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».^[14]

Воспитание коммунистической нравственности происходит в процессе создания, утверждения и укрепления нового общества. Именно в этой борьбе за новое общество воспитывается чувство ответственности за все происходящее в первом государстве трудящихся, готовность трудиться на любом участке социалистического строительства, ибо для успеха этого строительства необходим вклад каждого члена общества, его беззаветная, полная отдача сил и энергии. Для этого нужно новое отношение к труду.

Фактически Ленин раскрыл перед делегатами съезда основные моменты разрабатываемого им плана социалистического строительства: индустриализация страны, кооперирование крестьянства, культурная революция. И определил место, роль и формы участия организованной молодежи в этой грандиозной работе.

Комсомол — авангард всего молодого поколения страны, помощник Коммунистической партии и проводник ее идейного, политического и организационного влияния. Но за авангардом должна идти масса. «Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей... Без привлечения всей массы рабочей и

крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте». [\[15\]](#)

А чтоб действительно быть авангардом, коммунистический союз молодежи должен работать под руководством партии, знать ее директивы и проводить их в жизнь, показывая пример воспитания и трудолюбия, сознательной дисциплины и организованности.

В заключительной части своей речи Владимир Ильич подчеркнул, какое значение придает партия развитию самодеятельности Союза молодежи. «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин». [\[16\]](#)

И Владимир Ильич прямо призвал направить эту самодеятельность на решение такой важнейшей задачи, как ликвидация неграмотности среди населения. В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Надо, чтоб за дело ликвидации неграмотности взялась сама молодежь. Именно в такой отдаче всех сил члена Союза молодежи на общее дело состоит помощь союза в работе партии, происходит коммунистическое воспитание самой молодежи...

Снова была неслыханная овация: дрогнули стены от грома аплодисментов. Затем Ильич отвечал на записки. И с каждым его ответом многое прояснялось. Важнейший итог дня: изменилась международная обстановка, начинается в жизни Советской республики мирный период, в котором молодежь должна определить свое место — помогать партии в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, быть ударной группой, показывающей пример и почин во всяком деле...

Съезд прошел бурно, закончился успешно. Без всяких скидок критиковали стиль работы ЦК РКСМ: мало связи с массами, мало оперативности, когда готовятся новые вопросы. Да и «Подзатыльник» поддавал жару!

Но споры дали и результаты. Толково было сказано о формах участия молодежи на хозяйственном фронте: о трудовых армиях, которые восстанавливали железные дороги, заводы и фабрики; о напряжении всех сил в помощь фронту и продовольственным работникам.

Съезд подтвердил присоединение организованной рабочей и крестьянской молодежи РСФСР к Коммунистическому интернационалу молодежи и подчеркнул, что необходимо воспитывать членов РКСМ в духе международной солидарности юных пролетариев всех стран и распространения идей КИМа.

Одновременно съезд определил экономические задачи союза: продолжительность трудового дня, мероприятия в области охраны здоровья подростков, обеспечения их жильем и продовольствием. Смородин особенно настаивал на борьбе с детской спекуляцией и с преступностью. Было решено начать поход против беспризорности и привлечь к этому делу всеобщую и главкомтруд. Петр же очень резко говорил о том, что слабое место союза — переполнение на периферии руководящих органов учащимися средних школ. Среди них же мало рабочих. А это вносит в работу руководящих органов какую-то мелкобуржуазную расхлябанность, склоки и уменьшение самостоятельности пролетарской части союза. Поэтому, подчеркнули в резолюции, в союз надо принимать только наиболее сознательную часть интеллигенции, с рекомендациями члена партии и члена союза и устанавливать ей кандидатский стаж.

Было определено и отношение к группам национальных меньшинств. Разрешили создавать национальные секции в губернских центрах, если молодежь данной национальности не понимает русского языка. Но при всех условиях эти группы и секции «являются неотъемлемой частью местных организаций» РКСМ.

Питерцы спорили об Уставе союза, требовали принимать в организацию с пятнадцати лет. Съезд определил границы возраста молодежной организации с четырнадцати до двадцати трех лет. И осталась «ячейка», а не «коллектив», как предлагали они. Организация строилась на принципе демократического централизма. Впервые было подчеркнуто, что член союза выбывает механически, если он без уважительных причин не уплачивает членские взносы на протяжении трех месяцев. Петр спорил с делегатами, которые предлагали собирать общее собрание ячейки не реже одного раза в неделю. Говорил, что надо собираться два раза в месяц, но его предложение не прошло.

Наконец при полном согласии делегатов утвердили Программу РКСМ и порядок взаимоотношений союза с партийными организациями от укомов до ЦК включительно. Партия посылала своих представителей в молодежную организацию. Комсомол — в партию. А кроме того, в отделы труда и в органы Наркомпроса.

В состав Центрального Комитета вошли Оскар Рыбкин, Лазарь Шацкий, Петр Смородин, Владимир Фейгин, Фридрих Ютт, Иван Подволоцкий, Виктор Полторацкий, Александр Фоминых, Лев Леонтьев, Федор Плясунов, Альфред Курелла и другие.

Петр не хотел в те дни расставаться с городом своей юности, и петроградцы истребовали его к себе. Три месяца жил он между Москвой и

Питером. А с 13 декабря 1920 года уже подписывал решения Петроградского губкома как его секретарь.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СМОРОДИНА

На перевале зимы — с двадцатого на двадцать первый год — Петроградская организация провела два важных дела вполне мирного свойства: чистку организации и территориальную ее перестройку. Потом подступила «критическая точка» — опасная «волынка» на заводах (скрытая форма забастовок) и Кронштадтский мятеж. Снова пришлось браться за оружие. Передышка донельзя была краткой: с поляками замирились в дни III съезда, барон Врангель сбежал в Турцию, мигом пролетело три месяца после разгрома белых в Крыму, и вот уже — орудийные залпы с крепостных стен острова Котлин...

Но двенадцать недель никто не бряцал оружием в Питере. И губком решил круто повернуть союз к новым берегам. Организацию очистить от всего наносного, сплотить и определить цели на основе решений III съезда. Этому послужила перерегистрация членов РКСМ. Она закончилась под Новый год.

Потеряли в списках одну треть: было двадцать тысяч членов, стало тринадцать тысяч. Зато среди них сорок процентов рабочих и самая высокая во всем РКСМ прослойка девушек. Очистились за счет чужаков, приспособленцев. Перестали числиться в организации те, кто выбыл механически, но распрощались и с теми, кто ушел в кадры РККА и на укрепление организаций в других губерниях.

Правда, коллективы стали малочисленными. Значилось их четыре сотни, но даже на двух таких гигантах, как «Треугольник» и Путиловский завод, комсомольцев было меньше трехсот.

Городские члены РКСМ территориально сосредоточились в одиннадцати районах, деревенские — в одиннадцати уездах. Да еще один рэйком был в Кронштадте. Смородину удалось навести организационный порядок в губкоме. Бюро заседало еженедельно, организаторы районов и уездов собирались раз в две недели. В десяти отделах губкома подобрались толковые товарищи: Татаров, Дмитриев, Трейвас, Тужилкин, Сорокин, Козлов, Уда-лов. Губком получил вполне приличное помещение во Дворце труда (на Красной улице, в доме № 21).

Трезво оценивая обстановку, Петр не раз возвращался к вопросу о частях особого назначения (ЧОН). Еще 12 августа он требовал переоформить их «ввиду угрозы английского флота, находящегося в Финском заливе». Выли созданы приемные комиссии в райкомах, им

рекомендовали комплектовать отряды главным образом из членов РКСМ. Организатором питерских частей назначили Александра.

Когда началась «волынка», Петр проверил два-три отряда ЧОНа и обнаружил, что не все там хорошо. Были парни, которые долго вертели в руках винтовку, словно не зная, что с ней делать. И уж при разное Александра Петр не подбирал слов!..

Вторым важным делом был очередной губернский съезд, пятый по счету. Он работал четыре дня, с 15 февраля 1921 года. Смородин выступил с отчетным докладом на основе положений Ленина, развитых им на III съезде РКСМ: активная, действенная культурно-просветительная работа и широкое вовлечение молодежи в экономическое строительство. Доклад о международном юношеском движении сделал Шацкий.

В губком избрали двадцать пять человек. Рядом с Петром были теперь Иван Канкин, Орест Петропавловский, Николай Фокин, Владимир Корнильев, Всеволод Сорокин. Агитотделом ведал Николай Дмитриев, орготделом — Вениамин Трейвас, культотделом — Михаил Удалов...

Время было трудное — голодное, холодное: четвертушка хлеба в день, вместо дров — самообогрев. У кого сапоги чинены-перечинены, у кого шинелишка, выдавшая виды, у кого отцовское поношенное пальтишко. Но юность брала свое! Шутили, дурачились, пели. На собраниях — полно. И «старики» — комсомольцы первого призыва — здорово резали по части «текущего и жгучего» момента. Да и рядовой комсомолец в любой час мог сделать доклад на политическую тему. Все ценили юмор, острое, перченое слово.

Маша Александрова, в те дни сотрудница агитотдела, и машинистка Роза Брукер вели дневник губкомовской жизни и в скромных поэтических поделках пытались давать сатирические зарисовки. К сожалению, были они потом уничтожены, но Мария Федоровна Александрова кое-что восстановила по памяти.

У Петра была привычка говорить о плохих работниках: «Не люди, а могила!» И еще подметили девушки, что он величал «лебедями» тех сынков интеллигенции, которые всплывали на поверхность и стучались в двери комсомола в пору вузовских приемных испытаний. Так появились четыре строчки о Петре:

*Вид свирепый, клок торчащий,
Звал «могилами» людей,
Голос, яростно звучащий,
Проклинает «лебедей»...*

Петр только посмеивался. За общительный характер, звонкий смех и готовность к любой работе он называл Машу Юностью. И вспомнил о ней много лет спустя, когда шли торжества по случаю 10-летия ВЛКСМ, и привез ей билет на вечер в Доме Красной Армии.

Доставалось от девушек многим, в том числе и Диме Мазнину, который, по их мнению, безвылазно сидел на редакционном стуле и был счастлив, когда на бумагу ложилась хорошая строка.

*Каждый день одно и то же —
За столом сидит Мазнин,
И ею святая рожка
Удивительно похожа
На румяный блин...*

Не обошли они вниманием и Удалова, которого Петр часто поругивал, — вечно где-то пропадает человек, не иначе как подменивает дело пустыми разговорчиками.

М.Ф. Александрова рассказала и об одной бытовой сценке в цехе, которая вновь натолкнула Смородина на мысль о работе с детьми. Она была избрана секретарем комсомола на швейной фабрике имени Володарского (на углу Мойки и Гороховой, неподалеку от ПК КСМ). Вениамин Трейвас посоветовал Маше завести на фабрике тетрадь замечаний и предложений. В нее всяк мог записать, что считал полезным для дела. Там были записи Смородина, его товарищей по ПК, ЦК и Исполкому КИМа.

Однажды прибежала в комитет комсомола старший мастер Стродт, Машу не застала, сделала запись: «Принимай меры к малолеткам. Всю готовую продукцию они перевероршили и в обеденный перерыв устроили «свадьбу», а твой комитетчик Шурка Шувалов был у них за попа».

Малолетки (а их было много) работали четыре часа и уходили после обеденного перерыва, вкусив порцию дуранды. В тот день они не пошли в столовую. И без взрослых расшалились: надели белые рубахи, вереницей двинулись по цеху парами — мальчишки с девчонками. Впереди шел Шурка в солдатской шинели с «кадилом» из катушек на веревке.

А под вечер пришел Смородин.

— Я думала, что разнесет он меня на части. А он так хохотал, что я

перепугалась. Всегда такой строгий, подтянутый. И вдруг диво дивное: слова не может сказать, давится смехом. Потом собрался, сказал: «Подпирает нас время, Маша, надо думать про малолеток, создавать для них отдельную организацию. А Шурку не ругай — из него может вожак получиться!..»

Удалось разыскать и еще одну активную комсомолку тех времен — Марию Петровну Казакову. В ее небольших воспоминаниях тоже какие-то крупинцы человеческого тепла, нежности к старшему товарищу Петру Смородину. Могучее плечо его было всегда рядом, и в памяти окружающих остался он образцом рабочего парня. «Петр свой парень!» — с восхищением говорили о нем комсомольцы.

Казакова часто бывала во Дворце труда на заседаниях губкома с активистами из районов. В огромном кабинете Петра долго не высиживали из-за холода и, продолжая спорить, мчались по длинному коридору в столовую обогреться чаем.

Там усаживались за громадный стол, и всякий ор прекращался: Смородин был за Деда на большом семейном чаепитии и в такие минуты не допускал криков. Все жадно искали глазами Колю Фокина. Только он имел доступ к губкомовскому складу и мог подкинуть по кусочку воблы и по ириске. И он появлялся из кухни с дарами и по праву усаживался рядом с Петром.

Все со стола улетучивалось, как при урагане. И спорщики рвались в бой, но молчали, пока не вставал Смородин.

— Петр, ну а ты как? — кидались к нему по дороге.

— А что? Ты же не прав! — И по коридору начинали лететь пух и перья со всяких загибщиков...

«Как-то я проходила мимо кабинета Смородина, — вспоминала Казакова. — Слышу отчаянный крик девочки: «Не пушшу! — Она отталкивала от двери Слосмана. — Петя Смородин спит, не пушшу!» Это охраняла сон Петра пятилетняя дочка уборщицы Лиза Крутикова. На пороге показался Смородин. Лиза не видела его и все еще отпихивала Слосмана, который делал ей страшную рожу. «Коля Фокин приказал никого не пушшать. И ты меня не пужай, я — охранительница! — Потом обернулась, увидела Петра и сказала ласково: — Ешшо сосни, мало спал. Я их всех разгоню!..»

Так охраняли товарищи покой своего секретаря, у которого не было четких границ между днем и ночью. Относились к нему бережно, любовно. А зеленая молодежь — с восхищением. И даже с завистью: герой фронта, комиссар, с боевым орденом!

Но он был прост, легкодоступен и терпелив.

Казакова особенно подчеркнула, что он никогда не прощал грубости по отношению к девушкам: «Сам девчонками не интересовался, и они открыто раскрывали перед ним душу, рассказывая о своих личных привязанностях...»

Так шла жизнь: на переднем плане — дело, на втором — шутки, озорство, доступные радости. Но враг стал снова у ворот Питера...

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ

Так уж случилось, что Петр руководил союзом в Петрограде, а затем в масштабах всей России в условиях исключительных. В Питере пережил Кронштадтский мятеж, в Москве вкусил все прелести оборотной стороны нэпа. Плакал над гробом Ленина и дал клятву от имени ЦК РКСМ быть верным его заветам. И отражал натиск троцкистов на комсомол...

Закончился пятый губернский съезд 19 февраля. А через четыре дня началась грозная полоса в жизни красного Питера. Ленин на X съезде РКП (б) четко объяснил причины «волынки» и Кронштадтского мятежа, этого взрыва мелкобуржуазной стихии, более страшной, чем Деникин, Колчак и Юденич, вместе взятые. «Истощение от нужды и бедствий, — писал Владимир Ильич, — связанных с семилетней войной и разорением, и переутомление от почти сверхчеловеческого напряжения сил, которое проявлено было рабочим классом России за последние три с половиной года, настолько обострились в настоящее время, что требуют экстренных мер от Советской власти».^[17]

И съезд предложил «выработать ряд мер по улучшению положения рабочих и облегчению их бедствий во что бы то ни стало». И «по улучшению положения нуждающихся крестьян».

Действительно, беды свалились страшные. Транспорт в развале, из-за этого нет хлеба и топлива. Все разуты и раздеты. В деревнях открытое недовольство подразверсткой времен военного коммунизма.

Питерцы голодали четвертый год. И кой у кого из них надломилась стойкость. А многие новые рабочие, которые прибыли из деревень на смену стойким, кадровым пролетариям, развеванной гражданской войной по всей стране, не столько работали, сколько кричали: «Даешь хлеба, даешь ситца и обуви, даешь топлива!» И всякое контрреволюционное охвостье разжигало страсти и пыталось вдолбить отсталым элементам бредовые мысли: «Даешь Советы без коммунистов!»

На заводах красного Питера, славных своими революционными традициями, 24 февраля начались забастовки. И вспыхнул мятеж в Кронштадте под лозунгом: «Власть Советам, но не партиям!»

В крепости тоже изменился личный состав моряков. Новые наборы на флот шли больше из деревень. И парни в матросских тельняшках, не нюхавшие пороха революции и гражданской войны, все эти «жоржики», «иван-флотцы» и «клевники», оказались подходящим сырым материалом

для белогвардейских генералов и их прислужников из лагеря меньшевиков и эсеров. И это была внушительная сила: в крепости находились все суда Балтийского флота, в гарнизоне — 18 тысяч солдат и матросов, более ста пулеметов и двести орудий.

Да и у вчерашнего комиссара Петра Смородина была кое-где слишком слабая опора в молодежной организации, особенно в первые дни «волынки» и мятежа. Сырые деревенские паренки на заводах не всегда вызывали доверие, потому что первыми бросали работу, лезли на митинги и бузили. Но как только «волынка» стала переходить на политические рельсы да грохнули орудия в крепости, молодежь поняла, что крикливые разговоры о хлебе переросли в мятеж контрреволюции, и взялась за оружие, чтоб защитить Советскую власть.

Петр почти месяц жил как на вулкане.

При первых же сигналах о «волынке» на Васильевском острове губком комсомола по указанию губкома партии создал революционную тройку: Смородин, Тужилкин, Файвилович. Она обосновалась в гостинице «Астория»; пулеметы у входа, охрана на казарменном положении: пароль, пропуск, отзыв, как в 49-м полку.

За три часа созданы были тройки во всех районах, и от них пошли донесения: «Балтийский завод 26 февраля, 2 часа дня. Утром все пришли на завод и частью приступили к работе, но потом работу бросили и в настоящее время спокойно расходятся по домам». Потом пошли другие донесения: отмечено скопление народа у фабрики «Лаферм»; тема разговоров обычная: свободная торговля, проезд по железной дороге. На Гвоздильном заводе к работе не приступили, целиком присоединились к бастующему Балтийскому заводу; на митинге такие речи: «Я был недавно в деревне, имение помещика забрали под коммуны. Мужики гонят картофель на спирт, его отправляют в Москву. А кто пьет — не знаем». Толпа орала в голос: «Долой коммуны!» Попросил слова комсомолец: «Раз коммуны долой, то и Советскую власть побоку?» — «Долой Советскую власть!» — гаркнули в толпе крикуны.

Стали поступать и другие тревожные известия: активиста Петра Ефимова на Трубочном заводе забросали гайками, потом привязали к стулу. На Косой линии комсомольцы узнали, что там меньшевики подбили людей на демонстрацию. Райком партии немедленно выставил заслоном полуроту курсантов поперек Большого проспекта, у пожарной части. Но применить оружие не разрешил.

Все чаще и чаще поступали донесения о меньшевиках и эсерах. Они выползли из подполья: печатали и расклеивали листовки, снимали людей с

работы, устраивали охоту за комсомольскими разведчиками в городе.

Губком подписал воззвание к рабочей молодежи: разведку усилить, срывать митинги, не давать клеить враждебные листовки, из цехов не выходить, показывать образцовую работу на производстве.

С первыми же выстрелами мятежников все комсомольцы потребовали послать их в бой. Всеволод Сорокин рассказывал о такой типичной сценке. Явились к Петру Смородину рабочие ребята из Московского района, заявили: «Даешь на фронт!» «Скупой на разговоры Петр Смородин тем более был скуп на объяснения в эти тревожные дни. В результате они получили короткое, но вразумительное поучение — немедленно отправиться в распоряжение своей районной ревтройки и подчиниться ее решению. Тогда один из парней пошел на «ужасную» угрозу в адрес губкомовцев: «Загнулись, черти! Мы на конференции такую бузу устроим! Ты у нас сделаешь доклад!..»

Петроград был объявлен на осадном положении. Ревтройка губкома комсомола повернулась и против «волынщиков», и против мятежников. На заводы были посланы все лучшие агитаторы, которые здорово поддевали тех, кто выступал против диктатуры пролетариата. Комсомольцы стали показывать образец труда, формируя из добровольцев бригады, которые можно назвать прототипом ударных бригад.

Отряды ЧОНа окрепли и по донесениям разведчиков и патрулей изымали подозрительных лиц и явных врагов. Так поймали одного типа, который читал в толпе «Известия» мятежников. Однажды прибежали ребята в губком: в Вознесенской церкви поп произносил погромную речь.

— Что делать? — спросили у Смородина.

— Как что делать? Изъять его из обращения!..

Губком сумел образцово мобилизовать молодые силы революции. И активисты в районах ощущали себя в обстановке передовой линии фронта, работали по-военному, не считаясь со временем. К тому же Смородин создал в помощь Коммунистическому батальону боевой комсомольский отряд, в который входили только те, кто уже закалился на гражданской войне. Всего потребовалось четыре часа, чтобы отряд оказался на казарменном положении и по указанию губкома партии приступил к охране Смольного.

Но центральная ревтройка стала получать тревожные сигналы об утечке информации. Стоило передать приказ по телефону, как о нем тотчас же узнавали враждебные элементы.

Снова пригодился личный опыт Смородина — подпольщика и комиссара. Он дал приказ пользоваться при передаче донесений шифром.

Недолго ломали голову, взяли за основу фразу «читают «Юный пролетарий». Ссылка на номер журнала определяла обстановку: «Все спокойно» («Читают «Юный пролетарий» № 1), «Улучшается» (№ 2), «Ухудшается» (№ 3), «Скверно» (№ 4), «Плохо» (№ 5), «Очень плохо» (№ 6), «Бастуют» (№ 7). Шифр был установлен и для разговоров, и для письменных сводок. Для него взяли название четырех газет, одного журнала, семи дней недели и одиннадцати месяцев (кроме декабря). И было категорически подчеркнуто, что шифры известны только Смородину, Файвиловичу, Тужилкину и председателям революционных троек в районах. Утечка информации прекратилась.

На заводах наметился перелом.

Но во всем этом деле явно не хватало еще одного толчка — зубастой листовки, чтоб сбить с вредной позиции сторонников заварухи и сплотить всю молодежь вокруг партии и комсомола. Ведь были листовки против царя и капиталистов, почему не прибегнуть к этому средству против контрреволюционной сволочи?

Петр решил так и взялся за листовку. Но он никогда не был один: все люди и люди. Да и недолго любил он писанину, — проще было командовать полком или идти в штыковой бой. Он вспомнил про Дорохова — организатора молодежи в Спасском районе. И поручил ему набросать текст листовки.

Дорохов описал эту сцену в книге «Годы, которых не забыть»: «С постановлением тройки спускаюсь в редакцию. Там сидит на диване, беседуя с Мазниным, Саша Безыменский. Он прикатил вчера из Москвы с отрядом московских комсомольцев, выделенных в помощь Питеру, и первым делом заявился, конечно, в «Юный пролетарий».

— Ну что будем делать?

— Да вот надо выпускать воззвание. Бери карандаш. Стараемся втроем, но выходит бледновато. Обычные

митинговые фразы как-то не звучат, да они и использованы уже в экстренном выпуске «Смены». Надо придумать что-нибудь необычное, яркое, чтобы сразу врезалось в сознание того, кто еще колеблется.

Безыменский задумчиво покусывает мундштук.

— А что, если стихи?

— Какие еще стихи?

— Да видишь ли, я тут в поезде набросал стишата. Призыв к молодежи. Что, если вклеить их в воззвание?

— Что-то мне не помнится, чтобы серьезные документы выпускали в рифмованных строчках. А впрочем... Давай-ка твое произведение.

Подымаюсь к Смородину. После долгих споров принимается решение выпустить листовку — наполовину текст, наполовину стихи.

Втроем мы снова садимся за работу. Смородин подписывает необычное произведение к печати. Но в эти тревожные дни, чтобы выпустить его в свет, нужна еще виза губкома партии. Приводится мчаться в Смольный. Там идет заседание. Объясняю секретарю в приемной, что дело не терпит отлагательства. Он скрывается в кабинете, оттуда доносятся голоса, и затем появляется с Улыбкой:

— Ну идите с вашей молодежью.

Вхожу. В табачном дыму, затянувшем комнату, от волнения плохо различаю лица. Слышу голос Зорина:

— А, красная молодежь! Ну что ж, читайте ваше воззвание.

А у меня стихи. Но отступить уже поздно. Мысленно проклиная Безыменского с его нелепой затеей, объясняю положение.

— Что же с вами делать! Стихи так стихи. Валяйте декламируйте. Послушаем.

В жизни я не предполагал, что мне когда-нибудь придется выступать с декламацией стихов перед такой аудиторией. Сразу пересыхает горло. Голос никак не хочет слушаться. Ну и втравил меня Саша!

*Неужли молодежь, чьи пламенные души
Горели, как костры, в их огненной груди,
Хотя б на миг один ту мысль в себе задушит,
Что юность и в труде и в битве — впереди?*

Серьезные лица слушателей помогают совладать с волнением. Слова начинают звучать увереннее и тверже:

*Да! Юность впереди! Но в битве за Советы,
За подлинную власть мозолистой руки,
А не за тех врагов, чьи слуги и клеветы
Мечтают умертвить заводы и станки.*

На лицах слушающих вижу одобрение и уже совсем смело продолжаю:

Неужли смутный день из сердца сразу вытер

*Тот пыл, с которым мы три года гордо шли?
Иль рабства мы хотим? Иль Питер уж не Питер?
Иль нас меньшевики не к гибели вели?*

Остается последнее четверостишие. В нем-то я уверен. Оно дойдет:

*Дадим врагу отпор, товарищи и братья!
Без яростной борьбы к победе не придешь.
Изменникам — позор! Предателям — проклятье!
Рабочие — к станкам! На помощь, молодежь!*

— Отлично! Возражений и замечаний нет? Ну скорей выпускайте ваше воззвание...»

К вечеру листовка была расклеена на всех городских тумбах, раскидана по улицам, в цехах. Первые политические комсомольские стихи метко ударили в цель. Еще одна большая группа молодежи одумалась и прекратила «волынку».

А остальные начали работать, когда делегаты X съезда РКП (б) и отряды Красной Армии, сделав нечеловеческий бросок по весеннему льду Финского залива, штурмом взяли мятежную крепость. Сам Смородин каждый день рвался к бойцам, в передовые цепи, но его не пустили: он был нужен в штабе обороны Петрограда...

ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ ЮНОСТИ

Больше двух месяцев лихорадила партию дискуссия о профсоюзах. Следом за ней — «волынка» и мятеж. Петр держался стойко. И с удовлетворением принял решения X съезда РКП (б), который осудил антипартийные действия оппозиции, подвел черту под эпохой военного коммунизма и объявил переход к новой экономической политике.

Теперь открывались иные формы сотрудничества рабочих и крестьян, укреплялся их союз. Крестьянину давали отдушину: он мог свободно продавать излишки продуктов своего труда, государство заменило продразверстку посильным продовольственным налогом и поощряло развитие в деревне кооперации. Получила отдушину и мелкая буржуазия городов: в известной границе ей давали право заниматься частнопредпринимательским оборотом: открывать магазины, арендовать фабрики, заводить ремесленные мастерские.

Конечно, введение нэпа оживляло капиталистические элементы — торговцев, скупщиков, арендаторов, кулаков. И внутри страны остро ставился вопрос: кто кого? Но партия прекрасно понимала, что отступление это временное. Командные высоты сохранялись за пролетариатом. Все усилия рабочего класса в тесном союзе с крестьянством направлялись на ликвидацию разрухи, на развитие крупной промышленности в городах и кооперации в деревне, на победу социалистического уклада жизни.

Комсомолу надо было определить формы своего участия в хозяйственном и культурном возрождении страны. Война закончилась — все внимание трудовому фронту и учебе!

Далеко не всем был ясен смысл новой экономической политики. Те, кто утерял перспективу, перешли к формуле: «За что боролись?» И трудно было осуждать вчерашнего бойца, рубаку, который ненавидел буржуйскую сволочь, сидел на голодном пайке и бил себя в грудь: «За что боролись?..»

«Сытую и красивую жизнь» идейно подпирали все, кто мечтал о крушении или перерождении Советской власти: меньшевики, эсеры, анархисты. Они завалили рынок бульварной литературой, пропихивали своих сторонников в комсомол и даже пытались формировать свои молодежные организации.

В комсомоле началась «полоса кризиса»: рассыпались коллективы, шла болтовня о непреодолимых трудностях в работе и в быту. Кого-то

соблазнила возможность «частной инициативы». Словом, мусор, всякая дрянь всплыли на поверхность, и от них надо было очищаться.

Иван Кулешов вспоминал о тех днях на Петроградской стороне: «Наши надежды на предстоящую работу в 1921 году потерпели полное фиаско... Наступило очень трудное время. В течение всего лета в районе почти не работал ни один завод. Созывать коллективы на собрания или проводить вообще план работы в жизнь становилось чрезвычайно затруднительно. Существовал только райком, Домпросвет и развернувшаяся спортивная работа. В постановке спортработы следует отдать должное Александру Соколову, положившему много труда, чтобы спаять спортсменов вокруг нашей организации. Уж очень трудно было. И, невзирая: на тяжесть обстановки, под руководством Якова Когана в районе работало одиннадцать школ политграмоты с хорошей успеваемостью...»

Петру приходилось нелегко. На его плечи легли еще большие государственные и партийные обязанности: VIII Всероссийский съезд Советов избрал его кандидатом в члены ВЦИК, конференция питерских коммунистов — членом губкома РКП (б). Но главным оставалось руководство комсомолом в городе и в губернии.

В январе 1921 года он крепко распалился против старого своего друга Ивана Канкина, будто бы за перегиб. Тот руководил комсомолом Петроградской стороны и так «почистил» организацию, что сократил ее на две трети. Теперь же действия Ивана выглядели в ином свете: организация могла быть крепкой, мощной не численностью, а умением, стойкостью, полной отдачей сил. И с ней надо было прежде всего решать два вопроса: ликвидировать кричащую безработицу среди подростков и обеспечить город топливом.

Сотни безработных толпились у биржи труда. Но туда лезли и нетрудовые элементы: получив билет безработного, они освобождались от уплаты гражданского налога и бросались на всякие аферы. Профсоюзы и комсомол решили произвести чистку на бирже, чтобы значились там только достойные претенденты на получение работы.

Промышленность перешла на хозрасчет. Нерентабельные заводики стали закрываться. Треть подростков города могла оказаться на улице. Пришлось привлечь внимание партии и профсоюзов, чтобы этого не случилось.

Комсомольцы быстро установили, что нэпманы не желают заключать трудовые договоры с подростками, выдают запуганных ребят за своих родственников и заставляют работать по двенадцать-четырнадцать часов в

сутки. Два-три судебных процесса, проведенных комсомолом против нэпманов, помогли навести в этом деле порядок.

Как и в годы гражданской войны, одной из форм участия молодежи в восстановлении хозяйства были субботники: уборка городских территорий, починка дорог, ремонт общественных зданий, заводских корпусов и жилых домов. Не были забыты и места отдыха молодежи: Таврический сад, «Луна-парк» и «Аквариум». Субботники проводились и для сбора средств в помощь голодающим Поволжья. Голодная рабочая молодежь Питера активно боролась с голодом в деревне: и отдавала свой скудный паек, и заработала за лето для товарищей в Поволжье почти восемьдесят девять миллионов рублей.

Удалось послать много рабочих и студенческих молодежных бригад для заготовки дров, на общественные комсомольские огороды на окраинах Питера, на починку инвентаря в деревне и на посевную кампанию.

Никакого «чистого культурничества», никакой «чистой политики»! Так отвечала питерская комсомолка на призыв партии активно участвовать в повседневной строительной работе в городе и в деревне. Каждый день решать будничное, но неотложное дело!

Чтобы сплотить организацию для решения этих задач, надо было перевоспитывать или отбрасывать тех, кто поплыл по течению. И каждый день приходилось рассматривать конфликтные дела: то пьянка, то драка, то свадьба в церкви, то крестины с попом, то спекуляция.

Напор мелкобуржуазной стихии ширился, и в комсомол лезли люди, с которыми и разговаривать не хотелось. Так было по всей стране, и губком вошел с предложением в ЦК РКСМ установить шестимесячный кандидатский стаж для отдельных выходцев из среды мелкой буржуазии, которые доказали свою преданность пролетариату.

Все эти шаги питерской комсомолки одобрила I Всероссийская конференция РКСМ в июне 1921 года. Кроме того, она предлагала укрепить связь с профсоюзами, иметь там своих представителей и расширить индивидуальное практиканство молодежи в советских учреждениях.

Как известно, X съезд РКП (б) принял решение о возрождении и укреплении красного флота. Питерские комсомольцы вслед за коммунистами послали большую группу молодежи на Балтийский флот. Это были толковые парни почти с годичным комсомольским стажем. Они обладали знаниями в объеме начальной школы и владели нужной для флота специальностью.

Решение о возрождении флота было Петру по душе. Еще в 1920 году он обнаружил большое стремление молодежи к морской службе и помог

создать морской клуб на набережной Средней Невки.

Зимой ребята превратили свой клуб в боевой штаб. В дни «волынки» они обходили городские кварталы, вылавливали хулиганов и грабителей.

Петр бывал у ребят и не раз отмечал, что учились они отлично. В бушлатах на «рыбьем меху», в сапогах, где подметкой служила толстая парусина, с карабинами за плечами, бросались они на штурм «врага» в сугробах Крестовского острова, ходили на лыжах, увлекались буерным спортом. И героически показали себя в дни Кронштадтского мятежа, особенно в лыжной разведке.

Часть бойцов первого отряда и ее начальник Ю. Пантелеев были награждены орденами Красного Знамени. Когда комсомол взял шефство над флотом, все они ушли на боевые корабли Балтийского флота и служили образцово. А Пантелеев позднее стал адмиралом...

В трудное лето 1921 года произошла перемена и в личной судьбе Петра Смородина: завидный для многих питерских девчат жених вдруг стал мужем Леночки Андреевой.

История эта не вполне обычная.

На питерском горизонте возникла умная и красивая девушка с характером. Ей вскоре приглянулся строгий и добрый Смородин.

Она долго не решалась сделать первый шаг. Ее сдерживало то, что была она дочерью действительного статского советника. Правда, отец вышел из мещан и только ревностной службой в артиллерийском управлении добился генеральского чина. Но и штатский генерал — тоже генерал! Петра это могло насторожить.

Да и надо было как-то обживаться в Питере, куда недавно приехала она после смерти родителей. Думала, что сразу же раскроются перед ней в столице благоприятные перспективы. А на поверку вышло не то: старший брат, принявший сироту, превратил ее в няню и кухарку. Она же окончила шесть классов гимназии, хорошо знала французский язык, любила музыку, литературу и вовсе не хотела мириться с положением домашней работницы. Начались в семье осложнения. И однажды брат сказал ей в сердцах, что для барышни из «бывших» нет светлых дорог и что у нее один путь: выйти замуж, благо и жених есть, хотя он и староват. Она не поверила и не сдалась. По вечерам стала ходить в комсомольский клуб: пыталась говорить на митингах, пела песни, танцевала, читала стихи. Ее заметили девушки с фабрики, вырвали из семьи брата, определили инспектором в горнаробраз, вовлекли в комсомол. На одном из вечеров попросила она подруг познакомиться ее с Петром.

Леночка Андреева понравилась Смородину. Он стал иногда ловить

себя на мысли, что его тянет в молодежную коммуны, где был клуб и где он мог видеть эту красивую девушку в красной косынке, острую на слово, с пристальным взглядом больших карих глаз. И глаза всегда теплели, когда он подходил к ней, обменивался шуткой, спрашивал, хорошо ли ей работается.

Захотелось ему видеть Лену не только в клубе, на людях, где разговор бывал мимолетный, какой-то малозначительный, без душевного тепла, и впервые осмелился он пригласить девушку к себе, в «Асторию». Правда, там жил у него рабочий паренек Саша. Он ютился прежде в одной комнатухе с большой семьей. Петр приглубил его по доброте душевной, предоставив ему диван в своем гостиничном номере. Но Саша был свой парень и разговорам с Леной не мешал.

Однако вскоре стало ясно, что Саша — третий лишний. Петр нашел самый разумный выход: вернуть Сашу домой вместе с диваном. Так и сделали. Встречаться стало свободнее. И однажды Петр признался в любви: неумело, робко, но бесповоротно.

Леночка перебралась в «Асторию». Быстро пролетели счастливые недели новобрачных. Вскоре Смородин уехал в Москву на IV Всероссийский съезд РКСМ, там его избрали секретарем ЦК РКСМ.

Некоторое время Лена оставалась в Питере. Но так и не дождалась, когда Петр вызовет ее в белокаменную, и приехала сама...

ЦК РКСМ. ЗАБОТА О ПОДРОСТКАХ

Александр Мильчаков, член Цекамолы в те дни, записал в своей книге «Первое десятилетие»:

«Живо помню, как выбирали мы первым секретарем ЦК Смородина. Можно пожелать любому руководителю, чтобы его любили так, как комсомольцы любили Смородина. И все Смородина звали любовно и ласково — Петя. Комсомольцы чувствовали его сердечность, честность, искренность.

Если бы меня спросили, кто был самой яркой, колоритной, выдающейся фигурой в комсомольском движении, я бы, не задумываясь, ответил: петроградский рабочий, большевик Петр Смородин, всегда и во всем верный сын партии, подлинный вожак трудовой молодежи».

В кулуарах IV Всероссийского съезда РКСМ из уст в уста передавались ответы Смородина в анкете делегата. На вопрос о состоянии здоровья он ответил: «А какое вам дело? Я себе не враг!» А на вопрос, читал ли лекции на курсах, был ответ: «Нет, избави аллах!»

Так оно и было — в свои двадцать четыре года Петр оставался озорным парнем, каким его знали и раньше. И это импонировало молодежи: она ценила его независимый характер, пренебрежение условностями и хорошо знала, что в любом деле он прежде всего будет отстаивать интересы пролетарской молодежи.

Смородин стоял во главе ЦК РКСМ с сентября 1921 по май 1924 года. Он участвовал в работе VI съезда комсомола. Его избрали почетным членом РКСМ и отпустили на учебу — на курсы марксизма...

Между IV и VI съездами у комсомола на счету много горячих и ярких дел.

Организацию продолжали будоражить случаи увольнения подростков в промышленности и на транспорте. Дело в том, что в годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства появились на многих предприятиях близорукие и не в меру экономные руководители. Они очень узко понимали такие категории, как хозрасчет и рентабельность, и спешили избавиться от молодежи. В некоторых губерниях были случаи, когда подростков увольняли всех до единого.

Цекамол обратился за помощью к Владимиру Ильичу. Под его руководством 1 июля 1921 года вопрос был рассмотрен в Совете труда и обороны.

Появились соответствующие рекомендации СТО и постановление ВЦИК «Об установлении минимального процента подростков на предприятиях». Теперь у комсомола был большой козырь: для подростков пятнадцати-семнадцати лет вводилась броня (пять-шесть процентов от числа занятых рабочих). И в пределах этой брони подростки ни в коем случае не подлежали увольнению. Любое самовольство недальновидных хозяйственников устранилось. С постоянным составом забронированных можно было успешно вести разнообразную работу: посылать их в школы ФЗУ, в школы рабочей молодежи; летом — и в дома отдыха, и в санатории. Окрепла экономическо-правовая работа комсомола, в том числе и борьба с безработицей в среде рабочей молодежи.

Петр не прощал ошибок в этом важном деле. Когда доложили ему о вопиющих безобразиях в Астраханском губкоме (развал работы на рыбных промыслах, соляных приисках, водном транспорте, увеличение числа безработных подростков), он провел в ЦК решение о роспуске губкома «за безответственность, бездеятельность и недисциплинированность, граничащую с разнузданностью». Как видно, он не подбирал мягких, обтекаемых формулировок. Из комсомола исключили четырех членов бюро губкома.

Сморозин был весьма оперативен в делах, которые касались судьбы рабочих-подростков. Однажды он узнал от комсомольцев Московского военного обзона, что там уволили группу молодых рабочих. Через полчаса он был в Замоскворечье и устроил администрации такой разнос, что уволенных немедленно восстановили на работе. Да еще подкрепил свои действия решением Бюро ЦК, которое было разослано всем губкомам комсомола...

Москвичи и ленинградцы живо реагировали на указание ЦК РКСМ. На биржах труда они создали секции подростков. В Питере больше трети безработных подростков были летом 1922 года направлены в школы ФЗУ, в школы рабочей молодежи и в цехи предприятий.

На каждом заседании Бюро ЦК так или иначе шел разговор о рабочей молодежи. Летом 1922 года добились мер по охране труда подростков в кустарной и арендной промышленности. В комсомоле успешно прошла кампания за сохранение для них четырех-и шестичасового рабочего дня, с оплатой не ниже, чем на государственных предприятиях. И конечно, был большой смысл в том, что обязали нэпманов заключить с рабочими-подростками трудовые договоры.

ДЕТИ И ГОЛОД

Всегда были в поле зрения Смородина не только подростки, но и дети. И ему принадлежит большая заслуга в развитии пионерского движения в стране.

Петр подолгу беседовал с Крупской о будущей детской коммунистической организации. Разговоры о ней начались еще до того, как Смородин перебрался в Москву.

В Петрограде 1917 года Крупская хорошо присмотрелась к Смородину и очень ценила его за партийную, рабочую прямоту и честность. Да и помогала ему определить свое место в шевцовском синклите «Труда и света». Петр часто заходил к ней, когда она работала в Выборгском районе, и на собраниях встречались они не раз.

Два года они не виделись, пока Петр был на фронте. Встретились в сентябре 1920 года: Петра вызывали тогда в ЦК готовить проекты резолюций III съезда по экономической работе и по детскому движению. И он зачастил в Наркомпрос к Крупской. Разговаривали о возможных формах работы с детьми: как готовить работников, обладающих педагогическим опытом, создавать детские клубы, библиотеки, столовые и летние колонии. Крупская подчеркивала: «Только на основе самостоятельности самих детей!»

Родиной пионерской организации стала Москва. В декабре 1921 года Н.К. Крупская на совещании работников Цекамола и Московского комитета призвала комсомол взять под свое руководство детей и создать детские коммунистические организации. Так возникла в феврале 1922 года детская коммунистическая группа при типографии Машистова, затем — при 16-й типографии, при депо Октябрьской железной дороги, на фабрике «Красная работница» и на заводе «Каучук».

Таким образом, первые ростки появились задолго до II Всероссийской конференции РКСМ, в мае 1922 года, когда по замыслу Смородина делегаты высказались о детском движении и поручили Цекамолу разработать этот вопрос к V Всероссийскому съезду. Петр высказал в комиссии ЦК много интересных замечаний об основах и структуре детского движения, которые были приняты цекамольцами. И к очередному съезду комсомола позиции определились четко: развертывая движение юных пионеров, КСМ удаляет с его пути враждебные организации скаутских союзов и детских националистических организаций. И

привлекает тех руководителей скаутских организаций, которые искренне и полностью становятся на платформу нового детского движения.

Но пока шла подготовка документов о пионерском движении, надо было думать о детях, которые стояли в стороне от этого движения, не ослаблять борьбу с детской беспризорностью. Цекамольцы очень активно содействовали органам ЧК, Феликсу Дзержинскому в этом деле. Старые комсомольцы вспоминают, как Смородин с товарищами лазил по подвалам, обнаруживал чумазых ребятишек в ночлежных домах на Земляном валу и на Цветном бульваре. Умел разговаривать с ними и находил для них пристанище в детских домах.

Зинаида Немцова — сотрудница Хамовнического районного отдела народного образования в те дни — вспомнила об одной такой уловке Смородина:

— В нашем районе под детский дом был отдан бывший купеческий особняк. Внутри он был разрушен, мебели не осталось никакой. Как принимать туда детей? Посоветовались с Петром Смородиным. Он поинтересовался нашими денежными средствами. Мы назвали цифру. «Не густо, — заключил секретарь ЦК. — А что, если...»

На другой день в роно дружно явились члены комитета торговцев Смоленского рынка. Нэпманам очень понравилось, что их «пригласили», а не просто «вызвали» или «предложили явиться». «У нас к вам есть деловое предложение, — сказал Смородин. — Гражданская война, в которой вы и ваши коллеги были, как известно, не на нашей стороне, лишила родителей и крова многие тысячи детей! Они бродят по всей стране, погибая от голода и холода, становясь нередко преступниками. Все мы без исключения, и вы в том числе, в ответе за их судьбу. Все вы сейчас советские граждане, вам дана возможность торговать. Почему бы вам в благодарность за это не проявить благородство и не взять шефство над детским домом в Хамовниках?»

Это предложение секретаря ЦК РКСМ и озадачило и польстило. «Дело, конечно, хорошее», — слышались голоса.

Словом, торговцы дали деньги на ремонт здания, завезли мебель, щедро отвалили продуктов...

Петра видели в детских садах, приемниках, первых пионерских лагерях, которые создавали московские предприятия. Дети всегда находили в нем доброго друга и никогда не обманывались...

Вообще из Москвы шли хорошие вести: столица накормила и распределила по детским домам, приютам и в семьях рабочих до 25 тысяч детей из Поволжья и Крыма. Каждый рабочий помогал голодной детворе

чем мог. И каждому служил примером Владимир Ильич Ленин: он отдал в помощь голодающим детям свою золотую медаль — награду за отличную учебу в гимназии.

Сохранился циркуляр ЦК РКСМ о борьбе с голодом от 22 февраля 1922 года, в котором ясно ощущается скупой и острый стиль Смородина.

ЦК признавал, что борьба с голодом по многим причинам ослаблена. Но никакая филантропия не может иметь места, нужен резкий поворот в оказании помощи. ЦК РКП (б) и ЦК РКСМ решили провести двухнедельник проверки помощи голодающим. Комсомол должен поддержать лозунг: «Десять обеспеченных кормят одного голодного». Он же обязан создать отряды и выделить уполномоченных в пунктах общественного питания и распределения продуктов и на железной дороге и водном транспорте — для охраны и продвижения продовольственных и посевных маршрутов.

Каждый день думать о детях! Эвакуировать их из голодающих уездов, устраивать в детских домах. Неусыпно бороться с детской проституцией. Излавливать и беспощадно карать «покупателей детского тела»...

Комсомол боролся и спасал от гибели своих сверстников. «Дело здесь не только в том, что десятки, сотни, тысячи подростков были защищены и обеспечены работой и хлебом, — правильно отмечали авторы очерков по истории ВЛКСМ «Ленинский комсомол». — Здесь не менее важной была и другая сторона, а именно: продолжение объявленной большевиками войны эгоизму, стяжательству, волчьей морали. Комсомольцы помнили ленинские слова о том, что, когда забота о труде, о пище, об одежде, о здоровье, о жилье станет заботой каждого о всех, тогда и наступит коммунистическое общество. Союз и приучал заботиться не только о себе, но и о своих товарищах, а это воспитывало не только комсомольцев, но и воздействовало на умы и сердца всей молодежи».

К XI СЪЕЗДУ РКП(б)

На первых своих съездах молодежь точно определила, что она строит всю свою работу под руководством партии. Но с переходом к нэпу этот принцип кое-где на местах нарушался.

В январе 1922 года Смородин подписал большое письмо в ЦК РКП (б) по этому поводу. Цекамол просил поставить в порядок дня XI съезда партии отдельным пунктом вопрос об РКСМ. Мотивы были такие: в связи с нэпом в жизни молодежи происходят серьезные изменения, и это заново ставит вопрос о сохранении влияния партии на юношеские массы. Скоро уйдут в армию активисты комсомола, родившиеся в 1902–1903 годах, и организация потеряет на местах наиболее стойких товарищей. А экономическое положение рабочей молодежи все ухудшается: сокращаются штаты, растет безработица, тарифы слишком низки. Прежний подъем в комсомольской организации спал. Есть почва для роста апатии среди молодежи, прежде всего в виде реакции против «политики». РКСМ приходится от прежней своей монополии среди молодежи переходить к борьбе за молодежь, в некоторых случаях даже за своих собственных членов союза. Замечается усиление работы меньшевиков в молодежной среде, главным образом в Москве, где активно действует ЦК меньшевиков. Но куда опаснее неорганизованное влияние мелкобуржуазного разложения на молодежь: всякого рода кинематографы, балы, пьянство, бульварная литература. Они быстро втягивают широкие круги молодежи.

РКСМ не везде сумел приспособиться к новым условиям. Положение в союзе надо, признать тяжелым. Яркие примеры политического упадка (Екатеринбургская организация сократилась с семнадцати тысяч до пяти тысяч членов, Бакинская — с четырех тысяч до тысячи, Уфимская — с пятнадцати тысяч до четырех тысяч и т. д.). Часть организаций в деревне еле существует либо занимается спектаклями и танцами. Оставшийся актив мало развит политически, воспитательной работы вести не умеет. Многие растерялись перед новой экономической политикой, часть поддается разложению.

Нужно коренным образом менять методы работы комсомола в области марксистского воспитания, воздействия на чувства молодежи. Нужна более осязаемая помощь партии.

В ожидании XI съезда РКП (б) по предложению Смородина Цекамол пересмотрел состав активных работников комсомола в губкомах, горкомах

и райкомах. И принял циркуляр об укреплении пролетарского ядра в комсомоле. У всяких горячих голов сейчас же возникла мысль о чистке организации, такой же, как проходила в партии, чтобы избавиться от мещанских элементов и повысить процент молодых пролетариев. Однако Петр настоял на своем:

— Одно дело — чистка партии, другое — наша забота о пролетарском ядре в комсомоле. Понятия совершенно различные. И механически переносить опыт партии в юношеское движение — затея ненужная и вредная. Партия — авангард рабочего класса, она стоит у власти. И из ее рядов сегодня выбрасывают тех, кто примазался к власти из корыстных целей, кто разложился и потерял перспективу. Мы же — организация коммунистического воспитания молодежи. У власти не стоим, и примазавшихся у нас так мало, что их можно удалить без лишнего шума. А всех остальных надо глубже втягивать в работу и раскрывать перед ними горизонты идейной, классовой борьбы. Так что нужна не чистка, а будничная и кропотливая работа по воспитанию. И конечно, под такую работу надо подвести крепкое экономическое основание: дать ребятам трудиться, получать образование на практике и строить новый быт.

Одновременно Смородин подписал циркуляр о работе в деревне. Это был активный призыв не увлекаться одной лишь культурно-просветительной работой, идти в кооперацию, расчищать путь к социалистическим отношениям в селе. Правда, Петр советовал не выбрасывать открытого лозунга против «культурки». Если в сельских кружках преобладает элемент середняцкий и бедняцкий, его следует завоевать идейно. Кружки, которые попали в руки кулацких сынков, разгонять немедленно.

Организованно прошла Неделя сближения РКСМ с РКП (б), объявленная Центральным Комитетом партии. Она прошла по стране в январе 1922 года, усилила идейную и материальную поддержку со стороны партии, повысила ответственность коммунистов за состояние работы с молодежью.

В специальном письме ЦК РКП (б) ко всем членам РКСМ по поводу Недели было сказано:

«Сейчас пришел самый трудный этап нашей борьбы. Мы вынуждены применить все средства для поднятия производительных сил страны, ибо без этого не может быть никакого коммунизма. Мы дали свободу мелкой торговле и промышленности, сдаем предприятия в аренду, даем иностранным капиталистам концессии и вместе с тем должны упорно и энергично строить нашу крупную социалистическую промышленность.

Развязав хозяйственную инициативу буржуазии, мы пошли навстречу новым великим опасностям. Наша задача заключается в том, чтобы возрождающиеся капиталистические отношения использовать с выгодой для пролетарского дела».

ЦК партии призвал молодежь готовить грамотных, крепких работников и рекомендовал установить постоянный тесный контакт в работе организаций комсомола и партии.

ХІ СЪЕЗД РКП(б)

27 марта 1922 года открылся в Москве XI съезд партии. Как большевик с дооктябрьским стажем и вожак РКСМ, Петр Смородин получил делегатский билет с совещательным голосом. Вместе с ним участвовали в работах съезда и другие комсомольские руководители.

В канун съезда все они собрались на Воздвиженке в кабинете Петра и подробно обсудили предложения, с которыми Цекамол решил обратиться к XI съезду. Центральный Комитет партии внес в повестку дня вопрос о работе среди молодежи, докладчиком был намечен Г. Сафаров.

Смородин с его обостренным пролетарским чутьем не очень доверял Сафарову, потому что тот легко сбивался с партийной линии и за последние три года дважды шел против Ленина. И уже через полгода Смородин понял, что Сафаров случайная фигура для Цекамола, и Оргбюро ЦК РКП (б) заменило его Бела Куном...

Съезд был представительным: 522 делегата с решающим голосом, 165 — с совещательным. Они выражали волю 532 тысяч большевиков, недавно прошедших партийную чистку. На съезде не было выступлений оппозиционных групп, которые раньше так будоражили партию и мешали ей вести ясную и твердую линию Ленина.

Петр был впервые на партийном съезде и за неделю, пока он длился, прошел большую, серьезную партийную школу.

М.И. Калинин считал, что это не просто школа, а университет. Он так и сказал в своем выступлении: «У нас сейчас происходит партийный Всероссийский съезд лучших людей нашей партии, ее полномочных представителей. Это мировая аудитория, университет, из которого каждый член партии стремится почерпнуть, найти более близкие пути к коммунистическому знанию. Вот сейчас у нас происходят действительные уроки марксистского преподавания всей нашей полумиллионной коммунистической массе».

Да, эти «уроки марксистского преподавания» были разносторонними и впечатляющими!

Один из них был посвящен вопросу о демократизме и партийной дисциплине, весьма актуальном в дни нэпа и для организации комсомола.

А. Сольц в отчете Центральной контрольной комиссии говорил: дисциплина всегда была оружием партии в ее борьбе. Он ударил по настроениям расхлябанности, бытовавшим в определенной части партии.

Он заключил свой «урок» такими мыслями, которыми Смородин позднее не раз делился с товарищами. Партия отразила удары и при царе, и при Керенском потому, что был у нее ленинский компас и что спланировала ее железная дисциплина. После февральской революции она оказалась единственной организованной, дисциплинированной силой. Большевики прошли долготетную выучку в подполье. Теперь выросли новые товарищи, но они этой выучки не прошли. Они революционеры и всю свою жизнь отдали этой борьбе, но сознание необходимости единой воли в партии, это сознание у них еще не окрепло. Им надо разъяснить, что мы стоим перед величайшими трудностями, где требуется величайшая дисциплина в гораздо большей мере, чем до сих пор.

Смородин постарался сделать выводы из доклада Сольца и своих раздумий. Чувствовать себя коммунистом — большое счастье, но стать им не так-то легко. И чтобы содействовать комсомольцам в их партийном воспитании, мало даже железной дисциплины в союзе. Нужна более мощная прослойка коммунистов в РКСМ. И мы сделали в Цекамоле правильно, когда предложили съезду вынести такое решение: принимать в партию молодежь до двадцати лет только через РКСМ!

Затем его мысли были поглощены укреплением ядра активных работников в губкомах. Сила этих кадров не в числе, а в их умении, в партийной выучке, в боевитости, в ясном понимании задач партии и безусловном их исполнении. Один хороший боец стоит десятерых, если он подлинный ленинец. Партия начинала с маленькой «горстки», с той «тесной кучки», которая шла, крепко взявшись за руки. Мало, очень мало было людей, решивших строить новую жизнь, в необозримом океане людей отсталых, изломанных, исковерканных капитализмом.

Он вглядывался в лица делегатов, среди которых были люди, что стояли у истоков партии рядом с Лениным.

Со многими из них он был связан дружбой и гордился ею. Ведь это была плеяда выдающихся личностей: они делали революцию, а революция сделала их. И эта могучая «горстка» революционеров повернула на новый путь историю современного человечества.

А «университет» продолжался. Шло обсуждение вопроса о профессиональных союзах. И перед мысленным взором Петра как бы прошла история профсоюзного движения, к которому и он имел непосредственное отношение в 1916–1917 годах на фабрике Шаплыгина. Теперь движение становилось массовым, и опиралось оно на значительный опыт. А главное, четко определилась его роль в условиях диктатуры пролетариата: «Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны

быть в частности школой управления социалистической промышленностью (а затем постепенно земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся». ^[18]

Затем был большой «урок» по кругу вопросов, связанных с финансами: бюджет, денежное обращение, кредит, налоги, товарооборот.

Важнейшей задачей выдвигалось оздоровление денежного обращения. Деньги падали катастрофически: трамвайный билет в Москве еще полгода назад стоил семь копеек, теперь платили за него 30 тысяч рублей. И в аппарат Цекамола привозили заработную плату для ста двадцати сотрудников на двух извозчиках, в мешках, миллиардами.

Съезд решил снизить расходы на содержание административного аппарата путем его сокращения и вообще последовательно проводить режим экономии. Но при этом не допускать снижения реальной заработной платы трудящихся.

Следует отметить, что еще в дни работы съезда Смородин предложил своим товарищам сократить аппарат ЦК РКСМ на сорок человек. Это было сделано: к V Всероссийскому съезду комсомола в Цекамоле работало всего восемьдесят сотрудников...

Петр не выступал на пленарных заседаниях XI съезда партии. Это поручили сделать Лазарю Шацкину. И он дополнил доклад Сафарова некоторыми практическими предложениями Цекамола. Прием в партию после чистки временно прекращен, но все же надо принимать тех лучших товарищей, которые прошли закалку в Союзе молодежи. И взять за правило, чтобы вся молодежь до вступления в партию прошла через РКСМ. Затем он остановился на вопросе о культурно-просветительных кружках в деревне. Их роль очень велика. Но в них много кулацкого элемента, и руководит ими деревенская интеллигенция, зачастую имеющая эсеровскую идеологию. С такими кружками партии и союзу надо бороться и крепко ставить свою культурно-просветительную работу. Как и в партии, остро стоит в союзе вопрос о влиянии на массы. При этом надо учитывать, что ЦК меньшевиков опубликовал недавно циркуляр о постановке враждебной нам работы в профсоюзах и среди молодежи. Небольшие группы молодежи, созданные меньшевиками, не представляют для нас большой опасности. Хуже то, что из нашей партии и комсомола отходит часть молодежи. А ведь рабоче-крестьянская молодежь является орудием, посредством которого наша партия организует молодежь, а через нее — и массы взрослых рабочих и крестьян.

Что является очередным в работе союза? Прочное привлечение к нам рабоче-крестьянской молодежи. Раньше союз развивал громадную, но

поверхностную агитацию среди масс рабоче-крестьянской молодежи, и это давало результаты. Теперь надо прочно завоевывать отдельного молодого рабочего и крестьянина, приспосабливаться к психологическим особенностям этой молодежи, уметь активно воздействовать на чувства, знать, что ее интересует. Необходимы новые методы воспитательной работы и соответствующая помощь партии, даже в вопросах материальных. Партия обязана посылать своих работников в комсомол, чего она до сих пор не делала. Партия должна хорошо знать на местах внутреннюю жизнь союза. В этом смысле XI съезд должен быть переломным и для союза, и для партии.

Сморозин активно проявил себя в комиссии съезда по работе среди молодежи. Он докладывал предложения, подготовленные Цекамолом, убедительно защищал их. Его очень радовало, что все делегаты съезда, которые были в этой комиссии, не отвергли ни одного пункта проекта постановления, над которым он с товарищами долго и плодотворно потрудился до съезда. Это была первая и единственная резолюция партийного форума, написанная его рукой.

«1. РКСМ, являющийся массовой организацией коммунистического воспитания, служит для партии мощным орудием коммунистического воздействия и влияния на широкие слои рабочей и крестьянской молодежи. РКСМ в то же время, воспитывая в своих рядах наиболее сознательную и революционную часть рабочей молодежи, обеспечивает партии ее здоровый и непрерывный рост за счет активной прослойки пролетариата — рабочей молодежи, вступающей через союз в партию уже подготовленной к практической революционной работе.

Партия, таким образом, глубоко заинтересована в наиболее быстром и безболезненном приспособлении РКСМ к работе в новых условиях.

2. Объектом массовой работы РКСМ является совершенно новый слой пролетарской молодежи, выросший в эпоху революции, не испытавший на себе гнета капиталистического строя, подвергающийся сейчас, в связи с новой экономической политикой, деклассированию, распылению и переживающий резкое ухудшение своего экономического положения (массовое увольнение с производства, Уменьшение заработка, срыв норм охраны труда и т. д.)...

5. В деревне организации РКСМ должны являться одним из главнейших опорных пунктов партии и Советской власти.

В связи с новой экономической политикой, содействующей укреплению индивидуального крестьянского хозяйства, росту мелкособственнических инстинктов и усиливающей зависимость крестьянской молодежи от семьи, чрезвычайно усложняется работа деревенских ячеек РКСМ»^[19]

Таким образом, съезд с исключительной самокритичностью рассмотрел вопрос о руководстве молодежным коммунистическим союзом. И определил эту работу фактически на весь срок, пока Смородин стоял во главе Цекамола — до XIII съезда в 1924 году. 22 июня 1922 года ЦК РКП (б) утвердил «Положение о приеме членов РКСМ в члены РКП (б)». В результате еще больше укрепилась связь между партией и пролетарской молодежью...

В дни XI съезда присутствовал Петр Смородин на совещании военных работников, которые подготовили постановление об укреплении Красной Армии. Вопрос этот был животрепещущий для всего комсомола и лично для Петра: дальнейшая жизнь Красной Армии, допустимые границы сокращения ее личного состава, пополнение ее новыми людьми. Наконец, оценка боевого опыта Красной Армии в годы гражданской войны и теоретическое обоснование единой военной доктрины Советского государства.

Фрунзе внес резолюцию об укреплении Красной Армии на пленарном заседании съезда, делегаты утвердили ее единогласно...

Петр обрадовался даже мимолетной встрече со старым своим боевым другом Яном Фабрициусом. «Железный Мартын» выделялся среди многих и могучим ростом, и молодцеватой выправкой, и четырьмя орденами Красного Знамени, и тремя ромбами в петлицах. Он мало изменился за эти годы, только заметнее стала седина на висках и в раскидистых усах.

— Не знал, не знал я, что в дни Кронштадта ты был в Питере, зашел бы непременно, — пробасил «Мартын», грабастая Петра сильными руками.

— А я знал. Мне Тухачевский рассказывал, как ты командовал 501-м полком. Люди колебнулись, ты первым вышел на лед и сказал: «Иного пути к победе нет, а приказ лишь один — вперед!».

— Да ведь как положено, Петя, по совести. Кому ж идти первому, если не нам с тобой? Помнишь, под Псковом? — и начались воспоминания.

А партийный «университет» продолжался успешно. Главным было то,

что руководил съездом Владимир Ильич. Он открыл первое заседание, выступил с политическим отчетом ЦК и завершил работу съезда заключительным словом.

К концу 1921 года создалось объективное равновесие между РСФСР и лагерем империализма: Советской России не грозило новое нападение извне. Поэтому партия сосредоточила основные усилия на строительстве экономического фундамента социализма.

Далее Владимир Ильич говорил о главнейших итогах первого года нэпа. Отступление окончено, цель достигнута, смычка с крестьянской экономикой устанавливается, союз пролетариата с крестьянством укрепился, хозяйственные достижения налицо. Теперь ставится новая задача: перегруппировка сил для наступления на капиталистические элементы.

Лозунг «Учитесь торговать!» был таким же неожиданным для многих, как и лозунг «Учиться!», провозглашенный на III съезде РКСМ. Но он был так аргументирован, что никакие отдельные оппоненты на съезде не могли его поколебать. Да и Михаил Иванович Калинин обстоятельно поддержал мысль Владимира Ильича. Он говорил: торговать мы не умеем не только потому, что некультурны. Торговый дом должен расти лет 25–30, чтобы сделаться мало-мальски сносным. За несколько месяцев его не поставишь, но и растягивать это дело нам на годы нельзя. А культура придет вместе с опытом. Культура — вещь растяжимая, приобретается очень медленно. Но думать, что на торговлю можно не налегать, ибо без культуры мы не научимся торговать, никак нельзя.

Чтобы уметь хозяйничать, управлять государством, культурно торговать, вытеснить частный капитал, строить социализм, необходимо правильно подобрать и расставить кадры. Гвоздь положения, указывал Владимир Ильич, в людях, в подборе кадров, в проверке исполнения...

Три мысли Ленина особенно запали в голову Петра, и он неоднократно возвращался к ним в своих выступлениях: жить в массе; говорить правду, беспощадно вскрывать ошибки; верить в окончательную победу социализма! Ленин выразил эти мысли афористически, с тем благородным полемическим задором, который отличал всю его работу на съезде.

Мысль первая: неустанно укреплять связи партии с трудящейся массой. «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится».^[20] «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья,

совершенно ребячья идея». [\[21\]](#)

Мысль вторая: «Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабости». [\[22\]](#)

Мысль третья: «Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания». [\[23\]](#)

Съезд уделил большое внимание укреплению рядов партии, увеличению ее пролетарского ядра. При приеме в партию теперь устанавливались три категории: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян; крестьяне и кустари, не эксплуатирующие чужого труда; прочие. Для первой категории прием был облегчен, для третьей — затруднен.

Очень строго отнесся съезд к проявлениям фракционности. Он предупредил лидеров «рабочей оппозиции» об исключении из партии, если они не прекратят антипартийной деятельности. Этим решением партия еще раз подчеркнула, что она свято хранит свое единство, свою железную дисциплину и ни в коем случае не потерпит никаких фракционных группировок...

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ «УПРЯМЫМ»!

Все чаще стал получать Цекамол сигналы об оживлении полулегальных меньшевистских организаций в Москве. Появились их ячейки на железных дорогах и в типографиях. Нелегально действовали меньшевики в Одессе, Харькове, Таганроге, эсеры — в Киеве, еврейские молодежные комитеты — в украинских местечках, христианские — в Петрограде.

Смородин перечитал их издания: от них за версту несло шовинизмом, национализмом, сменовеховством. Из-под каждой подворотни пророчили Советской власти перерождение. Позднее это очень определенно выразил один из столпов меньшевизма, Абрамович. Он разглагольствовал в Берлине:

— Ужо, ужо! Был большевик с ружьем, появится большевик с портфелем. Переродится в бюрократа, тут ему и крышка!

— Вот как ослепляет меньшевиков соглашательство с буржуазией. Как же они мечтают о крушении Советской власти! — резюмировал Смородин.

Да, к нему, как и к другим его товарищам по партии, это пророчество не относилось.

Его отличали во всем партийная простота и ясность, кому-то казавшаяся грубостью. По сути же, это было умение судить о делах независимо, иногда даже резко, говорить только правду и делать с чистым сердцем только Добро. И во всем этом раскрывалась его удивительная внутренняя сила.

Путеводной звездой была ему жизнь выдающихся профессиональных революционеров, жизнь героическая, страшная и радостная.

Рядом был Владимир Ильич Ленин. Петр часто слышал его на съездах партии, на конгрессах Коминтерна, в Политбюро и на пленумах ЦК РКП (б).

Рядом был пламенный Феликс Дзержинский. С руководителями РКСМ сдружились такие большевики, как Михаил Калинин, Михаил Фрунзе, Сергей Киров, Клим Ворошилов. Никогда не оставляли Цекамол без поддержки Анатолий Луначарский и Надежда Крупская. Правда, это не помешало Смородину провести с ними «бой» по ведомству Главполитпросвета. Этот главк хотел взять в руки всю культурно-просветительную работу в стране, в том числе и среди комсомольцев. Цекамол вынужден был заявить, что он не признает контроля

Главполитпросвета, потому что у комсомола своя самостоятельная система культурно-просветительной деятельности.

В результате переговоров с Наркомпросом было опубликовано «Положение о взаимоотношениях РКСМ с Главполитпросветом республики и его органами на местах». В «Положении» указывалось, что «все политические просветительные учреждения РКСМ включаются в сеть Главполитпросвета для обслуживания их идейными силами и материальными средствами». Практически это означало, что Главполитпросвет в своей работе с молодежью опирается на РКСМ, дает лекторов и ставит все клубы союза молодежи на денежное и продовольственное довольствие на равных основаниях с партийными клубами.

Все это помогло оживить работу комсомольских клубов, домов просвещения молодежи. ЦК РКСМ рекомендовал всем комсомольцам изучить и понять смысл и направление новой экономической политики: «Этого требует вся окружающая жизнь, которую юношество должно понимать. Надо прочесть вслух работы В.И. Ленина, разобраться в докладах и постановлениях X съезда нашей партии и в новых экономических декретах и постановлениях».

Так развернулась широкая кампания по разъяснению нэпа. Она помогла расширить политический кругозор рабочей и крестьянской молодежи, сплотить ее вокруг ленинской партии.

Шел в ЦК крутой разговор о тех организациях, где было много неплательщиков членских взносов. Кто-то предложил лишить их представительства на конференциях и съездах. Смородин возражал. Реальное же большинство одобряло такую меру, хотя нашлись и противники ее. Но постепенно линия Петра взяла верх. И ЦК дал указание о безусловном выполнении уставных положений о сборе членских взносов.

Так было и с перегибом на Урале, где весьма своеобразно поняли борьбу с безработицей: там стали снимать с работы несоюзную молодежь, а на ее места определять членов союза. Смородин добился отмены такой практики, которая порочила комсомол.

Его многие считали упрямым. Он и был таким, потому что настойчиво оберегал монолитность, сплоченность организации.

Об эту пору (май 1922 года) в кулуарах Генуэзской мирной конференции Вацлав Боровский сказал журналистам яркую фразу:

— Для того чтобы быть государственным деятелем, необходимо находиться в состоянии роста.

Очень хорошо эти слова относились к Смородину. Он и дня не стоял

на месте: рос как государственный деятель, мыслил как большевик и превыше всего ставил интересы партии и комсомола. Так что всякое его «упрямство» было лишь проявлением дальновидности и принципиальности.

Так было в июне 1922 года, когда Бюро ЦК обсуждало «Положение о приеме членов РКСМ в партию». Создали комиссию для согласования вопроса с орготделом ЦК РКП (б). Надо было договориться о том, чтобы поддержать постановление II Всероссийской конференции о сокращении кандидатского стажа для членов комсомола. На конференции Смородин возражал против этого решения. Его не поддержали. Теперь он отказался быть в комиссии, но его отказ не приняли. Он доказал в ЦК партии, что конференция вынесла ошибочное решение. И кандидатский стаж для членов союза был установлен на общих основаниях.

Нечто похожее было и со скаут-мастерами. Они стали пользоваться некоторым доверием в Московской организации РКСМ. Восемнадцать старых скаут-мастеров опубликовали декларацию, где дали понять, что они готовы отдать свои силы и знания для работы среди юных пионеров. И запросили у Цекамола разрешения на слет, чтобы обговорить свои задачи.

На заседании Бюро ЦК Смородин настоял на таком постановлении: сбор нежелателен; МК РКСМ запретить созыв каких-либо совещаний работников по скаутизму без санкции Цекамола, пока не решен вопрос, кого из мастеров и в какой форме можно привлечь к работе с пионерами.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Дела КИМа были все время в поле зрения Смородина. Он обычно входил в русскую делегацию на конгрессах и в Исполкоме КИМа. Но большим знатоком международного юношеского движения себя не считал. Поэтому основная работа в КИМе исполнялась Лазарем Шацкиным, Альфредом Курелла и другими товарищами. Сам он добивался неустанно, чтобы Коммунистический интернационал молодежи получал могучую поддержку в России.

Деятельность Смородина в Цекамоле в значительной мере и была направлена на укрепление интернациональных связей. Образно он назвал Первомаем пролетарской молодежи Международный юношеский день (МЮД) и вошел с представлением во ВЦИК РСФСР — считать этот день (первое воскресенье сентября каждого года) государственным революционным праздником молодежи Советской России. Такое постановление было опубликовано 3 сентября 1922 года.

Да и много других дел было у Цекамола, который укреплял интернациональную работу комсомола и получал широкий отклик за рубежом.

Открылся Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В нем готовились кадры партийных и комсомольских работников шестидесяти семи национальностей Востока. Смородин не раз выступал в молодежной аудитории университета, рассказывая о многообразных боевых делах РКСМ.

Оживилась воспитательная работа среди эмигрантского населения в России. При ЦК РКСМ создали Польское бюро, а в некоторых городах Польбюро при губкомах комсомола.

Цекамол всячески поддерживал переписку советской молодежи и пионеров с молодыми рабочими и пролетарскими детьми капиталистических стран. Ребята стали обмениваться фотографиями, стенными газетами, планами работы ячеек и отрядов. Затем итальянские ячейки комсомола были прикреплены к заводским коллективам РКСМ и к школам фабричного ученичества. Этот почин оказался удачным: итальянские комсомольцы оказывали ФЗУ техническую помощь, а на родине рассказывали, как эти училища готовят новые кадры квалифицированных рабочих в Советской России.

Владимир Ильич указывал, что «Советская Россия считает

величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма».^[24] К Осенью 1923 года, в дни восстания, у немецких товарищей стало трудно с продовольствием. Цекамол немедленно пришел на помощь: в Германию были направлены вагоны с хлебом и переведено немецким комсомольцам двенадцать тысяч рублей золотом. А за два года перед этим, когда был голод в Поволжье, молодые рабочие капиталистических стран собрали средства для открытия в России ста детских домов для голодающих детей. Партия призвала оказывать поддержку Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Все комсомольцы были членами МОПРа, и их трудовая копейка помогла многим товарищам пережить лишения в тюрьме, поддержала тех, у кого не стало кормильца, и дала возможность некоторым узникам капитала найти пристанище в СССР...

«ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ»

Да, тяжела была для Петра нагрузка в Цекамоле, — он жил там: руководил Бюро и пленумами, писал директивы, потоком принимал ходяков со всей страны, нередко спал в кабинете на диване. О нем говорили шутя: «Петя всегда в ЦК — днем и ночью!»

Иногда выдавалась полоса разъездов. Был он на Тульском и Нижегородском губернских съездах, на съезде в Тифлисе, на пленуме ЦК комсомола Украины, где очень близко сошелся с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Сергей Николаевич Белоусов, член ЦК РКСМ в те дни, помнит, как они ездили со Смородиным в Тулу. Ночевали у Белоусова, в доме № 6 по Растеряевой улице, блестяще описанной Глебом Успенским: «Я ему показывал изделия тульских умельцев. И он еще больше расположился ко мне, когда узнал, что в нашей потомственной семье оружейников я был старшим среди двенадцати детей.

— И ты их пестовал, Серега?

— Всех вывел в люди и сам вступил в комсомол в 1918 году.

Мне было очень приятно, что Смородин прожил у нас Два дня. О нем я заботился, как о лучшем друге, не скрывая, что по-юношески влюблен в него!..»

Шли и такие очередные кампании, как передача моряков-комсомольцев в партию и мобилизация членов союза в РККА.

Цекамол все больше занимался флотом. И высказал такую мысль: принять в партию тех моряков-комсомольцев, которые вышли из рабочей среды и вступили в союз до ноября 1920 года. Остальных — по индивидуальному отбору, кандидатским стажем. Партия одобрила этот шаг.

В армию мобилизовали тысячу членов РКСМ рождения 1902 года. Подобрали лучших людей. Из них вскоре вышли толковые командиры и политработники.

Летом 1922 года началась подготовка к V Всероссийскому съезду комсомола. Петр готовил отчетный доклад в ЦК, работал в комиссии по детскому движению, искал формы новых отношений комсомола с Военно-Морским Флотом. Да и по другим вопросам повестки съезда он должен был держать слово.

Одновременно в августе 1922 года он съездил в Петроград: там

отмечали пятилетний юбилей комсомола, потому что днем рождения его считали I общегородскую конференцию ССРМ в 1917 году.

И можно было понять Петра, когда он говаривал в кругу друзей: «Спросили бы меня года два назад, где я буду сегодня? Вот уж не думал, что буду в Москве, где так мало часов в сутках: иной раз просто нет времени, чтобы вправить вам мозги!..»

Через несколько лет, когда стали появляться первые книжки комсомольских мемуаристов, не раз шла дискуссия о книге Всеволода Сорокина «Первые батальоны». Автора поругивали за то, что Петр Смородин получился у него плакатным большевиком, в котором воплощены лишь одни добродетели, заложенные самой природой. Особенно настораживала фраза Сорокина: «Крепким, стопроцентным комсомольцем надо родиться, таким и родился Смородин».

Конечно, это была крайность, досужая выдумка автора. Петра, как и его товарищей, воспитала партия. Но в нем и в них были какие-то, только им присущие качества: они били в одну точку, умели подчинить все личное интересам своего класса, превыше всего ставили честь рабочего человека и его идейную целеустремленность. И, не задумываясь, готовы были отдать жизнь за дело пролетарской революции. Аркадий Гайдар писал: «Это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время!» Мысль интересная, она многое объясняет в судьбе поколения, выросшего при гражданской войне. Но писатель Гайдар был одним из первых среди сверстников. Одним из первых был и Смородин как наиболее яркий вожак комсомолии. Так что Сорокина можно извинить за его горячую юношескую влюбленность в Петра, который в самые трудные годы революции был его наставником...

Петр был стойким коммунистом. Но ничто человеческое не было ему чуждо. Больше того, он мог в кругу друзей и подурочиться. Однако в границах, в крепких шорах.

Жил он сначала в Лоскутной гостинице, на углу Охотного ряда и Обжорного переулка. Жил, как и все его товарищи, по-походному: комната, постель, умывальник. И никакого обременяющего барахла: фанерный баул со сменой белья, запасная рубашка и кусок мыла. Работал на Воздвиженке, в здании теперешнего Военторга, на третьем этаже, где было отвоевано для Цекамола восемь хороших комнат. Питались обычно в кафе «Люкс», в нижнем этаже гостиницы Коминтерна, наискосок от Моссовета.

В полдень Смородин глядел украдкой на фронтальные дарственные часы, складывал бумаги.

— Пойдем, братцы, подрубаем на скорую руку!

Шумной компанией быстро добирались до кафе. Обеды по тем временам были приличные. Полагалась даже бутылка вина на человека в месяц.

Адрес общежития вскоре переменялся. Сергей Белоусов перебрался в «Метрополь», а Смородин с группой товарищей — в «Париж», в Охотный ряд, где теперь высится огромный красивый дом Госплана СССР.

По субботам вырывались иногда в Горки. Там обычно отдыхал Ленин, там был и дом отдыха МК РКП (б). В этом доме и ночевали до понедельничного утра...

Как вспоминают и Зинаида Немцова и Сергей Белоусов, в одно из воскресений цекамольцы шумно разгулялись в парке: чехарда, мяч, песни. Потом с громкой песней отправились по аллее парка. Вдруг на дорожку вышел Владимир Ильич. Ребята мигом схоронились в кустах, остался один Петр. Ленин спросил с удивлением, куда подевались остальные.

— Застеснялись! Вы отдыхаете, а мы тут подняли такой шум, что даже птицы умолкли.

Ленин улыбнулся:

— Какая же молодежь без шумного выражения чувств? Да вы мне и не мешаете, я люблю песни. Так и передайте товарищам. А захочу уединиться, так в парке есть глухие, тихие аллеи...

Смородин неустанно делал все, чтоб молодежь горела на работе, отдавала силы борьбе за светлое будущее. Не терпел он рутины, застоя, был подлинным новатором в молодежном движении, всегда старался увидеть и подчеркнуть романтическое начало в любом будничном деле. Оценивал все трезво и не относился к разряду пустых мечтателей. Он осаживал слишком торопливых.

«Всему свое время, — говаривал он. — Не шумите и не давайте бродить через край молодой крови, каждый день делайте простое, ясное, нужное для партии дело. Партия крепко держит штурвал, она совесть, ум и честь народа. Ставит она великие, но посильные цели на каждом отрезке исторического пути. А ее старая гвардия — гранит нашей стройки, прекрасный образец революционной стойкости. Равняться по этой гвардии — наша коренная задача во всех делах».

Сам он был достойным образцом в этом смысле: всегда брал пример у старой большевистской гвардии; в отношениях с нею отличал его большой внутренний такт. Старые большевики, особенно близкие Смородину, — Калинин, Крупская, Серго, Ярославский, Киров, Фрунзе — любили его, звали Петром и обращались к нему на «ты». Будучи человеком озорным, он

позволял себе с некоторыми «стариками» безобидно пошучивать, особенно со спокойным, мудрым Калининым.

Михаил Иванович — «всероссийский староста» — в погожие вечера выходил из Кремля на прогулку, нередко брал с собой Петра. «Двое в косоворотках», — говорили по их адресу друзья. У Михаила Ивановича была старая деревенская привычка: он задерживался на минутку у Троицких ворот, где сидели старухи с семечками. Они насыпали ему в карман два стакана — по пятаку. И он уходил гулять в Александровский сад.

Однажды бабка потребовала с Калинина лишний гривенник. Он посетовал:

— Ну разорение! Почему ж так дорого?

— Не сезон, Михаил Иванович! Да и с кого же взять, как не с вас — глава государства!

Петр хохотал от души в тот вечер:

— Вот это президент, — нагрела бабка на гривенник! И Калинин любил поддеть Петра. Однажды он заметил, что Смородин не подал пальто девушке.

— Почему ты не подаешь пальто? — глянул он сурово поверх очков. — Питерские рабочие всегда были обходительны с женским полом, вежливы. Они люди воспитанные, ты же, Петр, из их числа!

Петр готов был провалиться сквозь землю. Пробурчал:

— Ладно уж, Михаил Иванович! — и подал пальто.

Наука пошла впрок. С тех пор стал он подавать пальто девушкам и женщинам. Но словно бы стеснялся этой услуги и говорил с грубоватой лукавинкой: «Ну давай, курносая, помогу!» Или: «Помогу уж, а то ты коротышка, сама с вешалки не достанешь!..»

К ВОПРОСУ О ДРУЗЬЯХ

Мало-помалу определился на работе тесный круг московских товарищей.

Появились и новые друзья. Они платили Петру любовью за любовь. Это прежде всего Николай Чаплин. К сожалению, его со Смородиным разделяли большие расстояния. Николай работал в Тифлисе и не часто наезжал в Москву на пленумы ЦК, а заодно и всласть наговориться с Петром, которого ценил безмерно.

И Петру был очень близок Чаплин. Судьбы их сложились по-разному, но характеры были очень схожи. Обоих отличала неукротимость революционного духа и влюбленность в комсомольскую работу. Да и духовным богатством Чаплин подкупал Смородину. Он умел быстро и гибко схватывать суть разговора или спора и всегда блестяще аргументировал свою точку зрения. И отличали его такая близкая Смородину партийная честность и подлинная скромность в быту. И после каждой беседы с Николаем, иногда сумбурной, но всегда душевной и умной, Петр ловил себя на мысли: вот растет отличный вожак комсомола!..

Были и другие друзья: они находились рядом, и Петр мог видеть их всякий день. Это Зина Немцова и Сережа Белоусов. Были они очень разные: Зина — девушка культурная, из семьи старых большевиков; экспансивная, с тонким вкусом, музыкальная. Серега — тульский мастерской, с Оружейного завода. Он потомственный пролетарий, старший в нищей семье. Учился, как и Петр, немного, мальчиком пошел работать в мастерскую; Петр познакомился с Сергеем на III съезде РКСМ — тот был гостем на съезде. А еще ближе сошелся с ними в дни «волынки». Серега приехал на подавление Кронштадтского мятежа, заболел воспалением легких. Смородин выходил друга. Потом они долго были вместе в Бюро Цекамола: Белоусов ведал военно-спортивным отделом. И очень импонировал Петру мягкой добротой и крепкой рабочей хваткой.

И Зина и Серега относились к Петру с глубокой личной симпатией.

Устные воспоминания Зинаиды и Сергея дополняют картину жизни Петра в те дни. Вместе с друзьями он добивался того, что надо назвать внутренним усовершенствованием.

Отец Зинаиды Николаевны, старый большевик-подпольщик, хорошо был наслышан, что многие в комсомоле начисто отрицают балет, равнодушно обходят концертные залы, где звучит классическая музыка, и

старался внушить:

— Прежде чем отрицать или критиковать что-то, это надо знать досконально. Вот вам билеты в консерваторию на Скрябина. Там исполняют его «Поэму Экстаза».

Скрябин тоже был в немилости. Но слушали с восторгом. А когда вышли на улицу, Петр сказал с интересом:

— А ведь здорово забирает!..

Так было и с балетом. Пока не ходили, отрицали начисто. Но зачастили в Большой театр и помалу примирились с этим «буржуазным искусством»...

Зинаида Николаевна как-то сказала:

— Вот перечитала недавно Мариенгофа «Роман без вранья» и заново пережила те вечера, когда мы с Петром ходили на имажинистов и футуристов в «Стойло Пегаса», слушали Сергея Есенина и других поэтов. Петр частенько повторял мысль моего отца: «Действительно, чтобы бороться с кем-то, надо того знать!» И уж старался узнать полнее — он не терпел верхоглядства, требовал от товарищей такой самостоятельной оценки человека, факта, явления, которые были бы результатом подлинного знания и глубоких раздумий... И при этом во всем он оставался питерским рабочим парнем. Простой, внешне грубоватый, костюм всегда одинаков: черная или синяя косоворотка с пиджаком или русская рубаха с широким кожаным поясом. В душе человек мягкий, лиричный, чистый...

Сергей Николаевич Белоусов рассказывал, что Петр много читал, действительно «сам себя делал» без университетов и курсов. Среди русских писателей особенно выделял Льва Толстого, чуть меньше Ивана Тургенева. Среди иностранных писателей — Теодора Драйзера и Бернхарда Келлермана.

— Его очень восхищали «гении», «титаны», инженеры, творческие люди, переделывающие мир.

Помнит Сергей Николаевич, как они были на оперном спектакле в Большом театре, когда Шаляпин перед отъездом за рубеж пел партию Бориса Годунова.

Сам Смородин не играл ни на каком музыкальном инструменте, но слух у него был хороший. И после прощального шаляпинского представления весьма недурно повторял два монолога: старца Пимена и царя Бориса.

В кинематограф ходили редко: уж очень несовершенно показывали картины. Да и не сходили с экранов душераздирающие мелодрамы, а их Петр не высиживал. Зато в театрах бывали частенько. Смородин не

пропускал ни одного спектакля в театре Всеволода Мейерхольда, с которым встречался дружески. Видели «Лес» Островского, «Мистерию Буфф» Маяковского. Ломка старых театральных канонов, смелые поиски нового захватывали дух. Но вызывали и настороженность, особенно при постановке «Мистерии», где по ходу дела вывешивался в полсцены земной шар с красным флагом, а чуть ли не на головы зрителей спускался по веревке актер.

Петр тонко чувствовал поэзию, долго не расставался с поэмой Блока «Двенадцать» и с удовольствием цитировал строки, посвященные любимому им Питеру. Иногда он вставлял кое-что из Блока в свои речи. У Есенина признавал только лирические стихи, но с неприязнью относился к циклу «Москва кабацкая».

Бывал Сергей Николаевич со Смородиным и в «Стойле Пегаса» — на углу Тверской и Гнездииковского переулка.

— Он хотел мне показать, почему туда стремится поэтическая и театральная молодежь. Однажды Петру захотелось послушать Маяковского, и мы пошли на его вечер в Центральном клубе профсоюзов на Цветном бульваре. Честно говоря, были ошеломлены антуражем: поэт вышел к публике в каком-то странном наряде. Читал Владимир Владимирович здорово: под «ура!» и неугомонный свист. Петр поеживался и приговаривал: «Штукарство ни к чему. А вообще-то, в нем что-то есть, ей-богу!..»

И еще вспомнил Белоусов о лыжных прогулках поздней осени и зимы 1923 года. Трамваем добирались до Воробьевых гор, дальше — пешком или на попутной подводе — до лыжной базы, где был весь необходимый инвентарь.

Особенно запомнился день 20 января 1924 года. Тревожно было в стране: газеты крупно печатали бюллетени о состоянии здоровья Владимира Ильича. Сначала даже не хотели идти — смутно было на сердце. Потом все же пошли — никто не верил в плохой исход.

В тот день встречали на базе четырех красных командиров — Балхаша, Скалкина, Хитрова и Гребенщикова. Они совершали рекордный лыжный переход из Архангельска: тысячу триста километров за двадцать шесть суток.

Цекамольцев было двое: Петр Смородин и Сергей Белоусов. Да еще Николай Чаплин, который на несколько дней приехал из Тифлиса и хотел провести этот день вместе со своим другом Смородиным. Очень сердечно встретили лыжников. Петр сказал краткую речь. Нагулялись на лыжах вволю — домой вернулись по-темному. Увлечение лыжным спортом

продолжалось и позднее, когда Смородин и Белоусов ушли учиться на курсы.

II КОНФЕРЕНЦИЯ РКСМ

Через полтора месяца после XI съезда партии состоялась 16–19 мая 1922 года II Всероссийская конференция РКСМ. На ней обсуждался доклад Цекамола, вопросы о международном положении, о Коминтерне молодежи, об итогах выполнения решений IV Всероссийского съезда РКСМ и о дальнейших задачах союза.

Конференция подтвердила правильность решений IV съезда и рекомендовала вести дальнейшую работу по организации труда, быта и образования рабочей молодежи в условиях новой экономической политики. Кроме того, она определила меры по улучшению качественного состава союза, совершенствованию форм и методов союзной работы. И поручила Цекамолу разработать к V съезду РКСМ вопрос о детском движении. 19 мая она постановила распространить по всей стране опыт Москвы, где были созданы первые пионерские отряды. Так этот день стал днем рождения советской пионерии. Делегаты конференции выполнили наказ Ленина. Он говорил, что организация детей, находящаяся под руководством коммунистов, — лучший путь для воспитания коммунаров.

Но центр тяжести был перенесен конференцией на основы культурно-просветительной деятельности. Было отмечено, что эта деятельность ослаблена. И не только по объективным причинам (тяжелое экономическое положение рабочей молодежи), но и по вине союза: неумение ставить воспитание молодежи, соотносясь с ее запросами, стремлениями и психологией. А отсюда и нарушения элементарнейшего принципа коммунистического воспитания, который заключается в сочетании теоретического просвещения с практической работой членов союза. Часто мешает успехам культурно-просветительной работы отвлеченный ее характер, измельчание...

Конечно, очень затрудняло оживление воспитательной и культурной деятельности отсутствие издательской базы у Цекамола. Вокруг Всероссийского штаба комсомола не объединялись в те годы свои писатели — прозаики, драматурги, поэты.

Конференция отметила, что комсомол мало считается с естественным стремлением молодежи к развлечениям, играм, спорту, а по этой причине с малым успехом вырывает молодежь из-под влияния мелкобуржуазной идеологии (кино, балы, маскарады, бульварная литература). Надо воздействовать не только на разум молодежи, но и на ее чувства...

Когда Смородин зачитывал этот пункт резолюции, послышался голос с места:

— А как быть с танцами? В резолюции этого нет, а молодежь валит на них как на праздник.

Смородин постоял в раздумье, махнул рукой. И это было воспринято не как осуждение, а как молчаливое разрешение проводить вечера с танцами. Но не увлекаться ими, так как есть дела поважнее...

Конференция уделила большое внимание образованию молодежи, накоплению знаний, необходимых каждому строителю социализма. Разумеется, союз не школа в обычном смысле этого слова. Он не может дать законченное образование. У него иные задачи: пробудить у молодежи культурные запросы, вызвать интерес к знанию, помочь каждому уяснить необходимость учиться, научить каждого работать над своим самообразованием самостоятельно. При этом вся работа по обучению и воспитанию должна носить классовый характер, быть связанной с конкретными мерами борьбы за экономические интересы рабочей молодежи. Активисты союза должны смелее привлекать к пропагандистской работе партийцев-марксистов и передовых педагогов. В деревне — шире привлекать местных учителей, агрономов для ликвидации азбучной неграмотности, политического просвещения и знакомства с агротехникой. Уездные и губернские комитеты партии и органы политико-просветительной работы обязаны усилить контроль над характером работы деревенских ячеек, чтобы те не попали под влияние местной интеллигенции.

Конференция указала, что XI съезд партии рекомендовал союзу готовить молодежь к вступлению в Красную Армию. Следовательно, надо больше уделять внимания допризывной подготовке: знакомить будущих бойцов с историей классовой борьбы, с ролью и задачами Красной Армии в пролетарской революции и в годы строительства социализма. Спорт должен получить очень большое развитие внутри союза.

V СЪЕЗД КОМСОМОЛА

Большой вехой вошел в историю комсомола V Всероссийский съезд, который работал в октябре 1922 года.

Быстро подвигалось восстановление народного хозяйства, значительно окреп союз рабочих и крестьян. С помощью партии удалось ликвидировать препятствия, которые тормозили при нэпе рост численности и размах работы РКСМ.

Это был первый съезд комсомола, которым руководил Петр Смородин со своими товарищами. Он делал отчетный доклад ЦК, пригласил для выступления старых соратников Ленина — Крупскую, Луначарского, Калинина. Он принимал живейшее участие в подготовке всех решений съезда.

Стал он крупной фигурой в молодежном движении Советской России. На съезде воздали ему должное. Коснувшись вопроса об укреплении товарищеской спайки в организациях комсомола, один из делегатов высказал мысль о том, как важно, помимо общей революционности и общих классовых традиций, укреплять в союзе свои комсомольские традиции. Каждый член союза должен быть связан со своей организацией неразрывной цепью традиций и воспоминаний. Надо, к примеру, воскресить в памяти нынешнего молодого поколения имена тех молодых рабочих, которые не щадили жизни в дни декабрьских боев на Пресне в 1905 году. Многие из них живы, они герои, но знаем мы о них мало. И такое положение не только на Пресне. В каждой нашей организации были герои пролетарской революции и гражданской войны. Их имена надо поднимать, чтобы молодежь училась на их примере. Это лучший подход для соревнования, для равнения всей массы комсомольцев на своих заслуженных товарищей. Так мы будем накапливать союзные традиции, укреплять и сплачивать организацию в целом.

Почему нам не распропагандировать во всероссийском масштабе хотя бы Смородина как вождя рабочей молодежи? «И уверяю вас, что, кроме пользы, от этого ничего бы не было, потому что конкретность есть лучшая форма, и мы бы конкретно говорили о наших вождях, а не о каком-то ЦК».

Смородин при первом же удачном случае навалился на оратора: «Какого черта ты делаешь из меня икону?» Но «социальный заказ» был услышан поэтом Безыменским, который через год опубликовал большую поэму «Петр Смородин».

*Не прославим, покажем того,
Кто заводской чеканкой высечен.
Я хочу показать одного,
Чтоб о нем говорили тысячи.
Говорят мне: воспев одного,
Ты его над другими возвысишь...
Нет! Я песню пою про него,
Потому что он сколок с тысяч!
В этой песне о нынешнем дне
(В звуке имени: Петр Смородин)
Только гимн комсомольской весне
И стальной большевистской породе.*

Безыменскому тоже «попало» от Петра. Но это уже было в 1923 году.

V Всероссийский съезд РКСМ был большой вехой не только в истории комсомола, но и в жизни Смородина. Петр раскрылся перед делегатами как стойкий ленинец, с большим организаторским талантом и боевым характером полемиста.

Открывая первое заседание, он высказал две основные мысли. Первое: съезд должен обсуждать не только формы, но и методы комсомольской работы, ее содержание, в отличие от прежних съездов, на которых главным образом решались организационные вопросы. Второе: первейшей обязанностью каждого комсомольца является ученье. Через овладение знаниями, общественно полезный труд и общественную работу — к победе социализма! Жажда знаний, которая развита сейчас среди рабочей молодежи, условия новой экономической политики требуют от каждого члена союза не только революционного подъема и пролетарского чутья, но и того, чтобы каждый комсомолец получил бы сумму знаний и с этими знаниями сумел бы, «как хороший хирург, оперировать в условиях новой экономической политики, отсекая весь вред явлений, противоречащий интересам рабочего класса».

Шума на съезде было много, споров — без края. В запале многие нарушали регламент, с ними в президиуме не церемонились: «Время твое истекло, уступи место другому!» Но споры были полезные. Лишь кое-кто занимался просто критиканством, облыжно обвиняя Цекамол во всех смертных грехах. Так им Смородин резко ответил в заключительном слове:

— Можно заниматься трепотней, но нельзя этим злоупотреблять!

Смородин изложил отчет ЦК съезду. Он говорил кратко, так как всем

делегатам был роздан на руки печатный экземпляр отчета.

ЦК и весь союз, как и IV Всероссийский съезд, неуклонно проводил и линию сохранения октябрьских завоеваний рабочей молодежи и борьбы против применения труда молодежи в качестве наиболее дешевого. Прimitивному хозрасчету отдельного администратора противопоставлялся хозрасчет пролетарского государства и всей государственной промышленности, и политические задачи пролетариата, которые требуют подготовки здорового и обученного поколения рабочего класса. Какие бы уступки ни приходилось делать Советской власти в настоящее время, она своего будущего никому уступить не может и не собирается. XI съезд РКП в резолюции по вопросу о молодежи всецело подтвердил эту точку зрения как в общем, так и в важнейших деталях: брони, тарифа и рабочего дня, — таков был лейтмотив доклада Смородина.

Затем он говорил о профессиональных союзах, которые обязаны повседневно защищать интересы рабочей молодежи на фабриках и заводах; о школах рабочей молодежи, которые мало еще обеспечены материально и зачастую работают плохо; о майской конференции РКСМ и «новом курсе» в воспитательной работе, учитывающем разнообразные возрастные особенности членов союза; о типе активного работника в комсомоле: «ЦК неоднократно разъяснял задачу активного работника в новых условиях, настаивал на необходимости широкого развития его самообразования, боролся против мещанских уклонов и расхлябанности».

Подробно говорил Смородин в своем докладе о политико-просветительной работе в городе и деревне. Ее направленность: ознакомить членов союза и рабоче-крестьянскую молодежь с новой экономической политикой. С сожалением констатировал, что при подведении широких агиткампаний Цекамол связан по рукам: голод на пьесы, очень мало стихотворений.

Для деревни была использована минимальная программа по общеобразовательным предметам, разработанная Н.К. Крупской и К.А. Тимирязевым. К ней Цекамол дал тезисы о самообразовании. И рекомендовал шире привлекать краеведческий материал, особенно в антирелигиозной пропаганде. А кроме того, создавать «Музеи народного края»: они могут собрать обширный этнографический материал, да и подсказать ученым, где искать богатства в недрах нашей земли.

В заключительной части доклада Смородин говорил о печати, о детском движении, о борьбе с голодом, о работе комсомола во Всеобуче.

Со своей печатью в Цекамол было плохо, да и периферия не радовала. Бледным и сухим назвал Петр журнал «Юный коммунист» и не сказал

добрых слов в адрес газеты «Красная молодежь», которая «уже сама себя пережила»: она нащупала тип будущей юношеской газеты, но стала бессодержательной.

В потоке «серой бумаги» на местах Смородин выделил лишь пять молодежных изданий: «Юный коммунист» (Харьков), «Смена» (Петроград), «Юношеская Правда» (Москва), «Юные товарищи» (Смоленск) и «Юный творец» (Витебск). Там, где свою газету издавать не удалось, Цекамол рекомендовал печатать комсомольскую страничку в партийных газетах.

ЦК РКСМ задумал издавать три журнала: толстый ежемесячник для актива, более тонкий двухнедельник для подростков, который «по разнообразию материала и динамичности» должен был приближаться к «Миру приключений», и двухнедельный журнал для юных пионеров. Вышло уже пять номеров журнала «Молодая гвардия», семь номеров детского журнала «Юные товарищи». Журнал «Природа и люди» пока не создан. Но удалось наладить выпуск беллетристической библиотеки газеты «Красная молодежь».

Комсомол выполнил огромную работу, оказывая помощь голодающим. Смородин напомнил, что губкомы выполнили разверстку ЦК РКСМ: собрали по 100 миллионов рублей (в знаках 1921 года) в своих организациях. Всех успешнее вела эту работу Ново-Николаевская организация: она собрала для голодающих 150 миллионов рублей. Проводился сбор хлеба натурой: Украина дала 1700 пудов, Тверь — 1705, Рязань — 1000, Тула — 450 пудов.

В отчете отмечались случаи массовой смертности комсомольцев от голода. Поэтому была произведена частичная переброска членов союза из голодающих губерний в другие. Из Башкирии 155 комсомольцев поступили на полное содержание Нижегородской организации РКСМ, в Сибирь из Уфы направили 120 человек, из Самары в Калугу — 50.

ЦК РКСМ разработал план, по которому комсомольские организации должны были взять на содержание 5 тысяч детей.

Наконец, о Всевобуче. Смородин рассказал, что после ликвидации частных спортивных обществ комсомол решил содействовать созданию Всероссийского союза красных спортивных организаций, которые будут строить свою работу на строго научной базе пролетарской системы физического воспитания...

Кроме отчетного доклада ЦК, делегаты (а их было 392 от 460 тысяч членов союза) обсудили вопросы: о международном и внутреннем положении республики; основные задачи коммунистического воспитания

молодежи в условиях нэпа, образование рабочей молодежи; о детской коммунистической организации; о молодежной печати; о работе в деревне.

Ко дню открытия съезда заметно улучшилось положение в комсомоле. Возросла его активность в городах, оживилась работа в деревне. Но патриархальное село было еще безбрежным морем мелкобуржуазной стихии. И там решили сделать несколько важных шагов: открыть школы крестьянской молодежи, поднять роль ячеек в коммунистическом воспитании молодежи, активнее вовлекать ее в советское строительство и в кооперацию. Именно к этому и призывала партия, подчеркивая возрастающее значение РКСМ в системе диктатуры пролетариата.

После съезда в каждом уезде открыли школу крестьянской молодежи. Люди старшего поколения, которым давно перевалило за шестьдесят, с благодарностью вспоминают о комсомоле тех лет: он распахнул перед ними двери в новый мир. Он помогал постигать грамоту, учил читать и понимать газету, осваивать начатки коллективного ведения хозяйства. Ведь у каждой школы был свой земельный участок — огород и поле, где применялись достижения агрономической науки.

Были делянки с пшеницей, рожью, овсом, просом. С каким-то удивлением обсуждались достижения одной подмосковной школы: сто сорок четыре пуда ржаного зерна с десятины! Рекорд невиданный! С ним выходила школа экспонентом на первую в стране сельскохозяйственную выставку 1923 года в теперешнем ЦПКиО имени Горького.

Да и во всех школах зерно тщательно сортировали перед посевом, вносили удобрения. Урожаи давали выше, чем в округе, и подробно рассказывали крестьянам о своих опытах. Трудные были годы, но веселые: ребята кончали школу, получали много полезных знаний. И уж они-то здорово раскачивали патриархальную деревню, агитируя за культурное ведение хозяйства, за коллективный труд на земле и за мировую революцию!

Их опорой были деревенские коммунисты и большая прослойка демобилизованных красноармейцев и моряков. Тот, кто прошел боевое крещение за Советскую власть против белой гвардии, приходил в деревню с новой меркой: жить надо по-новому, строить хозяйство сообща: «В единении — сила!»

Сельский комсомольский активист не был теперь на бивачном положении, с винтовкой в руках или с наганом за поясом, как годом или двумя раньше. Но ему было не легче, потому что во всех сферах жизни предстояло ему быть ярким примером: мужичок мало верил словам, ему все приходилось доказывать делом — и в быту, и на работе. Да и Цекамол

подстегивал изо дня в день: создавайте батрацкие комитеты, добивайтесь для каждого батрака трудового договора с хозяином, как в городе у рабочего-подростка с кустарем, фабрикантом, нэпманом. Батрак — родной брат городского пролетария! Протяните ему руку помощи, дайте ему сплотиться с такими же тружениками в масштабах волости, уезда, губернии!

Взяли батраков на учет, стали вовлекать их в профсоюз работников земли и леса. Появились трудовые договоры батрацкой молодежи с кулаками. Комсомольцы особенно напирали на такие пункты: хозяин обязуется не препятствовать батраку или батрачке в свободное время посещать школы грамоты, политические кружки, курсы и вести общественную работу по поручению ячейки. Так была определена дорога к просвещению и самодеятельности в гуще самой забитой и отсталой части деревенского юношества. Батраки потянулись в комсомол, в потребительскую кооперацию, в первые артели и коммуны.

К сожалению, и артелей и коммун было мало. В них шли молодые крестьяне, кто отделился от родителей, и самые маломощные, чаще безлошадные. Не хватало простой тягловой силы для большого артельного труда, не говоря уже о машинах. Владимир Ильич страстно мечтал дать деревне сто тысяч тракторов. Но промышленность молодой республики их не делала. И в 1922 году сенсационно прозвучала весть о том, что в необъятную страну завезли из-за границы шестьдесят первых тракторов! По примеру коммунистов деревенские комсомольцы доказывали преимущества артельного труда. Они создавали коллективные огороды, вели общественную запашку земли, сообща ремонтировали дороги, мосты, школы.

Партия выдвинула лозунг: «Лицом к деревне!» Цекамол дал указание городским комсомольцам идти на помощь деревенским товарищам. Сотни активистов из молодых рабочих были направлены в село секретарями волостных и уездных комитетов РКСМ, тысячи городских ребят двинулись в деревню работать в сельских Советах, в школах, в избах-читальнях, в библиотеках. Шефскую работу вскоре стало направлять созданное партией общество «Смычка города с деревней».

Еще до отъезда на работу в Цекамол Смородин с присущим ему жаром души поддержал почин петроградских комсомольцев: они создали первые школы фабрично-заводского ученичества. Появились эти первенцы на крупнейших предприятиях красного Питера: Невском машиностроительном, Балтийском и Адмиралтейском заводах. Было их

всего одиннадцать, и объединяли они в своих стенах пятьсот подростков. Но шаг был верный, решающий: теперь отчетливо раскрывалась перспектива подготовки новой культурной смены рабочему классу.

Фабзавуч — детище комсомола, любимое детище Петра Смородина. Он ярко говорил об этом на V съезде, вспоминая о своих годах ученичества на фабрике Шаплыгина, когда лишь в мечтах удавалось сочетать подневольный труд с образованием.

Как и всякий смелый почин того времени, фабзавуч встретил препоны. Мастера старого закала, а их поддерживали и некоторые хозяйственники, считали ФЗУ выдумкой молодого неопытного ума: «Мыслимое ли дело, чтоб подросток совмещал труд и образование? И где на это взять деньги?»

Но комсомол настоял на своем: подросток должен соединять школьное обучение с приобретением специальности в заводской обстановке. В рабочем коллективе он свыкнется с трудовой дисциплиной, в школе получит знания, в молодежном коллективе научится общественной работе. Только так и можно дать стране квалифицированного рабочего-общественника, рабочего-коммуниста!

Партия поддержала почин комсомола. И съезд много внимания уделил школам ФЗУ. Их было в стране четыреста сорок, в них обучалось сорок четыре тысячи подростков. И готовились они по широкому профилю: слесари и токари, кузнецы и ткачи, обувщики и печники, железнодорожники и строительные десятники. Съезд с удовлетворением отметил рост школ ФЗУ на передовых предприятиях и дал лозунг: «Комсомолец — лучший рабочий в цехе, лучший ученик в школе фабзавуча!»

Кроме отчетного доклада Цекамола на V съезде, Петра особенно занимали шефство над Военно-Морским Флотом, юные пионеры и издательская база ЦК РКСМ.

Цекамольцы к V съезду готовили вопрос о шефстве комсомола над Военно-Морским Флотом.

16 октября состоялся торжественный акт: принятие шефства и обращения «К морякам Красного флота, ко всей трудящейся молодежи РСФСР». К этому времени был обнародован приказ Реввоенсовета республики о присвоении звания «Почетный моряк республики» всем членам Бюро ЦК РКСМ и членам президиума съезда.

Примерно за месяц до съезда, который начался 11 октября, возникла мысль о приглашении Владимира Ильича: здоровье его улучшилось, и уже пошли разговоры о возвращении его в Москву.

Накануне съезда Смородин подписал для Ленина делегатский билет № 25 с совещательным голосом. Ленин нисколько не удивился, что ему дали такой билет. А Смородин позднее сокрушался:

— Нельзя быть таким скупым. Даже Ильичу вручили билет с совещательным голосом! И почему не додумались избрать Ильича делегатом на съезд с решающим голосом!

Ленин вернулся к работе 2 октября. Но столь был велик наплыв дел после долгого перерыва, что он не смог прибыть на съезд, но направил делегатам письмо:

«Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу лично приветствовать вас. Желая работам вашего V съезда всякого успеха. Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи». ^[25]

Съезд единодушно направил «Привет Ильичу», над которым Смородин с товарищами просидели до полуночи:

«Дорогой Владимир Ильич!

С чувством величайшего радостного волнения V Всероссийский съезд РКСМ выслушал Ваше дружеское приветствие. От имени нашего союза съезд горячо поздравляет Вас с выздоровлением. В течение последних месяцев, омраченных Вашей болезнью, работа нашей организации шла под знаком подъема. Мы не преувеличиваем наших успехов, мы сознаем все трудности, стоящие на пути рабочего класса и его молодежи. И все-таки мы уверены, что сумеем эти трудности преодолеть и в нужный момент оказаться на своем посту. Пролетарская революция разбудила такую толпу трудящегося юношества, вызвала к политической жизни такие массы рабочей и крестьянской молодежи, что в наших рядах накопилась огромная революционная сила и энергия. Наша задача в том, чтобы обратить эту энергию на правильный путь, чтобы вооружить ее четким классовым сознанием.

Съезд просит Вас, Владимир Ильич, и твердо надеется на то, что Вы эту просьбу выполните: следить за работой нашего отряда коммунистической армии и помогать ему советами в его трудном деле — коммунистическом воспитании широчайших масс молодежи.

Привет славному вождю международного пролетариата. Комсомольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву

«штурмовать небо»!»

Окончательно решился вопрос и о детской коммунистической организации юных пионеров. Делегаты оформили ее создание, утвердили ее организационную структуру, принципы деятельности, основные элементы программы, Законы и Торжественное обещание.

Дети принимались в пионеры с десяти до четырнадцати лет, первичной их ячейкой было звено, куда входили десять ребят. Они выбирали себе вожатого с помощником. В работе руководствовались Законами и Торжественным обещанием.

Правда, эти документы изменились со временем, но всегда исходили из тех первых, в которых чувствовался почерк Петра Смородина:

«Законы юных пионеров:

1. Пионер верен рабочему классу и коммунизму; 2. Пионер — друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу; 3. Пионер честен и правдив. Его слово — как гранит; 4. Пионер дисциплинирован; 5. Пионер ежедневно помогает трудовым собратьям в строительстве коммунистического общества; 6. Пионер трудолюбив и уважает полезный труд; 7. Пионер чист в мыслях, словах и на деле».

«Торжественное обещание юных пионеров:

Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудовым собратьям, знаю Законы пионеров и буду им повиноваться».

«Железный закон юных пионеров:

Буду стремиться всегда, везде, где возможно, получить знания для того, чтобы употребить их на пользу трудящихся».

Подробно рассмотрел съезд и задачи союзной печати. Разрешил губкомам издавать свои газеты, где есть в этом потребность и где

достаточно сильный коллектив партийно-литературных и научных сил. В противном случае ограничиться «страничками молодежи» в партийной и советской прессе, в том числе и на местных языках. Съезд поручил ЦК и МК наладить издания двух больших показательных газет для рабочей молодежи и для молодежи деревни. Наконец, решено было создать при ЦК РКСМ издательский центр. Так появилось новое книжное издательство «Молодая гвардия»...

Съезд прошел дружно. И конечно, радовало то, что на нем было почти четыреста делегатов, представляли они со всей страны до полумиллиона членов РКСМ...

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ РЕСПУБЛИК

С огромным воодушевлением голосовал Петр Смородин на X Всероссийском съезде Советов за вхождение РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик. И надолго остались в памяти у него слова Михаила Ивановича Калинина:

— Я вижу, как над нами развевается красное знамя с пятью священными буквами РСФСР. И мы, делегаты X съезда Советов, полномочные представители всей Советской Российской Федерации, склоняем это дорогое, овеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед Союзом Советских Республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках товарища Ленина!

Союз Советских Социалистических Республик был создан 30 декабря 1922 года. Петр Смородин был делегатом I Всесоюзного съезда Советов, и его избрали кандидатом в члены Центрального Исполнительного Комитета.

Комсомол России и раньше оказывал помощь молодежным организациям в национальных республиках. Еще в 1921 году он направил более ста активистов в распоряжение Кавказского бюро ЦК РКСМ из рабочих районов Москвы, Нижнего Новгорода и Урала. Затем он создал национальные секции в ЦК РКСМ и в местных комитетах. Теперь отряды РКСМ появились во всех республиках, и они могли крепить свои силы, свои связи и свой союз, в котором отражалось боевое сотрудничество народов, заложенное в дни Великого Октября.

Конечно, национальная работа Цекамола требовала больших усилий, такта, знаний. Ведь республики были так непохожи друг на друга: одни уже были втянуты в машинное производство, другие продолжали жить в условиях патриархального быта.

Партия заявила о своей решимости поднять отсталые народы и превратить их в передовые равноправные социалистические нации. И комсомолу она рекомендовала относиться с уважением ко всем народам, к их национальным особенностям и обычаям.

Цекамол чутко отнесся к этому требованию партии. Он начал воспитывать крепкие, знающие кадры из местной молодежи, распахнув перед ними двери на курсы, в рабфаки, в вузы. Проводилась поголовная ликвидация неграмотности в самых глухих углах великой страны. Развернулись избы-читальни и красные кибитки, вошли в обычай агитпоходы. Появилась первая комсомольская литература на местных

языках. Десятки форм нашли комсомольцы для пробуждения общественной активности молодежи: праздники — День урожая, День первой борозды, День леса, День ирригации, День хлопка.

Остро реагировал Смородин в Цекамоле на всякое администрирование и «комиссарские» уклоны в восточных районах. Наскоком нельзя было бороться с кровной мезтью, с многоженством и калымом, со знахарством и религиозными предрассудками. Цекамол рекомендовал изо дня в день развешивать агитацию и пропаганду, главным образом на местных языках, создавать свои газеты, или печатать молодежные страницы в партийной прессе.

Так был сделан еще один шаг для выполнения решений III съезда РКСМ, на котором комсомол заявил о своем стремлении — поднять общекультурный и политический уровень молодежи и помочь тесному сближению молодежи различных национальностей.

Через полгода, после образования СССР, в июне 1923 года, на III Всероссийской конференции РКСМ было принято решение беспрепятственно принимать в комсомол рабочую и передовую крестьянскую молодежь в республиках Советского Востока...

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

В архивных документах Цекамола остались следы многогранной деятельности Петра Смородина на протяжении 1923 года. Он был делегирован на заседания бюро Исполкома КИМа. Разрабатывал структуру журнала «Юный коммунист» и переводил газету «Юношеская правда» на издание два раза в неделю: прежде она выходила реже. Готовил III Всероссийскую конференцию РКСМ.

С негодованием встретил комсомол наглый ультиматум английского лорда Керзона, угрожавшего войной Советскому Союзу, и убийство советского посла Вацлава Воровского на переговорах в Лозанне. Вся комсомолия была охвачена одной мыслью: встать на защиту Родины. «Руки прочь от России!» — прокатились митинги молодежи по всей стране. Цекамол выдвинул лозунг — сбор средств на оборону! Началась мощная кампания в поддержку добровольного Общества друзей воздушного флота (ОДВФ).

На всякие происки поджигателей войны комсомол ответил усилением военно-патриотической работы. Одновременно встал вопрос о создании комсомольских организаций в РККА и ВМФ. Идею Смородина уверенно поддержал Фрунзе: во всех подразделениях армии и флота возникли организации комсомола. Отныне комсорг части становился правой рукой комиссара, политработника.

С радостным волнением встретил Смородин события в Гамбурге. Был объявлен смотр готовности комсомола. В Цекамоле была уверенность, что восставшие немецкие рабочие обратятся за помощью к Советской России. Во всех губкомах и республиканских союзах возникли военные комиссии. Молодежь приняла живейшее участие в отправке продовольствия гамбургским товарищам...

Два эпизода, как бы дорисовывающие портрет Смородина тех дней, связаны с поэтом Безыменским, который редактировал газету «Красная молодежь» и жил в здании Цекамола двумя этажами выше.

О том, как создавался комсомольский гимн двадцатых годов, уже появлялись сообщения в печати. Но вспомнить об этом нелишне.

Однажды Смородин вызвал Безыменского на заседание Бюро ЦК РКСМ.

— На повестке дня один вопрос — о написании комсомольской песни, даже молодежного гимна, чтоб его пели на своих собраниях молодые

большевики. И мы поручаем Безыменскому в три недели представить этот гимн на наше рассмотрение. Если он напишет раньше, пусть вызывает нас в любое время дня или ночи!

— Первые строки сложились сами собой, на мотив старой тирольской песни: «Вперед заре навстречу, товарищи в борьбе! Штыками и картечью проложим путь себе!» — рассказывал Александр Ильич. — Но покоя не было... Короче говоря, ушел с заседания в три часа дня, а через двенадцать часов, глубокой ночью, песня была готова. Я тут же позвонил Смородину. Через полчаса Бюро ЦК РКСМ со всеми заведующими отделами собралось в кабинете Петра, и я... запел! Вероятно, плохо, но от души. Потом все повторили текст. Запели хором.

Одобрели, похвалили и разошлись, когда уже рассвело. Так получила путевку в жизнь «Молодая гвардия»...

Второй раз Безыменский столкнулся с Петром в 1923 году, когда весной была напечатана в «Правде» его известная поэма о комсомольском генсеке.

Часов в одиннадцать утра разъяренный Смородин явился к Безыменскому на пятый этаж. Приказал его жене выйти с сыном, запер дверь на ключ, сел у стола, против себя положил наган.

— Слушай, ты! — сказал он резко. — Что ты со мной сделал? Мне некуда податься! Непрерывно звонит телефон, разные люди говорят со мною так, будто я прославленный герой!.. Но ты меня знаешь, Сашка, я это дело так не оставлю! Я придумал тебе казнь: отведу сейчас в мой кабинет, слушай все звонки и кайся. Что же касается этого нагана, то он должен напомнить тебе, как надо расплачиваться за глупость. И что это ты написал в «Правде»?

Странного много на свете.

Есть и еще грехи...

Знаю... Смородин Петя

Пишет тайком стихи!

Это же чепуха! И если в твоей книжке будут перепечатаны эти четыре строки, вступит в действие наган!.. Я готов нести ответственность за должность секретаря ЦК. Но отвечать за свои стихи, которые никогда не появятся, не желаю! Понял?..

Конечно, все это можно было обратить в шутку, но с Петром шутки были плохи, и в окончательном тексте поэмы о Смородине эти четыре

строки были изъяты...

В московский период в конце марта 1923 года кончилась и жизнь бобыля Смородина. Телеграмма о приезде Леночки вызвала переполох среди близких друзей Петра: самого его не было в Москве. Товарищи приехали на пыхтящем автомобиле встречать Лену. К ним вышла из вагона обычная комсомолка: в красной косынке, в кожанке, в сапогах. И что-то пролопотала не по-русски, обернувшись к соседкам по купе явно нэпмановского вида.

Ребята потом смеялись по пути в «Париж». Эти две нэпманки обстоятельно позлословили по ее адресу на французском языке: мол, фря в сапогах, а читает «Цветы зла» Шарля Бодлера.

— Они испугались, когда увидели вас с машиной. Я им и сказала: «Это вам на закуску — *«roug la bonne bouche!»*, потому что держались вы бесцеремонно — *«sans facon!»*».

Приезд жены мало что изменил в обиходе Петра: он лишь реже стал задерживаться до поздней ночи в своем кабинете.

Лена поступила на работу в секретариат Андрея Андреевича Андреева в ЦК РКП (б). Она довольно быстро освоилась в Москве. Иногда являлась к Петру в Цекамол, увозила его на концерт, в театр. Цекамольцам она поначалу казалась легкомысленной, даже чужой. Потом они поняли, что такова ее манера держаться. На самом деле она была нужна Петру: и кругом своих интересов, и даже простой ласковой заботой, которая так дорога человеку, заработавшемуся до потери сил. Постепенно цекамольцы стали ходить к ней и к Петру, как в обжитой дом, на небогатое застолье...

УДАР ПО ТРОЦКИЗМУ

Но все это были частности, маленькие просветы в суматохе напряженной работы.

В апреле 1923 года состоялся XII съезд партии. Петр Смородин работал в Организационной комиссии съезда, готовившей резолюцию «О работе РКСМ». Он и выступал от имени комиссии с проектом этой резолюции.

Страну лихорадило. Осенью 1923 года возник острый кризис сбыта промышленной продукции. Заводы и фабрики не успевали насыщать рынок вещами, которые требовала деревня, почти уже шагнувшая по производству зерна к довоенному уровню. Образовались пресловутые «ножницы» между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Это рождало недовольство на селе.

Изменилась к худшему и международная обстановка. Движение коммунистов в Германии и Болгарии, с которым связывали надежду на мировую революцию, понесло урон. Умные люди стали понимать, что Советскому Союзу длительное время придется строить социализм в одиночку, в окружении враждебных капиталистических государств. И тревожно встал вопрос не только внутри страны, но и на мировой арене: «Кто кого?»

Да и огромное беспокойство вызывала тяжелая болезнь Ленина. Страшно было подумать, что страна останется без вождя, с которым были связаны все победы партии и народа.

В такой напряженной обстановке снова завозился Троцкий, оживились всякие антиленинские группы, подняли голову буржуазные элементы.

Троцкисты навязали партии новую дискуссию. С острой критикой обрушились они на партийный аппарат, стараясь противопоставить массы партии — ее руководящему ядру, молодежь — старым кадрам большевиков. Они требовали «подстегивать» мировую революцию, кричали, что не верят в успехи социалистического строительства в СССР, окруженном врагами.

Суть же дела была в том, что Троцкий, воспользовавшись болезнью Ленина, рвался к руководству партией и в качестве своей опоры надеялся использовать молодежь.

Троцкий выдвинул идею о неизбежном бюрократическом перерождении старой гвардии. И видел единственное спасение в опоре на

молодежь, главным образом на студенчество. Он писал, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем....

Конечно, это был чуждый партии бред. Пролетарская молодежь — неотъемлемая часть своего класса. У нее нет и не может быть других политических интересов, чем те, которые объединяют всю рабочую массу в борьбе за справедливый общественный строй. «Мы всегда будем партией молодежи передового класса», — с гордостью подчеркивал Владимир Ильич. Но в те дни решался вопрос о жизни и смерти первого в мире государства рабочих и крестьян. Троцкисты занимали антипартийную, враждебную ленинизму позицию, основанную на отрицании возможности победы социализма в СССР, диктатуры пролетариата и ее основы — союза рабочего класса с крестьянством.

Разумеется, ретроспективно решать вопросы легко. Если же учесть обстановку тех лет — популярность Троцкого, его отличное умение жонглировать звонкой фразой, да принять в счет его крикливых последователей, которые активно действовали против партии, то борьба с троцкизмом требовала больших знаний, большевистской убежденности, силы воли и умения вести полемику.

Цекамол под руководством партии, при стойкой поддержке комсомольских организаций страны нейтрализовал деятельность троцкистов в комсомоле. Но это потребовало огромных усилий.

Сморозин, как и его товарищи по Цекамолу, ясно Видел, что Троцкий извращает принципы обучения и воспитания молодежи. На первый план он выдвигал не усвоение молодежью традиций большевизма, опыта, накопленного старшим поколением революционеров, а сомнение в правильности пути, пройденного рабочим классом. А это была, по сути дела, идеологическая диверсия. Ведь Троцкий исходил из того, что в среде молодежи, наиболее темпераментной, легко восприимчивой и не обладающей опытом многолетней борьбы с враждебными партией течениями, легко могут проявиться его ультралевые лозунги, за которыми коммунисты видели обыкновенные капитулянтство, неверие в победу социализма в СССР без революции в крупнейших капиталистических странах.

В ходе внутривнутрипартийной дискуссии в конце 1923 и в начале 1924 года партия разбила троцкистов по всем лозунгам: Троцкий не получил поддержки ни в одном промышленном центре. А на XIII Всероссийской конференции РКП (б) 16–18 января 1924 года Троцкий получил

сокрушительный удар от всех живых сил партии. Конференция осудила фракционную борьбу Троцкого и его сторонников. Она подчеркнула, что «...в лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон».^[26]

Троцкий получил дружный отпор и в комсомольской среде. О своих ленинских позициях Цекамол заявил в статье, опубликованной в «Правде» 1 января 1924 года.

Статью «К вопросу о двух поколениях» подписали П. Смородин, С. Белоусов, В. Васютин, Ф. Леонов, Д. Павлов, П. Петровский, В. Рогов, О. Тарханов и Н. Чаплин. Гневная отповедь была дана Троцкому: «...провести грань между молодежью и стариками в нашей партии — это значит сказать, что нашей Коммунистической партии будущее уже не принадлежит, подобно тому, как оно не принадлежит Каутскому, русским меньшевикам. Только там всплывает проблема «отцов и детей», где отцы стоят одной ногой в гробу. Мы хотели бы рассматривать рабочую демократию, новый курс партии не как замену влияния старых кадров партии взаимодействием самых различных влияний, но как еще большее по объему и еще более глубокое втягивание всей молодежи под руководящее влияние большевистских кадров партии».

С аналогичным письмом в том же номере «Правды» выступила питерская комсомолия. Через несколько дней — московская.

Правда, в начале дискуссии отдельные работники ЦК РКСМ считали нецелесообразным комсомолу вмешиваться в борьбу партии с троцкистской оппозицией, так как комсомол — организация непартийная. Но основная масса комсомольцев энергично выступила против троцкистов.

В ответ на статью Цекамолы все крупнейшие организации комсомола высказались единодушно: «Гнать Троцкого от руководства в партии! Никакие путаники не собьют комсомол с ленинского пути!»

Январский пленум ЦК РКСМ с удовлетворением отметил, что все губернские и областные комитеты, все фабрично-заводские и сельские ячейки без колебаний ударили по троцкизму. Только часть учащейся молодежи в высшей школе еще шла за троцкистами. Но терпеливая разъяснительная работа коммунистов и комсомольцев уже помогала изжить и эти колебания.

Пленум единодушно принял тезисы, которые были переданы на обсуждение всех ячеек. Центральной задачей ставилось воспитание комсомольца-ленинца на основе активного практического участия в общественно-политической жизни страны. И обращалось особое внимание

на изучение истории партии и сущности ленинизма.

После пленума Смородин предложил провести ряд мер по укреплению РКСМ. Он добился, чтоб удержали от мобилизации в армию двести руководящих комсомольских работников в губерниях, которые отлично противостояли натиску троцкистов. Этот актив мог быть надежной опорой при пропаганде ленинизма в низовых ячейках. Луначарскому он подсказал «проветрить воздух в вузовских аудиториях».

— Велик процент вечных студентов, Анатолий Васильевич! Ведь это бывшие барчуки, они больше других замешаны в брожении. И занимают места тех достойных ребят, которые прошли крепкую фабричную или фронтовую школу. Раз учиться не хотят, можно их призвать в армию, направить на производство.

Луначарский согласился с мнением Цекамола.

Наконец, ЦК РКСМ решил не сосредоточивать в крупных городах и промышленных центрах тех красноармейцев-комсомольцев, которые подлежали демобилизации. Это были парни двадцати трех лет, главным образом из глубинки, частично захватившие гражданскую войну. Петр не сомневался, что они в своих родных селах, местечках и маленьких городках не подкачают в дни новых испытаний.

КЛЯТВА НАД ГРОБОМ ЛЕНИНА

Но все вдруг отступило перед величайшим горем народа: 21 января 1924 года скончался Владимир Ильич Ленин.

Петр ездил в Горки с Николаем Чаплиным, нес до станции Герасимовской гроб Ильича; стоял в почетном карауле в Колонном зале Дома Союзов. Созвал экстренный пленум ЦК РКСМ. Пленум признал единственно правильной линией Центрального Комитета партии. Пленум единодушно принял решение — присвоить РКСМ и детским коммунистическим группам имя Владимира Ильича Ленина.

Кроме того, на II съезде Советов СССР 26 января 1924 года Петр Смородин дал клятву комсомольцев — быть верными заветам Ильича:

— Товарищи, сегодня мы смотрим на пройденный путь и на ту работу, которую вел наш вождь Владимир Ильич, не упуская из виду рабочую молодежь и обращаясь к ней, призывая ее на борьбу. Когда нужно было бросить силы рабочих, матросов и рабочую молодежь в Петрограде в Октябрьскую революцию, Ильич тогда... писал: возьмите рабочую молодежь, поставьте ее на опасные участки революционного фронта, и она сумеет отстоять, защитить и завоевать дело рабочего класса.

Мы в своей работе не раз сталкивались с товарищем Лениным, не раз получали от него советы, не раз учил он нас, как нужно ставить воспитательную работу среди рабоче-крестьянской молодежи. Сегодня, когда нет с нами нашего учителя и вождя, мы, рабоче-крестьянская молодежь, организованная в Российский Коммунистический Союз Молодежи, скорбим о погибшем вожде.

Мы, молодежь, не успели вкусить еще того опыта, и тех мыслей, и того навыка, которые Ильич передавал старой гвардии. Мы выступили под руководством Ильича только с 1917 года. Как массовая организация, мы к борьбе за рабочее дело, к коммунистическому воспитанию приблизились сравнительно недавно. Но мы готовы пожертвовать своей жизнью за то великое дело, к которому вел рабочий класс Владимир Ильич.

Пленум нашего ЦК постановил переименовать наш союз в Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Постановив переименовать наш союз, дать ему имя нашего вождя, мы должны помнить, что, когда у него была делегация нашего I Всероссийского съезда, он нам говорил: «Не в названии дело, не в словах, а дело в том, что вы сделаете и как вы будете делать». И после, в 1920 году, на III Всероссийском съезде нашего союза, Ильич

пришел к нам на съезд и читал доклад о воспитании молодежи. Он нам сказал, что нужно делать, как нужно это дело претворять в жизнь.

Он нас, комсомольцев, учил: коммунистом нельзя быть по книжке; коммунистом может быть только тот, кто все свое время посвятил общему делу — делу рабочего класса. Коммунистом может быть тот, кто теорию связывает с практикой. Коммунистом может быть тот, кто в повседневной, кропотливой работе несет общественные обязанности и строит общее государство. Вот слова Владимира Ильича.

Мы думаем, что теперь, когда нет с нами вождя, осталась его наследница — его партия, Российская Коммунистическая партия, которую он создал. Мы думаем, что мы сумеем на деле доказать, что из наших рядов под руководством закаленной, старой большевистской гвардии — старой, мудрой, закаленной в победах и боях Российской Коммунистической партии — мы сумеем в нашей организации выковать, подготовить и закалить десятки и сотни тысяч рабоче-крестьянской молодежи, ленинцев, которые станут на путь борьбы, вольются в Коммунистическую партию, вместе с ней пойдут к грядущим битвам и в этих битвах будут на первых постах защищать великое дело, которое делал и обязывал делать Владимир Ильич.

ДРУГ И СОРАТНИК КИРОВА

ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ

Петра не раз видели в слезах, когда умер Владимир Ильич Ленин.

Об этом говорили товарищи. И вспоминала об этом Анна Петровна. Она недавно появилась в гостинице «Париж». 3 января 1924 года у Смородиных родилась дочь Майя. Перед тем как отвезти жену в больницу, Петр написал в Боринское: «Приезжай, мама, поскорей, у меня кто-то должен родиться». Мать приехала. На другой день привезла домой невестку с внучкой. Петр сидел в кресле, обливаемый слезами, даже не поднялся с места, сказал с тоской:

— Горе-то какое — умер Ленин!

Но жизнь шла и требовала действий. За три дня до смерти Ильича закрылась XIII конференция РКП (б).

Она осудила троцкизм как мелкобуржуазный уклон от марксизма. Потребовала увеличить пролетарское ядро в рядах партии. И приняла ряд мер, относящихся к хозяйственной жизни страны: о развертывании государственной и кооперативной торговли, о снижении цен на промышленные товары, о проведении денежной реформы и о внеочередном развитии металлической промышленности.

Начался ленинский призыв рабочих в партию. Рабочие сами выдвинули лозунг: «Кто покрепче — в ряды РКП (б)!»

Сто шестьдесят тысяч заявлений подала рабочая и крестьянская молодежь в РКСМ за три месяца. Цекамол немедленно поддержал это движение и начал кампанию по вовлечению комсомольцев-рабочих в партию. В дни ленинского призыва комсомол передал в партию двадцать шесть тысяч лучших своих членов. На ближайшие два месяца Цекамол предложил запретить прием в союз всех, кроме рабочих от станка и крестьян, занятых непосредственно в сельском хозяйстве.

В дни ленинского набора рабочую и батрацкую молодежь принимали в комсомол без рекомендаций и кандидатского стажа, прямо на открытых комсомольских собраниях. К VI съезду вступило в ряды союза почти четыреста тысяч молодых рабочих и крестьян.

В конце января и в феврале Смородин подписал несколько циркуляров, которые укрепляли позиции комсомольцев в борьбе с идеологическими шатаниями: «О пропаганде ленинизма в союзе» и «О продлении вербовки рабочего и крестьянского юношества в РКП и РКСМ».

Одновременно Цекамол на пленуме 1 февраля 1924 года, обсудил

вопрос: как именовать союз в дальнейшем? Вызывалось это той необходимостью, что на шестом заседании экстренного пленума 25 января было принято единогласно лишь принципиальное решение: «Присвоить Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи имя товарища Ленина».

Петр Смородин, внося это предложение, в своей речи 26 января назвал РКСМ Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи. Но кое-кто из участников февральского пленума усмотрел, что два слова, стоящие рядом — «Ленинский» и «Коммунистический», — весьма близки по значению. Поэтому были высказаны еще три предложения: 1) Коммунистический Союз Молодых Ленинцев, 2) Российский Коммунистический Союз Молодежи (Ленинцев) и 3) Ленинский Союз Молодежи.

После всестороннего обсуждения решили остановиться на формулировке Смородина, но впереди поставить слово «Российский»: «Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи». Пока же именовать союз по-старому: РКСМ. Но вернуться к вопросу о новом названии на пленуме Цекамола, который должен состояться накануне VI Всероссийского съезда.

Так и было: на пленуме 10 июля 1924 года формулировка не изменилась: РЛКСМ. Ее и принял VI съезд комсомола на торжественном заседании.

3 апреля 1924 года в ЦК РКП (б) состоялось специальное совещание по работе среди молодежи с участием членов ЦК партии, а также всех членов и кандидатов ЦК РКСМ и представителей от десяти губернских организаций. Совещание подвело итоги прошедшей дискуссии и отметило, что по всем принципиальным вопросам комсомол проявил полное единство взглядов и солидарен с партией.

Эта же мысль была подчеркнута и в решениях апрельского пленума ЦК РКСМ:

«Дискуссия выявила полное понимание большинством членов союза молодежи его роли как резерва и помощника партии, готовность широких масс комсомольцев приложить все силы для выполнения задач, поставленных коммунистической партией...»

Пленум Цекамола состоялся 7 апреля 1924 года.

На нем все руководящие работники узнали о намерении Смородина уйти на учебу.

Председательствовал Васютин. Он и предложил сформировать новое Бюро, на плечи которого ложилась бы вся подготовка к VI съезду. В Бюро вошли: Смородин, Чаплин, Белоусов, Васютин, Бела Кун, Павлов, Рогов,

Тарханов и Файвилович.

Неожиданно для товарищей Петр сказал, что он голосует единодушно со всеми, но, видимо, рассчитывать на него не следует. Он сегодня будет говорить со Сталиным об освобождении от работы в Цекамоле, так как намерен учиться. Его отговаривали, он стоял на своем непреклонно, потому что все уже решил, как подсказывала совесть.

Да, у каждого политического деятеля есть своя мера времени, свой диапазон. Революция, гражданская война, первые годы нэпа, — пожалуй, никто, кроме Петра, не мог так ярко возглавить армию комсомола. Теперь наступил мирный период. И уже железной воли, рабочей закалки и безусловной преданности партии было недостаточно. И надо было учиться, пока не поздно, чтобы стать крупным деятелем партии. Да и по годам неугомонный Петр стал считать себя «стариком»: двадцать семь лет — возраст малокомсомольский!

8 апреля Бюро Цекамола предоставило своему генеральному секретарю трехмесячный отпуск. Через две недели Смородин передал дела Николаю Чаплину и уехал в Крым, в Суук-Су.

Возвратился Петр к пленуму 10 июля. Активно работал на съезде, приняв участие в составлении манифеста «Ко всем комсомольцам, ко всей рабочей и крестьянской молодежи».

При обсуждении манифеста он сказал:

— Надо говорить о том, как мы, опираясь на заветы Ленина, должны строить социализм. Главное, ответить на вопрос, почему мы берем образ Ленина на знамя комсомола. Потому что нет лучше имени в истории трудящихся всех стран и народов!

Николай Чаплин поддержал Смородина. От сердца легли на бумагу такие проникновенные слова:

«...Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи — прониклась единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Съезд прошел дружно. Да и состав его радовал: почти тысяча делегатов, из них девятьсот двадцать пять — члены и кандидаты в члены партии. И представляли они могучую армию молодых строителей социализма — семьсот две тысячи комсомольцев.

На первом торжественном заседании съезд постановил присвоить комсомолу имя Ленина и переименовать РКСМ в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ). Съезд присоединился к решениям XIII съезда РКП (б), осудив теорию нейтральности комсомола в борьбе с антипартийными уклонами.

За семь дней напряженной работы были рассмотрены многие вопросы: отчетный доклад Цекамола; основные задачи РЛКСМ; отчет русской делегации в Исполкоме КИМа; политическое воспитание молодежи и ленинизм; перспективы юношеского труда и задачи экономической работы РЛКСМ; о работе в деревне; об очередных задачах детского коммунистического движения и о работе комсомола в Красной Армии и Флоте.

Делегаты съезда расставались со Смородиным с болью в сердце.

Один из делегатов предложил присвоить Смородину звание почетного комсомольца.

— Мы не раз дрались с Петром, особенно в последнее время, — сказал он. — Но разногласия были у нас только во имя нашего союза. Но с уходом Петра настало время подводить итоги. У комсомола есть история семилетней славной борьбы на всех фронтах. И если говорить об истории, никак не пройти мимо Смородина. Он был всегда с нами — и на фронте гражданской войны, и когда мы дрались против уклонов в нашем союзе. А еще раньше, когда появился «Труд и свет», Смородин был первым борцом внутри этой мелкобуржуазной организации за создание Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Еще одна заслуга товарища Смородина в том, что он проложил на практике путь выдвижения рабочих. Петя Смородин, ленинградский металлист, первый показал, что рабочие могут руководить. Я лично... ни разу не видел, чтобы он хотя на минуту отошел от ленинской линии. Я думаю, что для воспитания новых ленинцев примером должен быть Петя Смородин. Да здравствует наш комсомол, который даст тысячи Смородиных нашей партии!

Смородин ответил в своей обычной манере — скупой и строго:

— Товарищи, я думаю, что речи, которые здесь произносили, не к месту. Мы еще встретимся на более сложной работе, где будем друг друга проверять.

Он подтвердил: да, дрались, но без каких-либо личных побуждений, потому что всегда выше всего ставили единство организации.

— А проводы — это просто наша привычка комсомольская! Мы встретимся еще на работе и если нужно будет, то, может быть, и подеремся

за наше дело, и я буду не последним в рядах тех, кто будет вести борьбу за ленинизм!

Петру присвоили звание почетного комсомольца. И проводили на учебу.

Вместе с ним ушли на курсы Белоусов, Васютин, Черкасов. Первым секретарем избрали Николая Чаплина. В Бюро ЦК появились новые люди — Александр Мильчаков, Сергей Соболев, Дмитрий Матвеев, Максим Сорокин. А после VII съезда комсомола и Александр Косарев...

О занятиях Петра на курсах марксизма сохранилось мало свидетельств. Жил он по-прежнему в «Париже», с матерью, женой и дочерью. Все аудитории находились неподалеку — десять-пятнадцать минут хорошего хода. Пешком он любил ходить и в библиотеку.;

Он поставил себе задачу — все прочесть, решить и написать, что полагалось по программе средней школы. Много было ему известно шире, чем в курсе гуманитарного вуза, но были пробелы в математике, физике и химии. И это он осваивал факультативно, когда выпадали свободные от курсов минуты. Занимался он с той же энергией, как работал в аппарате Цекамола. Но пять-шесть часов для сна выдерживал, иначе начинались боли в контуженной голове, и день пропадал зря.

И все же на курсах он провел больше обычных двух лет: приходилось делать перерывы и подлечиваться.

Лекторы были самые различные: блестящие и серые; мыслители и компиляторы; творцы и начетчики. Выделялись выгодно Покровский, Ярославский, Невский, Быстрянский.

Кое-что рассказал о Смородине тех дней Сергей Бороздин. Впервые они увиделись на VI съезде комсомола. Бороздин был его делегатом. Потом он работал в Политуправлении Балтийского флота и приехал в Москву в марте 1926 года на VII съезд ВЛКСМ.

Краснофлотцы хорошо помнили Смородина, любили его и взяли с Бороздина слово, что он непременно повидается с Петром.

— А если не примет? Он ведь занят небось выше головы. К тому же и в комсомоле теперь не работает.

— Это Смородин-то не примет? Ну ты плохо знаешь нашего Петра, — говорили ребята. — Не было такого случая, чтобы Петр не отозвался на комсомольские заботы.

На другой день после закрытия съезда Бороздин пошел к Смородину с Чаплиным.

«К нам вышел приветливый, с усталыми, слегка покрасневшими от непрерывного чтения глазами человек. Пригласил войти. Всюду: на столе,

на стульях, даже на диване — книги, тетради, листы бумаги с какими-то записями. Красный карандаш лежал поперек открытой страницы объемистого тома — стенографического отчета X съезда РКП (б). Поверху написано: «Выступление В.И. Ленина».

Петр Иванович Смородин учился так же страстно и самозабвенно, каквосемь лет назад воевал с белыми, как потом, после войны, работал в комсомоле...»

Чаплин представил Бороздина: «Красный флотовец». Ему балтийцы поручили повидать Смородина и поговорить с ним.

— И мы решили помочь товарищу. Прости, что отвлекли от занятий.

Смородин заметно оживился и даже обрадовался, что его отвлекли. Петр спрашивал о комсомольских делах на флоте — конкретно, зная. Удивило Бороздина, что он отлично помнил многих краснофлотцев, с которыми разговаривал когда-то, и спрашивал, как закончилось то или иное дело, с которым к нему обращались. Очень порадовал Петра рассказ Бороздина о комсомольских воскресниках по ремонту судов, на которых штаб КСМ распоряжался всеми работами. Бороздин спросил:

— Что самое важное в комсомольской работе на флоте?

Смородин изложил в ответ целую программу.

— Шефство над флотом — не парадная затея с речами и отчетами. Их вообще не должно быть у комсомола. Чтобы не превратить грандиозное дело в шумиху, надо всем сердцем любить комсомольскую работу и ни на секунду не забывать о своей ответственности перед молодежью, перед Родиной, перед партией.

Потом он говорил о том, как важно обратить особое внимание на каждого краснофлотца. Вникать в заботы любого, кто обращается за помощью.

— Никогда в погоне за охватом массы нельзя забывать отдельного человека с его мыслями, настроениями, интересами, даже печальями. Больше всего надо бояться равнодушия: оно возникает обычно, когда забывают об отдельном человеке. И конечно, не следует замыкать свою работу в пределах Балтийского флота. Расширяйте связи с заводами, шахтами, вузами, школами. И не только в Ленинграде, но по всей стране. Надо, чтобы каждый матрос чувствовал дыхание Родины и осознавал свой труд частицей общего народного дела!..

Дома у Петра дела шли размеренно. Добрая Анна Петровна была погружена в заботы: накормить сына, невестку, позаботиться о внучке; Елена Михайловна работала, часто ходила в театр, на концерты. И иногда не скрывала, что «каторжная» работа Петра кажется ей излишней: и без

курсов Петр был желанным в любой организации партии от ЦК до горкома.

— Не травми душу, Алена! — отвечал он ей. — Я не добился образования в детстве и в юности и делаю это сейчас как коммунист, со всем пылом души. А сходить в театр или повеселиться — да кто ж нам помешает? Но помни одно: мы не белоручки и жить должны по-рабочему.

Но обещания сбывались редко. Петру нелегко давалась наука в зрелые годы, особенно политическая экономия и история философии. И вечера оказывались самыми ценными для подготовки, тем более что он был просто одержим мыслью: успеть, не отстать от товарищей, справиться с напряженной учебной программой курсов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

После окончания курсов марксизма в феврале 1928 года Петр был на распутье: то ли Москва, где прошли последние семь лет, то ли любимый Питер, где он стал коммунистом. Решил это дело Сергей Миронович Киров: ему были остро необходимы новые кадры.

Партийная организация Ленинграда нелегко перенесла борьбу с «новой оппозицией» и с троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком. Правда, к концу 1928 года отошли от открытой фракционной борьбы ее участники. Но скрытые фракционеры остались. Надо было резко усиливать идейно-политическую работу, чтобы партийные массы вынесли окончательный приговор людям, которые их подло обманывали.

Страна завершила восстановление народного хозяйства после разрухи. Партия взяла курс на социалистическую индустриализацию и подготовку сплошной коллективизации. Уже составлялся первый пятилетний план, городу Ленина отводилось исключительное место в развитии тяжелой индустрии и электрохимии. Для выполнения этой программы надо было пополнить организацию людьми стойкими, готовыми отдать все силы для победы социализма.

Сергей Миронович сам был воплощением лучших черт партийного руководителя и запросил в ЦК ВКП(б) в помощь достойную группу товарищей, крепких ленинцев. Так появились на берегах Невы Михаил Чудов (второй секретарь обкома партии), Петр Петровский (редактор «Ленинградской правды»), Петр Чагин (редактор «Красной газеты»), Антон Милославский (секретарь Ленинградского окружкома ВКП(б), Александр Митрофанов, Павел Семечкин и другие. Затем приехали и вожаки первых питерских комсомольцев — Петр Смородин и Сергей Соболев. Сергей был избран секретарем обкома ВЛКСМ. Петр, который выезжал с курсов в Крым и блестяще выполнил там работу по разгрому зиновьевской оппозиции, стал заведовать орготделом Василеостровского райкома ВКП(б), где секретарем был старый большевик, член партии с 1907 года Петр Иванович Струппе.

Смородину пришлось решать много больших неотложных партийных дел.

Главной опасностью в партии стал правый уклон. Правые оппортунисты резко возражали против высоких темпов индустриализации,

против развернутого наступления на кулака. Они отрицали возможность построения социализма в СССР, капитулировали перед трудностями. Их позиция вела к реставрации капитализма, и сами они становились рупором антисоветских сил в стране. Надо было день за днем вести борьбу с этими капитулянтами. Не только выступать на собраниях с разоблачением нытиков и паникеров, но и смелее вовлекать в партию передовых рабочих, готовых идти на любые жертвы, на подвиг для победы социализма. И значительно усиливать идейное, ленинское воспитание членов ВЛКСМ.

Сохранился газетный отчет о первом выступлении Смородина с большой речью на пленуме Василеостровского райкома ВКП(б) в августе 1928 года. Обсуждался вопрос о росте партии. Были и такие суждения: цвет рабочего класса, его лучшая часть уже находится в рядах партии, и поэтому нет широких перспектив для роста. Представители некоторых заводов утверждали, что рост у них затруднен по причине значительной части крестьянского состава.

Смородин сказал, что крестьянский состав — не помеха. Это даже стимул для более интенсивной работы. Ведь недавние крестьяне, проработав у станка два-три года, значительно затронуты пролетарской психологией. Дело рабочего коллектива — развить все лучшее, что зародилось в душе у новичков, чтобы получить из них рабочих-большевиков. А для этого необходимо ставить по-новому партийную работу с беспартийным активом.

Он же и внес предложение, одобренное пленумом: к XVI съезду ВКП(б) каждый коммунист должен подготовить для вступления в партию Ленина одного беспартийного рабочего.

В эти дни ленинградцы радушно принимали Алексея Максимовича Горького. Его выступления на заводах и на собраниях молодежи стали большим событием в культурной жизни красного Питера. Больше того, они помогли многим лучше понять и оценить замечательные достижения Страны Советов и пути движения вперед, потому что в каждой речи Горького была твердая вера в победу нового общественного строя.

Смородин с товарищами встречал Горького на вокзале 29 августа, а на другой день сопровождал на встречу с рабочими Балтийского завода.

Петр не раз видел Алексея Максимовича. Особенно запомнился ему Горький на Марсовом поле в Первомай 1917 года и в день приезда Ленина на II конгресс Коминтерна 19 июля 1920 года. Встречались они и у Алексея Касторовича Скороходова. Что-то осталось в Горьком без перемен: привычный серый костюм, неизменный длинный мундштук для папирос и глуховатый басистый голос с резким нижегородским нажимом на букву

«о». И казалось, что этого «о» в русском языке многовато.

— Только поменьше шуму, Петр Иванович, — попросил Горький. — Мешает он думать, глядеть, говорить.

Петр передал балтийцам: не устраивайте толчеи при встрече, дайте спокойно выступить Горькому в цехе. Сам он мало верил, что его указания выполнят. Так оно и вышло.

Когда он с Горьким подъезжал к воротам завода, там уже никто не работал. Тысячная толпа ринулась к автомобилю. Горького подхватили десятки рук и стали поднимать, чтобы внести на территорию завода.

— Ребята, к чему это? — добродушно басил Алексей Максимович. — Бросьте, шуты драповые, штаны разорвете!

— За штаны не бойся, Максимыч, целы останутся! — отвечали рабочие, бережно пронося Горького в заводских воротах.

Петр отметил, что с первых же минут начались душевные, сердечные отношения рабочих с прославленным писателем. И это не удивило. Ведь и они и он были людьми одного класса, одного дела, в прямом смысле близкие товарищи.

Горький и выступил как старый товарищ.

— Самое дорогое и близкое, что мне пришлось увидеть и в чем я не ошибся, это то, что в рабочем классе растут и выросли за это время люди, которые поняли, что они хозяева страны. Они поняли, что каждый день их работы укрепляет их Советскую власть. Вечером того же дня Смородин привез Алексея Максимовича на собрание комсомольского актива в Мариинский театр. Молодежь встретила Горького овацией. Он произнес большую речь, в которой выделил три аспекта:

— Сегодня я был на заводе, где в дьявольской тесноте, почти голыми руками, люди строят многотонные морские суда. Пришло время думать о механизации труда, направить на это неисчерпаемую рабочую смекалку...

Здесь много говорили о готовящемся нападении буржуазии. Я хочу сказать еще об одном враге. Он живет в нас, он мешает нам понять, что в этой стране мы — творцы, мы созидатели всего, что есть вокруг. Этот враг заставляет многих людей забывать, что они — хозяева, а по этой причине им надо, например, меньше пить водки, надо сделаться во всех отношениях культурнее и грамотнее...

Победа рабочего класса обеспечена. Старому миру осталось жить недолго. Наши будни — не будни, а праздники, не мирное житье, а классовый бой. Побольше радости, творческого пафоса, побольше уважения друг к другу, больше веры в себя, в свою победу!

Что-то невообразимое творилось в зале, когда редактор газеты

«Смена» Олег Адамович бросил с трибуны:

— Не уезжай от нас, Алексей Максимович, живи на родине, где тебя так любят!

Горький смахнул слезу, долго ждал, пока воцарится тишина:

— Я скоро вернусь, друзья!..

Большим целям воспитания служили и проходившие в городе бытовые конференции. В январе 1929 года первую такую конференцию провели комсомольцы Выборгской стороны. Остро обсуждались на ней три вопроса: борьба за культуру труда (досрочное выполнение производственных планов, чистота рабочего места, строгое соблюдение правил техники безопасности); отношения в новой семье (вовлечение женщин в общественно полезный труд, воспитание детей, взаимное уважение, дружба, любовь); борьба с пьянством как с оружием классового врага (требования немедленно закрыть Владимирский игорный клуб, ночные бары, сократить продажу водки в магазинах и запретить торговлю ею в общественных местах, в том числе и у заводских ворот).

Секретарю райкома ВЛКСМ Р. Владимирову Смородин подсказал провести аналогичную конференцию на Васильевском острове и сам принял в ней живейшее участие. В своем выступлении перед молодежью он особенно подчеркнул, как важна цельность личности комсомольца на работе и в домашнем быту.

— Пролетариат, к которому вы принадлежите, имеет право требовать отчета, что вы делаете со своей жизнью. И всегда помните: комсомолец — передовик в цехе, образцовый семьянин (он умеет делить с женой все трудности домашнего быта и воспитания детей) и враг разболтанности и пьянства.

Одновременно он рассказал об итогах ноябрьского (1928 год) Пленума ЦК ВКП(б), где был остро поставлен вопрос о борьбе с правым уклоном. И призвал комсомольцев круто повернуть к изучению ленинизма, так как с трудами Ленина даже активисты знакомы слабо.

— Я знаю, что у многих из вас есть книги Владимира Ильича. Только боюсь, что они запылились: не доходят до них ваши руки!

«Смена» поддержала мысль Смородина и выступила с острой статьей, где назвала некоторых активистов, которым труды Ленина знакомы только понаслышке.

Сергей Миронович Киров в январе 1929 года на районной Выборгской конференции ВЛКСМ остро развил эту мысль со ссылкой на статью в «Смене». Он говорил, что диктатура пролетариата с каждым годом

укрепляется, Советская власть приобретает все большее и большее значение. А наряду с этим у нас большой пробел в ленинском воспитании молодежи. У нас еще есть старая ленинская гвардия, которая показывает образец идейной, партийной закалки. Но она невечна.

— Пройдет еще с десяток лет, старая гвардия уйдет с работы. Так глядите вперед: нельзя допустить, чтобы руководство страной перешло к неподготовленной молодежи.

И Киров требовал: каждодневно воспитывать молодежь на трудах Ленина, видеть в правом уклоне главную опасность момента. Победа социализма обеспечена: велики и грандиозны планы партии по индустриализации страны. Но почитать на лаврах нечего. Надо работать с огоньком, хорошо и отлично. Не допускать формализма в соревновании, подхватывать почин передовых рабочих!..

Действительно, в невиданных темпах намечался рост объема ленинградской промышленности: за пять лет — в три раза! Васильевскому острову отводилась огромная роль в развитии металлической и химической промышленности. Дух захватывало от таких ярких цифр: почти полтора миллиарда рублей на капитальное строительство в городе! За эти деньги освоить свыше ста новых производств и ввести в строй сто новых предприятий!

Но денег в бюджете не хватало. И никто, как известно, не спешил дать займы Советской стране. Приходилось рассчитывать только на свои силы. Это понимали передовые питерские рабочие и развернули подготовку к выпуску третьего займа индустриализации.

Комсомольцы «Красного треугольника» бросили вызов ленинградской молодежи: «Отчислить один процент зарплаты в фонд индустриализации». Смородин помог молодежи «Красного гвоздильщика» поддержать этот почин.

Началось движение за снижение расценок. Первой подала голос бригада электросварщиков на заводе «Красный металлист». Ее инициативу поддержали во всех районах города. И сейчас же возник почин на Пролетарском заводе за Невской заставой — отработать один день в фонд индустриализации. С предложением выступил старый маляр Слободчиков. Он образно мотивировал свое предложение.

«Раздумывая над тем, как добиться увеличения вложений в промышленность и через это усиления темпов индустриализации страны, я вспомнил слова одного украинского крестьянина:

— Если бы все дубы да соединить в один дуб, то какой бы был дуб! Все секиры — в одну секиру, всех людей — в одного человека. И если бы

этот человек взял ту большую секиру да рубанул ею по тому большому дубу, то великий получился бы удар!

Если возьмется нам, всем рабочим и крестьянам Советского Союза, да отработать на индустриализацию один праздничный день и если к этому прибавить еще обложение всех частных, кооперативных и торговых предприятий налогом в размере однодневного дохода, то получится у нас удар не хуже того, о котором говорил украинский крестьянин. Так додумался я до организации Всесоюзного трудового праздника — Дня индустриализации».

Комсомольская газета «Смена» напечатала обращение к Правительству СССР. В нем говорилось, что молодые хозяева просят выпустить третий заем индустриализации и гарантируют его размещение на всех заводах и фабриках города Ленина. В числе предприятий, которые начали поход за выпуск займа, газета называла «Красный треугольник» и «Красный гвоздильщик», Балтийский завод и «Красный путиловец».

Выпуск займа совпал с Днем индустриализации, который ленинградская комсомолия предложила провести 6 августа вместо традиционного религиозного праздника второго, яблочного спаса.

Но Смородин в День индустриализации не был в Ленинграде. От фронтовых будней, от жарких боев возле Чудского озера, в районе Гдова, Нарвы и Юрьева остался горький след. После тяжелой контузии почти пропало зрение в правом глазу, и довольно часто — по погоде или от волнения — мучили боли в виске. Однако Петр это скрывал. А летом двадцать девятого года неожиданно обострился ишиас.

Немедленно вмешался Сергей Миронович. Он распорядился выдать Смородину путевку в Сочи и приказал выехать на курорт как можно быстрее.

Был конец июля — знойное, красивое южное лето. Впервой оказался Смородин совершенно без дела да на Черноморском побережье Кавказа. И в непривычной обстановке: врачи обхаживали его, как старика.

Пальмы перед окнами санатория, ласковая синева моря, ленивые часы на каменистом пляже. Но все было не по душе: в нем жил неистребимый комсомольский дух, жажда активной деятельности в привычной питерской обстановке.

Он даже захандрил. С неделю валялся на койке, иногда без книги, и все никак не мог смириться, что рядом с его фамилией непременно ставят противоестественное прилагательное «больной».

В первых числах августа прикатила компания товарищей из Ленинграда, и санаторная жизнь вошла в колею. Были два газетчика —

люди шустрые, шумные, на слова острые. Были старые питерские рабочие, с ними Петр не разлучался. Но самой колоритной фигурой был Алексей Егорович Бадаев. Подступало ему под пятьдесят, а держался он молодцом. Его имя недавно присвоили крупнейшему пивоваренному заводу страны, и в сочинской колонии ленинградцев он шел под кличкой Пивной король. Но сам пиво не пил.

Бадаев подкупал не только колоритной внешностью. И по складу характера, и по рабочей закалке, и по жизненному пути он был личностью весьма интересной. Много лет довольно близкие отношения связывали его с Лениным, особенно в те годы, когда он был большевистским депутатом в IV Государственной думе.

По скромности он не любил рассказывать о себе. Когда же товарищи упрашивали, начинались удивительные вечера воспоминаний.

Петр смирился наконец с положением больного: приезд Бадаева заметно оживил обстановку.

А в Питере тем временем уже распорядились судьбой коммуниста Смородина: Сергей Миронович Киров 7 августа 1929 года подписал решение обкома — рекомендовать Петра Ивановича Смородина первым секретарем Василеостровского райкома ВКП(б) вместо Петра Ивановича Струппе, который должен был возглавить Ленинградский облисполком. Струппе и отправил телеграмму в Сочи, известив Смородина об этом решении.

Новость упала как снег на голову в жаркий августовский день. Петр размышлял в одиночестве пять суток и ничего пока не говорил ни Бадаеву, ни другим товарищам, опасаясь, что они начнут приносить поздравления и собьют его с твердой позиции, на которой он решил держаться до конца. 14 августа он отправил Струппе большое письмо, написанное карандашом, по-видимому, в два приема. В этом документе весь Петр Смородин — и человек, сформировавшийся в грозные годы революции, и взыскательный коммунист.

«Тов. Струппе! Получил твою телеграмму. Она окончательно пришибла меня. Решительно возражаю против своей кандидатуры по следующим причинам.

Молод, как в возрастном, так и в партийном отношении, недостаточно выдержан (бывают временами заскоки). Горяч. Еще слишком мало партийного опыта работы.

Есть ряд столкновений с работниками района, которые неизбежно обострятся; не коренной василеостровец, плохо знаю предприятия района.

Абсолютно не имею никакого желания работать секретарем. Если

будут заставлять работать, так это будет работа из-под палки.

Итог: молод, мало опыта, горяч, мало выдержки, плохо знаю район, нет желания работать...»

Затем он приписал, что поправляется слабо и надо бы еще отдохнуть ему тут сверх месяца дней семь-десять.

Но дела района уже захватили его. Он спрашивал у Струппе, что нового на Васильевском острове, как идет чистка партии и перевыборы в партийных организациях. И как подписываются рабочие и служащие на третий заем индустриализации.

Возможно, Струппе написал несколько слов Алексею Егоровичу Бадаеву, чтоб тот воздействовал на строптивного Петра Смородина. Во всяком случае, разговор у них был, и старый коммунист Бадаев говорил молодому коммунисту Смородину:

— Петя, когда я выступал в IV думе, мне было столько же лет, как тебе сейчас. И неужели ты думаешь, что мне было легче, чем тебе — будущему секретарю Василеостровского района?

Что Петр думал, возвращаясь в Ленинград из Сочи, никому не известно. Только при первой же дружеской встрече с Сергеем Мироновичем Кировым он дал согласие...

Возвращаясь домой, в Ростове-на-Дону купил он газету «Молот», в ней было сообщение о трагической гибели старого друга Яна Фабрициуса. Он летел в Адлер, самолет упал в море возле Сочи. «Железный Мартын» имел возможность добраться до берега, но стал спасать женщину с ребенком: спас их, а сам погиб...

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Петр сменил Струппе, когда прошел День индустриализации. Добрый почин ленинградцев подхватила вся страна: в грандиозный воскресник 6 августа 1929 года миллионы рабочих и служащих отработали безвозмездно по шести часов каждый. Страна дала дополнительной продукции на двадцать миллионов рублей, четыре из них приходились на долю Ленинграда. Теперь надо было закреплять итоги воскресника. Рабочий класс нанес сокрушительный удар по правым оппортунистам, по маловерам и паникерам, болтавшим, что напряженный пятилетний план не по силам трудящимся. А рабочие твердо верили в победу социализма и выдвинули лозунг: «Даешь пятилетку в четыре года!»

В январе 1930 года с Васильевского острова уезжала в деревню группа рабочих в счет тех двадцати пяти тысяч, которые рекомендовал послать на организационную работу в колхоз Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года.

Сморозин собирал их, с ними беседовал. Кое-кто из них тесно еще был связан с деревней: домом, землей, хозяйством. Как-то естественно возникла мысль: а не сдать ли все это в колхоз? Такие товарищи нашлись. Они сдали скот, землю и сельскохозяйственные орудия в общественное пользование и вызвали других последовать их примеру.

Это был важный шаг в их жизни — освобождение от старых, дедовских привычек хозяйствовать единолично. И он раскрывал перед ними дорогу в партийный коллектив.

Началось это движение на Балтийском заводе. Там первая же группа отъезжающих в деревню обратилась с просьбой к коммунистам — принять их в свои ряды. Поначалу приняли в партию шесть кадровых рабочих с производственным стажем от семи до двадцати пяти лет. За ними потянулись в ряды партии другие.

Райком партии одобрил это начинание передовиков.

Собрали общезаводскую конференцию балтийцев под лозунгом: «Крепить смычку города с деревней». Открыли заседание 21 января, ровно в шесть часов пятьдесят минут, когда шесть лет назад скончался Владимир Ильич Ленин. Десять минут стояли в молчании, оркестр играл траурный марш. Потом было слово о Ленине. И сообщение, что завод посылает из двухсот записавшихся сорок пять лучших рабочих на социалистическое переустройство деревни. Выдали товарищам подарки, накормили ужином, проводили на вокзал. И уехали вчерашние балтийцы в Барнаульский округ,

прикрепив к своему вагону выразительный плакат: «Через рабочее шефство поможем превратить Сибирь из царской каторги в трудовую советскую коммуну!»

Начавшееся движение — вступление в партию два-дцатитысячников — Смородин закрепил в марте 1930 года созывом районной конференции беспартийных рабочих. И пригласил Сергея Мироновича Кирова.

Активность была очень высокая — с трибуны выступило более двадцати человек. И все развивали по-своему одну основную мысль: помогать партии в осуществлении ее великих планов!

С большой речью обратился к присутствующим Сергей Миронович. Он страстно говорил о неизбежной победе социализма, о поголовном охвате деревни колхозами в весеннюю и осеннюю кампании 1930 года, об укреплении рядов партии за счет передовых рабочих и лучших членов ВЛКСМ.

После конференции в канун XVI съезда ВКП(б) один лишь Балтийский завод передал в партию 110 лучших рабочих. Такие конференции прошли и по другим районам Ленинграда. На крупных заводах и фабриках десятки и сотни беспартийных рабочих вступили в партию.

На XVI съезде Петр Смородин был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Он вернулся из Москвы с мыслью достойно ответить на Васильевском острове на решения съезда. Со стапелей были спущены на воду два современных теплохода — «Абхазия» и «Аджария». А перед зданием райкома партии торжественно открыт памятник Владимиру Ильичу Ленину.

XVI Всесоюзная партийная конференция в апреле 1929 года приняла постановление о генеральной чистке рядов партии. Особенностью этой чистки было то, что проходила она на открытых партийных собраниях при активном участии беспартийных. Шесть тысяч собраний прошли по городу, шестьдесят пять тысяч беспартийных выступали на них. Около тысячи собраний состоялось на Васильевском острове, на многих из них присутствовал Смородин: выступал, направлял их ход, чтобы ни один чужак не остался в партии и чтобы не пострадали те товарищи, которые способны были исправить ошибки и делом доказать свою преданность партии.

В эти напряженные дни василеостровские большевики и беспартийные рабочие хорошо узнали своего секретаря. Он работал с воодушевлением, не зная усталости, доступный каждому в любой час дня и ночи. Появился и опыт, что особенно волновало его при выборах на пост

секретаря. А молодость и та самая горячность, о чем он писал недавно Струппе из Сочи, шли только на пользу. В его горячности проявлялись прекрасные качества большевика: вражда к равнодушию, казенному отношению к делу.

Да и умел он привлекать в помощь райкому своих старых друзей — людей незаурядных, выдающихся, ярких. Так, на партийный учет в районную организацию был принят командующий Ленинградским военным округом Михаил Николаевич Тухачевский. По путевкам райкома он неоднократно выступал с докладами у рабочих. Особый интерес вызывали его сообщения об укреплении противовоздушной обороны Ленинграда, о новых средствах уничтожения авиации противника на аэродромах и в воздухе, о подвижных зимних лагерях для войск.

Петр создавал партийные комитеты на крупных предприятиях района, помогал рабочим Балтийского завода вызвать на социалистическое соревнование рабочих Николаевского судостроительного завода. По его инициативе рабочие завода имени Козицкого развернули соревнование со столичным предприятием «Мосэлектрик». Все это давало благоприятные результаты: укреплялась трудовая дисциплина в цехах, заметно повышалась производительность труда. А за счет снижения себестоимости и получения прибыли появились средства, необходимые для благоустройства района.

Петр этим воспользовался немедленно. Он открыл первый в стране постоянно действующий пионерский лагерь, сумев привлечь значительные средства из директорского фонда крупнейших предприятий. Так решалась проблема отдыха и оздоровления рабочей детворы, родившейся в голодные и холодные годы революции и гражданской войны.

Затем он возвел первоклассную фабрику-кухню, в то время единственную в СССР. Это было большим подспорьем в строительстве нового быта, да и просто помогало рабочим преодолеть затруднения с продовольствием.

Наконец, он задумал сооружение грандиозного Дома культуры. Правда, об этом доме некоторое время шли споры, так как место для него было выбрано на пустыре, в отдалении от заводов и жилищ. Но Смородин настойчиво отстаивал свою идею:

— Мы совершили пролетарскую революцию, чтобы иметь возможность пользоваться всеми благами новой жизни. Мы развернем невиданное доселе строительство предприятий, жилищ, больниц, детских учреждений. И все это будем наращивать вокруг Дома культуры, который станет новым центром всего Васильевского острова. Смелее смотрите в

будущее!

Настойчивость Смородина победила. И на партийной конференции, в декабре 1931 года, уже никто не спорил с секретарем: Дом культуры поднимался, вокруг него возводились новые кварталы. Да это было и прямым ответом на обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Ко всем партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям Ленинграда о превращении города Ленина в образцовый советский город».

Сергей Миронович Киров весьма ценил деятельность Петра в этом большом районе: она была смелой и яркой. И отражала борьбу партии в годы наступления социализма по всему фронту.

Старые рабочие Васильевского острова и до сих пор сердечно вспоминают Петра Смородина. Запомнилась им коллективная поездка поздней осенью 1930 года на Волховскую гидроэлектростанцию имени Ленина. Секретарь райкома хотел наглядно показать рабочим, как осуществляется в стране великий ленинский план электрификации, как даже малейшее сбережение средств в СССР идет на развитие крупной машинной индустрии.

Василеостровцы наняли целый поезд со спальными вагонами и с двумя ресторанами. Экскурсию передовых рабочих встретил Генрих Осипович Графтио: один из пионеров советской энергетики, принимавший участие в разработке плана ГОЭЛРО, он был главным инженером строительства. Слушали его с большим вниманием. Сам Смородин впервые узнал, что именно в год его рождения русский инженер Добротворский предложил первый проект строительства станции, но его упрятали под сукно царские чиновники. В 1910 году Графтио разработал второй проект. Однако и его похоронили владельцы тепловых электростанций в Питере из-за боязни конкуренции. Только в советское время осуществилась его идея, восторженно поддержанная Владимиром Ильичем.

Рабочие с гордостью осматривали турбинный зал, распределительную подстанцию, шлюз и сливную плотину: ведь почти на всем лежал отпечаток их труда в тяжелые годы восстановления народного хозяйства.

Киров с большим интересом выслушал отчет Смородина о поездке и похвалил василеостровцев за инициативу.

СТАРШИЙ ДРУГ

В последние годы жизни Сергея Мироновича Смородин был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и руководил Выборгской партийной организацией. В это время особенно и окрепла их дружба.

Киров был для Петра эталоном человека нового мира, коммуниста, мыслителя, оратора, борца. Подвижной, на подъем легкий, доступный каждому в любой час дня и ночи, способный немедленно ехать на завод, в Академию наук, в пионерский лагерь. Но и удивительно волевой: можно было спорить в его присутствии о любом предмете, он никогда не давил инициативу товарищей, но последнее слово всегда оставалось за ним не по должности, а по силе мысли, вдохновению, по железной логике доказательств.

Так было на «Красном путиловце», где Киров состоял на партийном учете. Не клеилось дело с первыми тракторами, и у многих инженеров опустили руки: мол, где уж нам без Форда... Просто пропадем без него.

Киров высказался резко, но определенно:

— Довольно нам фордов! Учиться мы готовы хоть у самого черта, если эта учеба идет на пользу социалистическому строительству. Но кто утверждает, что победивший пролетариат не сможет научиться, ничего не сможет освоить, тот дурак или враг. А когда народ строит социализм, ни дуракам, ни врагам ходу на этой стройке давать нельзя!

Он не вылезал из завода, пока тракторы не пошли потоком на поля.

Так было в годы продовольственных трудностей, когда Киров предложил развивать в Ленинградской области зерновое хозяйство, молочное животноводство, больше сажать картофеля, овощей и всеми силами, немедленно разводить свиней.

Так было с апатитами на Кольском полуострове и с синтетическим каучуком профессора Лебедева: искали, спорили, сомневались. Приходил Киров, обстоятельно вникал в суть — решал и делал!

Этот человек — один из вождей партии — в быту и в кругу близких товарищей был на диво простой, ясный, сердечный и отходчивый. А на охоте, которой он самозабвенно отдавался в редкие часы отдыха, превращался в простого Мироныча. И беспрекословно поступал в распоряжение опытных егерей.

И Петр Смородин был под стать Сергею Мироновичу: в работе — жаркий, в спорах — смелый и даже дерзкий. С людьми не лукавил, не

хитрил, в обхождении всегда оставался доступным и чутким.

Образ его ясен из письма к Струппе. Только под нарочитой грубоватостью не удавалось ему скрыть удивительной деликатности в общении с товарищами, чуткости к их запросам и готовности почти совершенно забывать о себе, когда у других возникала нужда или горе.

Все знали, что он такой по натуре, по совести — без прикрас, открытый во всем — настоящий рабочий питерский парень с морской походкой вразвалку, в тельняшке, в синей косоворотке или свитере — смотря по сезону. Чертами крупен, с непослушной прядкой волос, часто падающей на лицо. И речь — грубовато-шутливая, добродушная, с мягкой иронией.

Сергею Мироновичу понравился этот младший товарищ. Они виделись почти каждый день: завод, обком, райком, университет, школа, новостройка. Раз в пятидневку бросали все и уезжали на базу отдыха в Пушкино, в так называемую Володарку. Сергей Миронович обычно напоминал перед выездом:

— Собери белье, Петр!

Третьим в компании был шофер Кирова. Он подвозил друзей к бане, и начиналась натуральная русская парилка с березовым веником. Нахлестывали друг друга, вовсе не считаясь с чинами и возрастом. Часто Смородин оставался и ночевать в Володарке, а то и прихватывал там выходной день. И конечно, разговоры шли по душам и обо всем, что занимало и волновало обоих.

Домой к Смородиным Киров приезжал редко, как и Петр к нему. И вообще, у этих двух друзей домашний быт был не в чести.

Но к нуждам товарищей Киров был чуток бескрайно. И когда Петр Смородин занедужил, он позвонил, что явится к нему часов в десять вечера.

Конечно, Петр обрадовался этой встрече в домашней обстановке, хотя болезнь-то была по теперешним временам пустячная: вырвали ему зуб мудрости, но три дня не могли остановить кровотечение.

Анна Петровна, как старшая в доме хозяйка, переполошилась. И спросила у сына по простоте душевной:

— А есть-то Сергей Миронович будет?

— И это спрашивает придворная кухарка господ Гардениных! Непременно будет! Он вкалывал нынче с восьми утра и, бьюсь об заклад, не держал во рту ни росинки!

— Понятно, Петька. А что он любит?

— Он же охотник, любит рябчиков с моченой брусникой, — через силу

пошутил Петр.

— Батюшки! — всплеснула руками Анна Петровна, мигом накинула платок на плечи и умчалась куда-то с корзинкой.

А к вечеру действительно были поданы на стол рябчики с моченой брусникой. И Петр, ему вдруг стало легче, со смехом рассказывал о своей выдумке, а Киров хохотал как мальчишка:

— Вот уж выдал меня за тонкого гурмана! Мне бы картошку в мундире, это ж еда богов!

Квартира Смородина на углу Большого проспекта и Шестнадцатой линии Васильевского острова произвела на Кирова в этот приезд гнетущее впечатление. Василеостровский секретарь, построивший десятки новых домов, ютился в двух маленьких комнатах: в одной он с женой, в другой — Анна Петровна с внучкой. На кухне готовила себе постель двоюродная сестра Маришка, приехавшая из Боринского. А в передней на двух креслах, когда-то присланных Кировым, безмятежно спал Маришкин брат Федька.

— Петя, так ты и живешь? — с недоумением спросил Киров, надевая тужурку над Федькиной головой.

— В лучшем виде живу, Сергей Миронович. У меня все есть!

— А Маришка с Федей? Их даже приткнуть негде. И своего письменного стола у тебя нет. Где же ты читаешь, пишешь?

— В райкоме, он рядом. И на кухне, когда все улягутся. А Маришка с Федькой — люди временные, устроятся, когда будут работать. Сейчас им отлично: тепло, светло. Другие хуже живут. Я с неделю назад был в рабочей семье с завода Козицкого: так там семь человек в одной комнате!

— Ну знаешь что, я с тобой на эту тему и говорить не хочу! — Он обратился к Елене Михайловне: — Вы позвоните мне завтра, и мы все устроим. Квартиру выберете сами. А Петру сообщите по телефону новый адрес.

Так появилась первая в жизни Смородина большая и удобная квартира на Кронверкской улице, в доме № 21. Почти рядом жил Киров, и они стали чаще встречаться вне работы. Иногда это случалось даже в третьем часу ночи. Сергей Миронович, закончив дела в Смольном, привозил Петра к себе домой, поднимался с ним в лифте на четвертый этаж, открывал дверь и зажигал все светильники.

— Киров любит свет! — говорил он, смеясь... Сергей Миронович временами страдал бессонницей.

Тогда он вырывался на несколько дней в Томилино, на базу отдыха обкома. Проходил день, и Петр получал приглашение приехать немедленно, а еще лучше с Майкой. Пока она не ходила в школу, отец брал ее всегда с

собой. Там для нее были санки и пианола, для Кирова и Смородина — лыжи и охота, хотя Петр всегда считал, что охотник из него неважнецкий.

Майя была счастливой девочкой. Души в ней не чаяла бабушка — мягкая, сердечная; любила ее мама — красивая и строгая; обожал ее умный, добрый-добрый папа. И относился к ней с лаской замечательный папин друг — Сергей Миронович.

Отец и Киров брали ее с собой на парады, на демонстрации и разговаривали с ней по-взрослому.

Как-то она очень соскучилась по отцу — он был с Кировым в Москве на Пленуме ЦК ВКП(б). И упростила шофера взять ее с собой на вокзал. Подошел поезд: в одном вагоне приехали Киров, Чудов, Позерн, Струппе, Смородин и другие ленинградские руководители.

Машина Кирова почему-то задержалась, и Петр пригласил Сергея Мироновича поехать вместе с ним.

Тронулись по Невскому, и Киров сейчас же завел разговор с девочкой:

— А что у нас нового в городе, Майя?

— Была демонстрация у вокзала, мы со школой ходили встречать безработных из-за границы. Только какие же они безработные, если одеты лучше нас?

Киров ответил не вдруг.

— Понимаешь, Маечка, их одели товарищи, когда направляли к нам. Ты будешь одета лучше их, мы с папой боремся за это!.. Ну а еще какие новости?

— До вашего отъезда ириска стоила одну копейку, а теперь две... И в школе у нас обвалился потолок в актовом зале. Константин Иванович, директор, ходил в райисполком, а ему сказали: «Ждите до весны!» А где же мы будем устраивать утренники?

Киров снова задумался.

— Это частники подняли цену на ириски. Подумать только, за ириску — две копейки! Грабеж среди бела дня! Ну скоро мы выбросим этих нэпманов из торговли...

Довезли Кирова до дома. На прощанье он сказал Смородину:

— А потолок в школе ты, Петр, поправь: это действительно непорядок, если ребятам негде собираться на утренники...

Сергей Миронович очень чутко относился к нуждам детей. Он подхватил опыт Петра в Василеостровском районе, и вскоре все крупные питерские заводы и фабрики обзавелись прекрасными пионерскими лагерями — в лесах, на берегу живописных рек и озер...

ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА

Петр Смородин был первым секретарем райкома партии на Васильевском острове, за Московской заставой, был вторым секретарем Ленинградского обкома. Но всего ярче его дарование партийного руководителя раскрылось на Выборгской стороне в 1932–1936 годах.

То было время, когда заканчивалась первая пятилетка, завершалась социалистическая реконструкция народного хозяйства и шла борьба за досрочное выполнение второй пятилетки. В этих важнейших делах партии и народа исключительная роль принадлежала районным комитетам ВКП(б). Поэтому состав секретарей райкомов в Ленинграде был сильный: П. Бушуев и В. Волцит обладали почти двадцатипятилетним опытом партийной работы; П. Смородин, С. Соболев и А. Милославский — большевики с дооктябрьским стажем; П. Низовцев — член партии с 1919 года.

Именно с их помощью Сергей Миронович Киров добивался совершенствования партийного руководства в Ленинграде: отказаться от кабинетного стиля работы, досконально знать жизнь района, руководить конкретно, доводить всякое дело до конца.

Но и среди старших своих товарищей — секретарей наибольшей популярностью в городе Ленина заметно выделялся Петр Смородин. Он обладал большим влиянием не только на дела в Выборгском районе, но и во всем городе Ленина. Объяснялось это и личными качествами Смородина: он очень смело ставил перед партийной организацией города новые практические вопросы и умел стойко держать слово. О нем говорили рабочие: «Раз Смородин сказал, так оно и будет, слово свое он сдержит!» Объяснялось это и тем, что он был широко известен как организатор питерского комсомола и как вожак РКСМ, которому посчастливилось работать несколько лет рядом с Владимиром Ильичем Лениным

Именно об эту пору Борис Чирков создал в картине Григория Козинцева и Леонида Трауберга волнующий образ большевика Максима, навеянный поколением Смородиных.

Конечно, Борис Чирков не лепил свой образ с Петра, но был вдохновлен им. Сергей Миронович Киров говорил руководителям постановочной группы:

— Присмотритесь к Смородину, самый подходящий для вас человек!

Старейшая ленинградская актриса Екатерина Павловна Корчагина-

Александровская с присущим ей юмором рассказывала Чиркову, как задумали направить Смородина за границу в составе профсоюзной делегации и он заартачился:

— Вы что? Хотите, чтоб я фрак надевал на приемах? Хвосты сзади, хризантема спереди? — и он сделал выразительный жест, словно раскидывал фракные фалды.

— Только в райком к нему не ходите, он этого не любит. И сгоряча может выставить за дверь так, что шум пойдет не только по всей Выборгской стороне, но и по городу! — шутя предупреждал Киров.

Чирков иногда направлялся по горячим следам Смородина на заводы и фабрики. Видел секретаря райкома в общении с людьми, вглядывался в его манеру говорить, ходить, одеваться.

В картине «Великий гражданин» все узнавали Кирова. В Максиме — Петра Смородина.

На просмотре первой серии в Выборгском Доме культуры старые большевики поздравляли своего Петра:

— А ведь это ты! Ну просто вылитый! Он отнекивался:

— Да не я это, а человек моего поколения. Если же из биографии что схоже, так удивительного нет: один у нас путь, на одних дрожжах замешены...

Петр был вожаком коммунистов с Выборгской стороны больше четырех лет. В то время этот район не был разделен на теперешних два — Выборгский и Калининский (ныне Красногвардейский). И район в старых границах по территории, числу рабочих, мощности промышленных предприятий, по составу научных работников и студенчества равен был крупному областному центру. Населения — триста пятнадцать тысяч человек, больше половины — рабочие и служащие. Коммунистов — двадцать четыре тысячи.

Руководить таким районом Ленинграда — дело почетное: ведь выборжцы всегда были в первых рядах в дни Великого Октября, гражданской войны и мирного строительства. Петр это понимал, гордился своим районом, но зазнайства не знал.

С его приходом в декабре 1931 года началось грандиозное переустройство коммунального хозяйства. Он вообще считал, что всякое партийное дело надо начинать с «мелочей»: жилище, продовольствие, средства сообщения, получка, мир рабочей семьи. Да и Сергей Миронович не раз говорил ленинградским большевикам: «Забудьте, что у нас есть окраина. Рабочая окраина должна быть застроена домами такими же красивыми и удобными, как и центральные улицы».

При царе Выборгская сторона была типичной окраиной фешенебельной столицы: темные, грязные, немощеные улицы, почти все дома в один-два этажа, без канализации и водопровода. Трамвай из центра ходил лишь до Финляндского вокзала. Во всем районе — две библиотеки и одно училище для взрослых. Зато много церквей и почти четыреста питейных заведений. В гражданскую войну и в годы нэпа ничего серьезного в реконструкции городского хозяйства сделать не удалось.

Все началось в годы первых пятилеток, при Смородине.

Взялись с энтузиазмом. Каждое утро Петр начинал с объезда строек: как поднимаются этажи новых домов, как мостятся улицы, как идет укладка трамвайных путей, как сооружается стадион.

Мощной строительной организации не было, малыми деньгами располагал район, плохо было с опытными кадрами: их готовили по ходу дела. Нажимали по старинке: с грабарями, грузчиками; с лопатой, ломом и мастерком. Строить было нелегко и по той причине, что плановое фондовое снабжение лишь зарождалось. Секретарю при его инициативе, изворотливости и настойчивости приходилось выбивать лес, кирпич, гвозди, стекло, кровельный материал, трубы, рельсы. Больше нужно рассчитывать на свои силы, изготавливать все необходимое на предприятиях района, хотя бы это и мешало основному производству. Петр хорошо ориентировал директоров в этом направлении:

— Послать в райисполком заявку на жилье — дело немудреное: это каждый дурак может! А нам надо строить самим. И не валить все беды на Советскую власть, и на райком в частности, а шевелить мозгами. — И добавлял: — Стройте смелее, с размахом! Но и основную программу мы с вас спросим без всякой скидки!

К речам он прибегал в крайнем случае. Он помогал: конкретно, изо дня в день. И на радость району, поднимались прямо на глазах крупные жилищные массивы: Кондратьевский, Батешгаский, Лесновский; рядом вырастали школы, больницы. И гордость выборжцев тех лет — кинотеатр «Гигант».

И уж провести Смородина, втереть ему очки не удавалось никому: на каждой стройке он сам знал не только прораба и инженера, но и всех бригадиров, и многих рабочих.

Достойна внимания такая сценка. Смородин упрекнул руководителей Металлического завода: они сдали дом с недоделками. Вроде и все готово, но окна без стекол.

— Неужели ваш завод-гигант не может срочно раздобыть несколько сот метров стекла?

Секретарь парткома Георгий Иванов бросил реплику:

— Уже застеклили, Петр Иванович!

— Да кого ж вы обманываете? Я был в доме этой ночью, там застеклены только наружные рамы. Жалкие вы очковтиратели!

Но тот же Георгий Иванов, когда Смородин перешел в Московский район, говорил летом 1936 года на XVI конференции коммунистов Выборгской стороны:

— Мы приняли район в новых границах в гораздо лучшем, более опрятном виде, чем принимал его Петр Иванович. И мы во многом ему обязаны!..

Смородин начал с благоустройства бывшей рабочей окраины. Она жила напряженной жизнью своих заводов и фабрик. И все это требовало сил, знаний и оперативного руководства. Чего только не выпускала промышленность района! Гидротурбины и паровые турбины, тысячи различных типов станков, цветной металл, дизели и двигатели внутреннего сгорания для флота, лампы для шахт и рудников, машины для обувной и табачной промышленности, коммутаторы для телефонных станций, аппаратуру для кино и фотографии, изделия для сельского хозяйства и товары широкого потребления.

Разумеется, масштабы были не теперешние. И Петр с гордостью говорил, что мощность турбин, которые выпустила Выборгская сторона в первой пятилетке, равна мощности двадцати шести Волховских гидростанций. Эти полтора миллиона киловатт составляют одну четвертую мощности теперешней Красноярской ГЭС. Да и потребление электрической энергии в самом Ленинграде возросло в сотни раз. Тогда это была очень весомая цифра.

На крупнейших предприятиях мало было хорошо подготовленных специалистов. Редко какой директор обладал дипломом инженера, а начальники цехов, мастера — почти сплошь практики. И все они брали жизненным опытом, революционным чутьем, неумемной энергией и умением опираться на массу рабочих.

Райком был очень занят делами промышленности, был как бы линзой, в которой преломлялись крупницы опыта передовых предприятий и становились достоянием всех. И коммунисты нередко удивлялись, как хватало Смородина, чтобы во все вникать — деловито, конкретно, до самых мелочей.

Конечно, один бы он не сдюжил. Были у него толковые помощники: в райкоме — Г. Иванов и Ш. Гайцхоки, А. Никитин, А. Сальковский, В. Егоров, М. Капорова, И. Гордон; в райисполкоме — И. Баранов, в райкоме

комсомола — А. Врублевский.

Он и подбирал этих товарищей, и учил их, и подправлял. И особенно указывал им, что всякие местнические настроения директоров заводов и фабрик несовместимы с интересами партии и государства.

— Понимаю, далеко не все заказы выгодны, — говорил он. — И кой-кому это обременительно. Так что же, будем держать промышленность страны на голодном пайке?

Возмущала его и такая «хитрость» некоторых директоров: двойное планирование. Они давали цехам и участкам увеличенные планы, чтобы легче было выполнить план всего предприятия.

— Должен предупредить — поймаем! — говорил он таким «дельцам». — Поймаем обязательно! Уж тогда не взыщите: не только оципем, но и обдерем!..

Вообще, он не переносил пустозвонства, бахвальства, обмана, показной шумихи.

Так было с подпиской на государственный заем. Нашлись такие, которые провели подписку до того, как было опубликовано постановление Совнаркома о займе. Секретари парткомов заводов имени Свердлова, «Светлана» и фабрики «Красная нить» получили партийные взыскания за досрочную подписку...

Выборгская сторона сегодня — уникальный комплекс предприятий, которые занимают видное место не только в Ленинграде, но и во всей стране. Во времена же Петра Смородина относительное значение промышленности района было еще выше. Ведь тогда выборжцы выполняли немалую часть работы, которая позднее отошла к Магнитке, Кузнецкому комбинату, Уралмашу, новым тракторным заводам и другим крупным очагам советской индустрии.

Поэтому трудностей было много: технических, технологических, снабженческих. И планирование производилось несовершенно. Райкому партии каждый день приходилось включаться в производственные процессы предприятий, участков, цехов, а иной раз — и отдельных заказов. Петру помогал продуманный им стиль работы: до того, как появиться в райкоме, он бывал с утра на стройках, в цехах. И не любил, чтобы с ним ездили или ходили местные руководители. Душевный разговор с рабочими раскрывал перед ним картину лучше, чем кабинетный разговор с директором.

И уж Смородин никак не мог заплутаться на любой огромной территории завода или фабрики в своем районе. А подобные случаи бывали. Об одном из них рассказывал Киров на собрании партийного

актива в Таврическом дворце, да так образно, что стены сотрясались от хохота. Журналист Семен Полесьев напомнил об этом в сборнике «Наш Миرونч».

«Сергей Миронович говорил на весьма серьезную тему — о деловитости, о конкретности руководства. Назвав директора одной из текстильных фабрик, Киров сказал, что и этот директор, конечно, не раз голосовал за «конкретное руководство». Но вот что с ним случилось недавно. Приехал на эту фабрику товарищ из вышестоящей инстанции. Директор повел его по цехам и запутался, обратно вывести не может, потому что не знает территорию своей фабрики, отсиживаясь в кабинете. Вот вам и «конкретное руководство»!»

Петр Иванович неоднократно напоминал об этом случае инструкторам райкома:

— Идите по заводу с раскрытыми глазами и все берите на заметку, чтоб подхватить лучший опыт, рассказать о нем в районе и осудить недостатки, которые мешают делу. Наши зримые ориентиры: передовой цех предприятия, образцовая чистота и хорошее освещение у рабочего места, бесперебойная подача инструмента, образцовая техника безопасности. Но никогда не забывайте, что есть и другие памятные места: кучи мусора, как при погроме, груды металла, ржавеющего под открытым небом, плохой обед в столовой, клопы в рабочем общежитии. Никогда не затеряйтесь в цехе, если придете к людям с чистым сердцем, без равнодушия: научитесь у них новому и смело осудите то, что мешает работе!..

— Он все знает в районе! — не без гордости говорили рабочие о секретаре райкома. И они правильно понимали, что это был Кировский стиль руководства.

Для секретаря райкома очень важной всегда оставалась и внутрипартийная работа: вопросы организационные, пропагандистские, агитационно-массовые, подбор и воспитание кадров, руководство профсоюзами и комсомолом.

Эти дела решались ежедневно не только в райкоме, а и на предприятиях. Вряд ли кто из секретарей так часто бывал на партийных собраниях заводов, цехов и групп. В цехах он не сидел почетным гостем и не заключал прений как лицо руководящее. Он задавал вопросы, бросал реплики, брал слово по ходу обсуждения и никогда не давил своим авторитетом: был товарищем среди равных себе. А на многочисленных заводских собраниях всегда старался быть незамеченным дольше: садился позади, слушал, запоминал. Конечно, его быстро водворяли в президиум.

Но ему очень нравилось, когда он мог спокойно посидеть «на задворках». И доставляло истинное удовольствие собирать у себя в кабинете низовой партийный актив. Долго он мог говорить с товарищами обо всем: как работают, что читают, где учатся, как вовлекают в общественную жизнь беспартийных; каковы их материальные и бытовые условия, как дела в семье.

Память работала прекрасно. Он помнил на заводах токарей, слесарей, шлифовщиков, печатников, красильщиков. Без бумажки он называл их фамилии, говорил об их нуждах и заботах.

Бывало следствием разговора с людьми всякое. Как-то пришла работница с жалобой на мужа: пьет, получку домой не носит, а коммунист. Петр в тот же день поехал на завод, нашел выпивоху, увез его после работы с собой, возил его, возил и что-то сказал такое, что перестал человек пить. И жена его потом разводила руками от удивления:

— Ну и человек Петр Иванович! Один раз душу перед ним раскрыла, и гляди-ка: муж трезвехонек, и вся получка дома!

Не оставлял он людей, которые во время чистки партии в 1933 году были переведены из членов партии в кандидаты, из кандидатов в сочувствующие. Он однажды собрал их, чтобы выяснить: не бросили ли их коммунисты, помогают ли им возратить честной работой высокое звание члена партии?

Как выяснилось, многие сделали для себя правильные выводы, работают с огоньком и партийные организации им помогают. Но нашелся один, который примирился с переводом в кандидаты. Сам не учился и не думал об авангардной роли большевиков на производстве.

Петр в науку другим дерзко отыгрался на нем:

— Фамилия у тебя Гусев. Ты и есть гусь лапчатый, а не кандидат партии! Да разве можно быть среди беспартийных товарищей таким слепым котенком?..

Всю жизнь Смородин был массовиком в самом лучшем значении этого слова.

Выступал он однажды на собрании, где шел разговор о перестройке руководства промышленностью. Большинство директоров поняло задачу правильно, но нашлись и такие, что шли наперекос. Петр сейчас же прибег к аналогии:

— Это как на Васильевском острове. Там двадцать шесть линий, и все прямые, а двадцать седьмая — Косая!..

Иосиф Гордон, воспоминания которого частично отражены в этой главе, рассказал, как Смородин «перетягивал» его к себе в район, сначала

секретарем парткома на заводе имени Карла Маркса, затем членом бюро райкома партии.

Гордон работал инструктором горкома, в орготделе. Петр иногда заходил туда: отдохнуть, побалагурить. И всегда оказывался в центре внимания, но свою линию гнул: подтрунивал над должностью инструктора:

— Так, братцы, если бы мне предоставили свободный выбор профессии, я бы пошел на одну из должностей: лесной объездчик, смотритель маяка. Или... инструктор горкома.

И в шутливых тонах рисовал прелести таких должностей: тишина, покой, никаких заседаний, газетчики не донимают. И — никакой критики!

На всех собраниях он призывал рабочих чаще ходить в театр. Следил за тем, кому на заводах попадают билеты. В те времена билеты закупались за счет фондов предприятия. И предназначались передовикам производства, как скромная культурная премия. Но всякие лентяи в фабкоммах, маленькие бюрократы в дирекции отдавали почти половину билетов конторским служащим. Гневен был Смородин, когда узнавал об этом. Ведь даже такая «мелочь», как билет, приобретала политическое значение. И уж после его вмешательства в театры стали ходить только передовые рабочие.

При нем достраивался Выборгский Дом культуры, и он приложил много сил, чтоб ходили туда рабочие с семьями. Он выделил специальное крыло в доме для детей. Пока родители слушали концерты, лекции — научные, о международном положении, о литературе, — перед детьми выступали сказочники, артисты театров и цирка.

Он открыл в доме кафе, где подавали самовар, кофе, вино и пиво. Водка исключалась. Часто он сживал в кругу старых товарищей, вспоминая о былом и строя планы на будущее...

Самозабвенно любил он литературу. Когда Зинаида Николаевна Немцова переехала в Ленинград и стала работать в недавно открытом втузе на Металлическом заводе, Петр позвонил ей, чтоб она не прозевала подписаться на Стендаля:

— Я уже прочитал его вещи о любви, итальянские очерки. Тебе это будет интересно!

Появилась у него устойчивая привязанность к Пушкину, Лермонтову, Кольцову. А «Холстомера» Толстого он знал наизусть. Читал медленно, шевеля губами, но зрительная память была такой острой, что через несколько недель ясно видел он каждую страницу и немедленно находил нужный текст.

Он всегда призывал рабочих не забывать о выдающихся памятниках

русской литературы, читать современные романы, стихи, повести, очерки.

На одном из совещаний подали ему записку: «Товарищ Петя Смородин! Ты упрекаешь нас, что мы мало читаем. А сам-то ты читал доклад Максима Горького на съезде писателей? Смирнов».

— Я готов поклясться перед товарищами, что не только доклад Горького читал, но и выступления Федина, Толстого и других писателей. Художественную литературу читаю каждый день. У меня время занято не меньше, чем у вас. Так прихватываю по ночам — часов до трех, четырех.

Больше десяти лет назад Александр Безыменский писал о нем в своей поэме:

*День перегруженный, плотный
Не утомляет Петра.
Дома он часто охотно
С книгой сидит до утра...*

Таким он и остался до конца дней. Только в одном уже не был прав поэт: утомлялся Петр, и на пороге сорокалетия ночные бдения были ему нелегки.

Отвечая на записку Смирнова, он сказал и еще: приходится читать не только то, к чему душа лежит, но и по долгу службы. Вот вышла большая книга автора, работающего в районе. В ней шестьсот страниц.

— В другое бы время я просмотрел ее мельком — и отложил: не понравилась. А просидел над ней весь выходной день. Вижу, что автора надо подправить, поругать. Для этого необходима аргументация, разбор каждой страницы. Так и делаю, сижу выходной. А ведь у меня, как и у каждого из вас, семья: жена, дочь, мать. И они требуют внимания. Конечно, можно бы ограничиться отрицательными рецензиями критиков. Но я привык судить о том, что сам знаю. Вот когда прочитаешь книгу да составишь о ней мнение, тогда можно поглядеть, что о ней написали другие... И вам это советую от всей души!

Библиотека у Петра росла. И сам он покупал новинки, и многие авторы дарили ему свои произведения. И не было случая, чтобы Смородин уклонился от разговора с автором, который хотел бы слышать мнение о своей работе.

— Да, жизнь не стоит на месте, — часто резюмировал Петр. — Задачи усложняются, требования возрастают, и, кто не хочет отставать, должен постоянно повышать уровень своих знаний — политических,

общекультурных, специальных. Знания эти нужны не для самоуслаждения — вот, мол, какой я развитой, образованный человек, — а для практической деятельности, чтобы быть на высоте все усложняющихся жизненных, партийных задач.

Доставалось от него плохим пропагандистам, которые не умели вести занятия живо и политически актуально, и с неприязнью относился к тем, кто простое, доходчивое слово агитатора старался заменить нагромождением цитат.

— Цитаты прочитать легче всего. Ошибки не сделаешь, в уклон не завернешь, глупости не отмочишь. Здорово, коротко и ясно! А своего ума и знания дела не обнаружишь!

И уж Смородина, читающего доклад по бумажке, не видел никто.

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ

Никогда не забывал Смородин о молодежи, всегда старался передать ей душевный порыв своего сердца. Круг ее интересов, добрый производственный почин в социалистическом соревновании, получка, общежитие, отдых — все было в поле его зрения. Да и один он из секретарей райкомов бегал в Кавголово с молодежью на лыжах.

По давней привычке бывали у него краснофлотцы с Балтики. И тогда начинались приятные воспоминания о днях минувших. Леонид Ольберт рассказал об одной такой встрече.

Когда комсомол стал шефствовать над флотом, Петр Смородин побывал на кораблях Балтфлота. И с неудовольствием заметил, что ребята хлебают щи из одной большой миски по команде боцмана. Это напомнило ему обеды и ужины в Боринском, где без команды деда никто не мог тянуться к миске.

Цекамол собрал средства, и каждому краснофлотцу дали отдельную тарелку.

«Теперь не хлебаете из одной миски вшестером?» — допытывался Петр. И остался доволен, что почин Цекамола не прошел даром.

Вспомнили, как немецкие комсомольцы прислали на флот бритвы, помазки и чашечки для бритья.

— Я тогда говорил командованию флотом, чтоб все подарки дошли до моряков, не прилипли к чужим рукам.

Когда открывали кинотеатр «Гигант», вспомнили о народном почине: субботники, воскресники, добрая инициатива масс, особенно молодежи. И Петр говорил, как это важно: «Миром взялись, миром построили, миром отдыхаем!»

Так было и на Васильевском острове, когда задумали первую в стране фабрику-кухню. Народ с большой охотой ходил на субботники, многие отработали безвозмездно десятки, даже сотни часов. Так строился Дворец культуры на Васильевском острове. Петр только подбадривал: «Для себя же делаем, братцы!» И Киров не зря говорил, когда открывали дворец: «Надо было иметь упорство и целеустремленность Смородина, чтобы в такие краткие сроки воздвигнуть этот Дворец культуры, который в памяти василеостровцев останется навсегда как детище Смородина!..»

С молодежью были и другие дела. Петр всегда подчеркивал огромное значение спорта и военно-патриотического воспитания. И однажды узнал,

что группа молодых рабочих с завода «Красная заря» задумала совершить рекордный пеший переход Ленинград — Хабаровск: выйти из красного Питера в день Первомая 1935 года прямо с Дворцовой площади, встретить на Амуре восемнадцатую годовщину Великого Октября.

Пришли ребята к Смородину: Ананьев, Чистяков, Васильев, Бринчанинов и Носов. Разговор был дружеский, серьезный: показать пример физической выносливости и моральной стойкости, преодолеть за весну и лето восемь тысяч восемьсот сорок километров и остаться в Хабаровске, чтобы служить в Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии у прославленного командира Василия Блюхера. Петр загорелся мыслью ребят:

— За мной инструктор, с которым зимой проведете подготовку, начальник команды и полная экипировка!

Он слово сдержал. Под командой Евгения Иванова в день Первомая группа прошла мимо трибуны на Дворцовой площади и зашагала в Хабаровск.

Ребята писали Петру открытки с дороги, на карте в своем кабинете он отмечал их путь. К середине сентября было пройдено уже семь тысяч километров: парни миновали Иркутск. И вдруг пришла ужасная весть: на берегу озера Байкал группа шла по полотну железной дороги — другого пути не было. Из-за крутого поворота в горах ее настиг поезд. Три комсомольца — Васильев, Бринчанинов и Носов — были задавлены насмерть. Весь район тяжело переживал утрату товарищей, Смородин послал оставшимся сердечную телеграмму.

Тройка нашла в себе силы двигаться дальше и 7 ноября подошла к праздничной трибуне в Хабаровске, передала Блюхеру рапорт о завершении похода.

Чистякова и Ананьева зачислили в армию. И в один из дней ноября они вместе с Ивановым вернулись домой в краткосрочный отпуск. Смородин встретил их на вокзале, устроил для них обед. Долго расспрашивал, с чем и с кем встречались они на пути за эти полгода, удачна ли была экипировка. И пожелал им отличной службы в Красной Армии. Они показали себя геройски в дни великих испытаний; они погибли в боях — один во время финской кампании, другой — в борьбе с гитлеровскими захватчиками...

У молодежи Выборгской стороны много было славных дел в годы первой пятилетки: производственные конкурсы, переклички, ударные группы, рационализаторские ядра.

Молодые рабочие писали в своей газете «Смена»: «Мы будем работать

так, чтобы вытравить проклятое правило: «Каждый — за себя, один бог — за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью.

Мы будем работать так, чтобы внедрить в сознание привычку, в повседневный обиход масс правило: «Все — за одного и один — за всех».

Так говорил Ленин, и мы будем, мы должны, мы обязаны работать так, а не иначе...»

Все это стало предысторией социалистического соревнования, всколыхнувшего всю страну.

20 января 1929 года «Правда» опубликовала статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?». В ней шла речь об огромном значении соревнования для выявления резервов, таящихся в недрах социалистического строя, проявления способностей и талантов, которых в народе непочатый родник и «...которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами». ^[27]

Молодой бригадир обрубщиков коммунист Путин с «Красного выборжца» в ответ на статью вместе с товарищами составил первый в истории бригадный договор о социалистическом соревновании, где заявили о своем обязательстве: снизить расценки на десять процентов, поднять производительность труда. Они сейчас же вызвали на соревнование другие бригады. А 5 марта 1929 года через «Правду» вызвали на соревнование-переключку за снижение себестоимости предприятия промышленности цветных металлов и другие заводы и фабрики страны. Так родилось Всесоюзное социалистическое соревнование и ярким пламенем осветило хозяйственный почин молодых рабочих с «Красного выборжца».

Выборгская комсомолка встала и у истоков движения ударников первой пятилетки. Еще летом 1928 года сорок девять молодых работниц с фабрики «Равенство» создали ударную бригаду, одну из первых в стране, и движение ударников развернулось повсеместно.

В ходе этого движения зародился в ноябре 1929 года всенародный лозунг: «Пятилетку — в четыре года!» И развернула крылья «легкая кавалерия» комсомола: она боролась с теми, кто мешал соревнованию, кто срывал творческий почин изобретателей и рационализаторов.

Когда Смородин появился на Выборгской стороне, на машиностроительном заводе имени Карла Маркса возник первый встречный план. Основная цель его — превысить задания пятилетки, выполнить ее в четыре года! Петр Иванович с размахом старого комсомольского вожака поддержал этот почин и перекинул его на все предприятия района. Тотчас выборжцев поддержали в Нарвском районе и за Невской заставой.

С именем Смородина связано на Выборгской стороне движение за перевод молодежных бригад на хозяйственный расчет, движение бригад под лозунгом «Догнать и перегнать!». Их задача состояла в том, чтобы действительно догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по показателям работы и помочь стране избавиться от иностранной зависимости в области техники. Почин начали василеостровцы, на заводе имени Козицкого. Он перекинулся к путиловцам, к выборжцам, где был выражен очень ярко. На бывшем «Фениксе» (теперь завод имени Свердлова) были освоены более двадцати типов металлорежущих станков, на Металлическом заводе — уникальные турбины.

Молодежь активно помогала райкому партии разрабатывать и вводить на предприятиях технический, промышленный и финансовый план (техпромфинплан). Начали это движение на заводе «Светлана». Интересно отметить, что разработали его сами рабочие с участием инженеров и техников. Они обнаружили скрытые резервы, обсудили на своих собраниях достижения новаторов производства, определили более высокие нормы выработки на каждом рабочем месте. Это было поистине хозяйское отношение рабочих завода к большому кругу вопросов: к материально-техническому снабжению, к фонду заработной платы, к численности рабочих на том или ином участке. Словом, рабочие нашли путь к планированию, к строгому выполнению планов по кварталам, к экономии средств. И определили, кто и где будет учиться, чтобы повысить свою квалификацию.

Смородин поддержал светлановцев. Он видел, что техпромфинплан поднимает социалистическое соревнование на более высокую ступень, он помогает развернуть политическую и техническую учебу и добиться значительной рационализации производства. И Киров живо отметил это начинание завода «Светлана» и на заседании бюро обкома бросил лозунг: «Техпромфинплан — это кусок социализма!»

Но не все на предприятиях Выборгской стороны подхватили почин светлановцев. И на пленуме райкома Смородин резко сказал директорам отстающих заводов и фабрик:

— Кто мешает вам вводить этот техпромфинплан? Недостаточное знание производства — раз; консерватизм ваш — два; бюрократизм — три; неповоротливость — четыре и оппортунизм — пять. Больше вам никто мешать не может!

Постепенно техпромфинплан начал действовать на всех предприятиях. И это помогло выполнить пятилетний план в районе досрочно.

Первую пятилетку в стране выполнили за четыре года и три месяца,

ленинградцы — за три года. А такие предприятия города Ленина, как «Электрик», «Севкабель» и заводы Выборгской стороны — «Красная заря» и «Светлана», — всего за два года и шесть месяцев...

ЗАБОТА О СЧАСТЛИВОЙ СМЕНЕ

Дети всегда были любовью Петра. Он был в той шеренге руководителей, которые прекрасно видели в детворе наше будущее. Он активно боролся с детской беспризорностью. Перед ним № мая 1922 года под дробный стук барабана прошел по Красной площади первый отряд юных ленинцев столицы — пятьдесят два красногалстучных пионера с Красной Пресни.

В новинку было то, что пионеры пришли приветствовать XV районную конференцию коммунистов Выборгской стороны. Й Смородин отметил это в заключительном слове:

— Вчера приходили пионеры, и я видел, как у вас на глазах навернулись слезы. И не потому, что у нас глаза не на том месте, и не потому, что поддались истерике. Просто потому, что мы видели совершенно новое, выросшее в советских условиях поколение — здоровое, радостное, счастливое! Значит, не зря мы боролись! И это новое поколение хорошо завершит начатое нами дело. Скажем так: плакали мы от радости. Есть у нас смена. И вырастет она более культурной и сознательной, чем мы с вами.

Работу с детьми он ставил широко. По его почину профсоюзные организации района начали проводить собрания родителей, где педагоги и врачи вели беседы, как воспитывать детей в семье. Иногда Петр приглашал на беседу таких крупных ученых, как организатор первых в России внешкольных учреждений Станислав Теофилович Шацкий: он подробно рассказывал о своих книгах «Годы исканий» и «Изучение жизни и участие в ней».

На станции Сиверской Смородин открыл первый в стране постоянный пионерский лагерь. Он часто ездил туда, то один, то с директорами заводов, то с Сергеем Мироновичем, и всегда обращался к ребятам с теплым словом.

Руководителей фабрик и заводов он стал прихватывать с собой после их беседы с Сергеем Мироновичем. Об этом сохранились записи директора Металлического завода Ивана Николаевича Пенкина.

«Однажды Киров спросил у директоров:

— Бываете вы в пионерских лагерях?

— Бываем.

— А что вы там делаете?

— Проверяем, стараемся устранить недостатки. Сергей Миронович усмехнулся:

— Иной директор приедет в пионерский лагерь, ходит как чинуша, обследует... А вы ведь едете к детям... Не грешно, если и подарки с собой привезете, обрадуете детей.

Через несколько дней мы большой группой выехали в Толмачево, где находились пионерские лагеря ряда предприятий Выборгского района, в том числе и нашего Металлического завода. Выехал с нами и секретарь райкома партии Петр Смородин. Мы захватили с собой сладости и другие подарки. Ребята были очень довольны, и нам самим поездка доставила много радости».

В этом деле Петр всегда оставался комсомольцем. И очень нервничал, когда после парадного открытия лагеря начинались там неполадки. Он старался нагрянуть туда неожиданно, привозил в райком доказательства бесхозяйственности директора и вожатых: какие-то погнутые ложки, которые неведомым путем оказались у ребят, порванные, грязные простыни. И тогда секретарю райкома комсомола Врублевскому доставалось на орехи.

Однажды он собрался в Островский лагерь. Там услышали краем уха, что он приедет, объявили аврал: привели в порядок территорию, даже дорожки посыпали золотистым песком.

У первого же мальчишки он спросил:

— Всегда у вас так чисто?

— Да нет. Сказали, что приедет Смородин, вот мы три дня и приводили в порядок лагерь.

Был классический разгон директору и вожатым:

— Бросьте разводиться эти потемкинские деревни! Вы же воспитываете из детей подхалимов. А это самое страшное. Не можете содержать лагерь в порядке, так и признайтесь. Найдутся люди более достойные!

О нем говорили, что у него, как и у Кирова, нет двух карманов — один для себя, другой — для партии. Рабочие кое-что дарили ему в праздники, все подарки тотчас же оказывались у детей. Умельцы с Металлического завода в юбилей Октября преподнесли ему в подарок оригинальный шахматный столик: на нем после каждого хода вспыхивала лампочка. Столик был отправлен в Дом пионеров и школьников Выборгского района.

ДОМА

Он не сюсюкал в разговорах с детьми, говорил им суровую правду и умел прощать разные их шалости. Все это прежде всего раскрывалось в отношениях с дочерью.

Майе в первый школьный год снизили оценку по поведению.

Учительница — Мария Ефимовна Андрианова — пригласила Смородина в школу. Он не смог приехать, послал за ней машину, попросил ее на чашку чая к себе домой. Они чаевничали, беседовали. Петр слушал о проделках дочери, глаза у него блестели.

— Понимаете, Мария Ефимовна, есть в детях что-то такое, о чем мы, старшие, забываем. Я недавно выступал с докладом на заводе Карла Маркса. После моего доклада было объявлено кино. Я стоял не на сцене, а впритык к первому ряду, занятому подростками. Разговор, естественно, затянулся. Тогда один мальчишка — курносый, в веснушках, с озорными глазами — украдкой дернул меня за штанину.

«Ты что?» — удивился я.

«Кончай, дядя, пора картину показывать!..»

Конечно, я ему сказал пару слов. Скажу и Майе.

Мария Ефимовна поняла, что разговор о шалостях его дочери окончен: Смородин не бросал слов на ветер.

Отец никогда не ругал дочку, лишь изредка внушал, что настоящий человек начинается с дисциплины. В школе заведен порядок, иногда он может и не нравиться, но нарушать его негоже.

— И давай договоримся: больше на тебя жаловаться не будут. Я не хотел бы за тебя краснеть!

Этого оказалось достаточно.

Девочку он любил строго и нежно. И она отвечала ему со всем пылом своих детских чувств. Видела она его редко. Но уж когда он бывал дома не ночью, одаривал ее вниманием, лаской. Он был ей как старший друг — с лукавой иронией, за которой угадывалось заботливое отношение.

Киров прозвал Майю «личным секретарем» Петра.

— Звоню Смородину домой. Подходит девица и выпаливает скороговоркой: «Отец спит, мама в университете, бабушка на кухне. До свидания!» И повесила трубку. Вот бы мне такого «секретаря»!

В свободные часы любил Смородин мастерить дома. Осталась у него добрая рабочая привычка: руки требовали занятий. У Майи были кой-какие

вещицы хохломской работы, отец восстанавливал их, подклеивал. Жили-то, в общем, небогато: на жалованье отца. Потребовался как-то новый столик на кухню, купили самоделку на Андреевском рынке у плотника. Отец сам его покрасил.

— Я и о тебе не забыл! — сказал он Майе. И отделал под слоновую кость ее деревянную кровать, детский столик и табуретки к нему.

Почти ежегодно ездили отдыхать на курорт: чаще — на Кавказ, реже — в Крым. Когда же Петр не поддавался уговорам жены, проводили отдых под Ленинградом, где он очень любил собирать грибы, забавные корни, из которых мастерил смешных человечков и диковинных зверей, ягоды или листья. Уходил в лес обычно в трусах, в старых сандалиях, в кепке, непременно один. Но вообще-то, без дочери никогда не трогался с места — в отпуск или при вылазке за город.

В тот суматошный вечер, когда предстояло ехать в Кисловодск, Майя обварилась кипятком. Торопились на вокзал, Майя раньше бабушки оказалась на кухне, где кипел фронтальной чайник отца — помятый с боков, без ручки: ее заменяла толстая проволока, обмотанная тряпкой. Девочка встала на табурет, сняла чайник. И — ошпарила ноги.

До поезда оставалось всего два часа. Мать ни за что не хотела брать дочку, бабушка — туда же. Петр заявил:

— Без Майки — ни шагу! Сдадим билеты и путевки, останемся дома. А если едем, я ее выхожу!

На больших станциях носил он девочку в медицинские пункты — делать примочки, перевязки. Не отходил от нее в Кисловодске. И через десять дней она уже гоняла с мячом в парке.

Бабушка переживала страшно. Ее успокаивали открытками, фотографиями. Она писала: «Берегите дите, как бы опять чего не вышло», потому что повидала она с внучкой горя: та дважды ломала руку, вывихивала колено, прибегала домой со шрамами, но не ревела. И Анна Петровна удивлялась сверх меры:

— Петь, да в кого ж Майка такая деревянная?

— Наша порода — боринская, дюжовская: в огне не горит, в воде не тонет. Для жизни это совсем неплохо!..

И слово перед девочкой отец держал всегда. В один из вечеров что-то случилось с его машиной, и он опаздывал в Смольный, к Кирову. Оставался один выход — бежать к трамваю. А там Петр обыскал все карманы, монеты на билет не оказалось. Спасибо, выручил знакомый рабочий.

Дома он об этом рассказывал потешно. Майя спросила:

— А если я найду?

— Деньги будут твои.

Она перебрала в его карманах все удостоверения и в одном из них обнаружила десятирублевую бумажку.

— Эти деньги Майкины, таков был уговор! — сказал Петр Иванович.

На другой день она пошла с бабушкой в магазин и купила прекрасную персианку с закрывающимися глазами...

Майя Петровна вспоминает, как шофер Костя Носин подбил все семейство Смородиных ловить раков сеткой. Анна Петровна достала протухшее мясо, и рано утром тронулись на Карельский перешеек. С рачевней ничего не получилось. Отец стал таскать раков руками и только покряхтывал, когда они больно цеплялись клешней.

— Давай, Костя, давай! — подбадривал он шофера. — Пусть кусают, а ты не бойся!

Любил Петр бильярд и играл отлично. Умел играть в шахматы. Дока был в игре в городки. И красиво играл в волейбол — непременно в берете, чтоб не мешал чуб.

Любил и лихую езду на своем новом «бьюике», и шофер Костя вполне отвечал его вкусам. Правда, на него находило: любил он спиртное. Тогда все грехи сваливались на машину: то карбюратор плох, то надо менять скат.

Петр отчитывал его немилосердно. Досужие люди советовали ему заменить Костю более надежным шофером. Он отнекивался, берег его, жалел: ведь у человека двое детей. И когда у Кости обострилась язва желудка, увез его с собой в Кисловодск. Старый Константин Иванович Носин недавно говорил мне:

— Не видал я больше такого человека. Он блестит перед глазами, как золотая монета! Вечная слава Петру Ивановичу!

Елена Михайловна училась в Ленинградском государственном университете на географическом факультете. Петр охотно поощрял ее желание стать специалистом, научным работником.

Она старалась глубже войти в духовный мир мужа, читала черновики его докладов, подготовленные к большим собраниям, конференциям. Подбирала ему кое-что из художественной литературы, аннотировала интересные статьи из журналов. Ей были во многом обязаны муж и дочь, когда выезжали на курорты. Да и круг людей, бывавших в доме, в какой-то мере определялся ею.

Часто у Смородиных бывали люди театра, журналисты, профессора. Ближе всех была Екатерина Павловна Корчагина-Александровская. Петр в ней души не чаял и звал ее просто тетя Катя. Это была актриса от бога: отличного стиля и широчайшего диапазона. Она играла и непутевых

комических старух, и героинь драматического плана. А когда вжилась в роль старой большевички Клары в пьесе Афиногенова «Страх», театр был потрясен: после ее монолога весь зал на премьере запел «Интернационал». Сергей Миронович говорил Петру: «Замечательная актриса! Она сумела найти в нас, большевиках, правдивые, простые, человеческие черты!»

Как только появлялась она у Смородиных — одна или с дочерью Екатериной Владимировной, — все окрашивалось мягким юмором: великой мастерицей была Екатерина Павловна, когда представляла в лицах знакомых актеров, рассказывала были и небылицы из старого провинциального театрального быта...

Часто бывала молодая, талантливая, остроумная актриса Наталья Сергеевна Рашевская — дочь царского адмирала, погибшего в японскую войну. Строгие товарищи злословили: «Ну и знакомые у тебя, Петр Иванович!» Он же очень ценил талант Рашевской и принимал ее с радостью. Да и она была женой Станислава Адамовича Мессинга — старого приятеля Петра: они сдружились еще в те годы, когда Мессинг работал в Петроградской ЧК, а затем в Ленинградском губкоме партии. Поддерживал Петр и старые отношения с фронтовыми товарищами — актерами Мгебровым и Чекан. И с большим кругом актеров кино, с которыми встречался на просмотрах картин в студии «Ленфильм».

Заходили в гости и старые мастеровые. С ними Петр забивал «козла» в домино.

Изредка, когда выдавался у мужа свободный вечер, Елена Михайловна увлекала его в оперу, в концерты, особенно когда дирижировал Фриц Штидри. Прекрасные минуты переживал Петр, слушая произведения Бетховена или Вагнера. Но, верный себе, не уходил от шутки:

— Хорош Вагнер, слов нет! Но зачем же шесть актов? Ей-богу, длинновато!

Старался Смородин не пропускать концертов талантливых зарубежных артистов. Очень любил дирижера Отто Клемперера.

Смородин помог Леониду Утесову, защитил его от нападок. И однажды — демонстративно для критиков, которые рьяно громили джаз, — пригласил его с оркестром на вечер, посвященный закрытию партийной конференции. Кстати, с того вечера вошла в репертуар оркестра одна из популярнейших современных песен «Полюшко-поле».

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ОБРАЗ

Много было людей, общение с которыми приносило радость. Но ближе всех был Киров: товарищ, друг, наставник. Таким и запечатлелся образ Мироныча в сознании Смородина.

Старые большевики Питера помнят их частые встречи. Об одной из них рассказала и Майя Петровна. Они ехали в Володарку, что расположена рядом с Детским Селом. Мужчины разговаривали, мало обращая внимания на девочку. Киров сказал:

— В Москве считают, что ты уже сделал свое дело в Питере по разгрому оппозиции и по благоустройству Выборгской стороны. Сталин звонил мне. Он предлагает тебе пост наркома коммунального хозяйства.

Петр долго молчал. Потом сказал:

— Не поеду я, Сергей Миронович! Там надо сидеть в кабинете, я для этого не гожусь. Мне бы с народом, в самой гуще. Дай прикипел я сердцем к Питеру. Вы это знаете!

— Ну пока я здесь, ты будешь в Ленинграде!..

Все ли было безоблачно в их отношениях? Почти. Иногда Сергей Миронович наводил критику и в адрес друга.

Одно время в городе начались перебои с овощами: в области был неурожай, из южных и западных районов задержались с подвозкой. Киров сформулировал решение бюро обкома: всем первым секретарям срочно выехать за пределы области, подтолкнуть заготовителей. На долго Смородина выпал белорусский картофель.

Петр заявил:

— Не поеду! Решение бюро вымученное. На кой хрен существуют хозяйственники, если они не справляются с обычным делом? Да и не могу я сейчас оставить район.

Киров ответил резко:

— А с каких это пор снабжение рабочего класса перестало быть делом партии? Ехать всем!..

Смородин приехал домой хмурым. Долго не мог заснуть. Поздно вечером позвонил Киров.

— Как Петя?

— Спит, — ответила Елена Михайловна.

— Тогда не будите его.

Утром Петр позвонил Сергею Мироновичу — не мог он быть в ссоре с

ним:

— Вы правы, Мироныч, дело это наше. Я устал, был раздражен. Да и простыл, немного болею. Поеду, как поправлюсь.

Через десять дней он вернулся из Минска, следом за ним шли эшелоны с картофелем...

До половины февраля 1934 года Киров и Смородин были с ленинградской делегацией в Москве на XVII съезде партии. Съезд встретил Кирова овацией: так выросла в стране его слава стойкого коммунистического деятеля и трибуна. И ленинградцы с гордостью отмечали, что их Мироныч стал любимцем партии.

ВЫСТРЕЛ ВРАГА В СМОЛЬНОМ

И вот уже 1 декабря 1934 года. Обычный пасмурный зимний день. И день страшный — в Смольном подлой рукой врага убит Киров...

Партийные и комсомольские активисты города Ленина в пятом часу дня 1 декабря забили до отказа огромный круглый зал бывшей Государственной думы в Таврическом дворце.

Передние кресла были отданы старшим. Молодежь сбилась кучками поодаль — ребята из Нарвского, Невского, Выборгского, Петроградского, Московского и Василеостровского районов. Шутили, смеялись, под сводами стоял невообразимый звонкий гул. Но все посматривали на часы. Сейчас они пробьют пять, стремительно выйдет к трибуне Сергей Миронович Киров — минута в минуту. И зал не дыша будет слушать самого яркого оратора партии.

Но пробило пять. Киров не вышел. Стали переглядываться в президиуме Борис Позерн, Петр Струппе, Михаил Чудов, Петр Смородин.

Прошло еще минут пять. Позерна вызвали за сцену. Его не было долго, и в президиум полетели записки: «Где Киров?» На них никто не отвечал.

Борис Павлович Позерн, шатаясь и тряся головой, еле добрался до товарищей и что-то шепнул им. На миг они окаменели. Потом Смородин схватился за голову и, повалив стул, выбежал за сцену. Струппе комкал черную бороду. Чудов поднес к глазам носовой платок.

Борис Павлович потянулся к звонку дрожащей рукой. И не своим громовым баритоном, а приглушенно, по-стариковски, еле сдерживая рыдания, сказал:

— Дорогие товарищи! Сергей Миронович не придет. Собрание отменяется.

— Почему?

— Что случилось?! — слышались тревожные голоса. Позерн махнул рукой, опустился в кресло и зарыдал...

ДРУГ РАБОЧИХ

Жизнь Петра Ивановича Смородина надломилась.

Все товарищи понимали, что затаенная грусть и безмерная печаль сковали его по рукам: не слышали от него более ни озорной шутки, ни острой поговорки.

Почти весь 1935 год шла огромная по масштабу проверка партийных документов. Бюро райкома заседало через день до трех-четырёх часов ночи, решая судьбы тысяч коммунистов.

В первую годовщину смерти Кирова Петр Иванович напечатал в «Ленинградской правде» статью «Друг рабочих». Во всем оставался верен себе вожак большевиков Выборгской стороны и выбрал самую сокровенную для себя тему — преданность старшего друга могучему рабочему классу.

«Рабочие Выборгской стороны хорошо знали и сердечно любили Сергея Мироновича, — писал он. — И Мироныч лично знал очень многих рабочих. А когда в великие пролетарские праздники колонна Выборгского района проходила мимо трибуны, улыбающийся Мироныч по имени приветствовал знакомых товарищей, и это приветствие было горячим и крепким, как дружеское рукопожатие.

Рабочие Металлического завода никогда не забудут, какое большое участие принимал Сергей Миронович в ответственном и сложном деле выпуска первых советских турбин...

Приемка турбины — это ответственный и тревожный момент. В напряженном молчании прислушиваются рабочие к первому биению сердца мощной машины, инженеры и мастера следят за тем, как увеличивается число оборотов, — у каждого одна мысль, одна забота. И Сергей Миронович, охваченный общей тревогой, стоит вместе со всеми у испытательного стенда.

Но вот все быстрей работает турбина; работает ровно, без перебоев, у людей проясняются лица, и к Сергею Мироновичу начинают подбегать рабочие: «Идет хорошо, Сергей Миронович, все будет в порядке»,

Мастер турбинного отделения Тимофеев как-то сказал товарищу Кирову о том, что существует способ проверки исправности турбины — надо на самый верх турбины поставить на ребро пятак. Если монета при полном ходе машины не падает от сотрясения — значит, машина работает хорошо, без перебоев. И с тех пор Сергей Миронович, приезжая на

приемку, всегда говорил: «А ну перестаньте определять «на глазок» — поставьте лучше на турбину пяточок».

Горячо любивший жизнь Мироныч прямо расцветал, когда видел наших здоровых, молодых, крепких ребят. На том же Металлическом заводе в обеденный перерыв молодежь играла на дворе в волейбол. Киров остановился, долго смотрел и сказал: «Думал ли кто-нибудь раньше о том, что можно так веселиться на заводе? Хорошая молодежь, радостная у них жизнь и работа».

Киров любил людей. Он радовался их успехам, поднимал, поддерживал тех, кто своей работой помогал нашему государству. И недаром к Кирову обращались заводские изобретатели и рационализаторы — он интересовался их работой, расспрашивал, советовал. Не забывал этих людей и, приехав на завод, интересовался, как продвинулась их работа..

Была у Кирова одна замечательная особенность в подходе к рабочим — он всегда показывал им их работу в перспективе ее развития. Говоря о тракторных частях, о турбинах, об оборонных заказах, он всегда умел показать, какое значение имеет эта вещь для всей страны в целом и для каждого в отдельности. Он учил нас через детали и машины, которые производит рабочий, раскрывать перед ним его роль в строительстве социализма, в обороне страны, в укреплении нашей социалистической Родины».

КОНЕЦ...

В апреле 1936 года Выборгская сторона разделилась на два района: Красногвардейский и Выборгский. Город сильно вырос за годы индустриализации, и новое районирование стало разумной мерой. Андрей Жданов, прибывший в Ленинград после смерти Кирова, настоял, чтобы Смородин стал первым секретарем в Московском районе.

Петр Иванович пришел на XVI районную партийную конференцию как почетный гость: проститься с выборгскими большевиками. Попросили его выступить. Он сказал кратко и заключил речь словами:

— Я четыре года и четыре месяца работал с вами рука об руку. Худо ли, плохо ли — судить не мне. — И под смех делегатов добавил: — Помоему, чуть-чуть подходяще!

Гордону пришлось держать ответное слово. Он был стеснен присутствием Смородина, но удачно выразил мысль всего зала: выборгцы могут гордиться тем, что у них был такой достойный руководитель. И напомнил слова, сказанные однажды Кировым: «Дело наше, товарищи, непобедимо не только потому, что у нас великая армия строителей, но и потому, что мы строим по плану такого архитектора, который не собьется с правильной исторической дороги, наш архитектор — это наша непобедимая большевистская партия, вооруженная ленинизмом!..»

Ровно через год Петр Иванович уехал из города Ленина: 13 сентября 1937 года его избрали первым секретарем Сталинградского обкома ВКП(б). Вскоре переехала в Сталинград и его семья.

Положение в областной и городской организациях партии было напряженное, особенно с кадрами.

Собственно, с этого и начал Петр Иванович работу в Сталинграде. Секретаря райкома партии Федорова, переведенного из Рудни в Урюпинск, оклеветали в руднянской районной газете.

Федоров, когда его кандидатуру выдвинули на пост урюпинского секретаря, дал себе отвод и уехал в Сталинград к Смородину.

Районное партийное собрание шло в Урюпинске почти неделю: один из «активистов» требовал распустить весь райком, обвинив всех его членов в политической неблагонадежности.

Это было чрезвычайное происшествие, с каким Смородину еще не приходилось сталкиваться. И он направил в Урюпинск заведующего отделом агитации и пропаганды обкома партии Сергея Алексеевича

Краснова.

— Я не могу поверить, — сказал он ему в напутствие, — что роспуска райкома с такой формулировкой требует подлинный большевик, ленинец. Всего вернее, что это типичный карьерист или приспособленец. Поезжай, Краснов, разберись обстоятельно. А тому крикливому типу задай от моего имени только один вопрос: из какой партии он переметнулся к большевикам?

Краснов так и сделал. И тотчас же понял, что интуиция не обманула Смородина. Районное собрание заявило единодушно:

— Так он эсер, кто этого не знает!

Собрание вступило в нормальную фазу. Крикливый тип, пытаясь удержаться в партии, сделал поворот на 180 градусов и снял свое предложение о роспуске райкома. Но это не спасло его от заслуженной кары. Федорова оставил Смородин работать в Сталинграде, в областном земельном отделе. Некоторое время спустя он снова перешел на партийную работу в одном из сельских районов области...

В январе 1938 года Смородин был на пленуме ЦК ВКП(б) в Москве.

Докладывая о решении пленума ЦК на заседании обкома, Петр Иванович особенно подчеркнул свою заветную мысль: партийная душа должна быть во всем на первом месте! — и подробно остановился на главных задачах партийной организации области: беспощадно бить карьеристов, которые клеветают на членов партии; внимательно разбираться во всех обстоятельствах дела любого коммуниста, на которого пало подозрение; всегда думать о том, что даже исключенного из партии человека нельзя снимать с должности и лишать работы, пока не рассмотрена его апелляция.

После январского пленума ЦК ВКП(б) значительно оздоровилась вся партийная деятельность в городе и на селе, оживились все формы работы советских органов, профсоюзов и комсомола.

Интересной и важной была большая речь Петра Ивановича весной 1938 года на городской партийной конференции, где его избрали и первым секретарем Сталинградского горкома ВКП(б).

Началось смелое выдвижение на ответственную работу новых людей; 263 человека пришли к руководству в низовых партийных органах, 64 товарища выдвинуты в горком и в райкомы партии. Снова начала расти городская организация: принято в ее ряды почти 650 человек, из них две трети — рабочие. Комсомолу уделено много внимания, и организация ВЛКСМ росла успешно: она увеличилась на одну треть — на 7500 членов. И уже более 1000 комсомольцев рекомендованы в партию.

Много сил было отдано подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Обком сколотил из активистов большую группу квалифицированных агитаторов, обязал всех секретарей горкома и райкомов выступать на всех предприятиях, во всех колхозах области. Очень был удовлетворен Петр Иванович, когда узнал, что секретари сельских райкомов побывали с докладами даже в самых глубинных колхозах.

Верный себе, говорил он об этом с хорошей долей юмора:

— Вот некоторые секретари прямо говорят о себе — сидим, говорят, по пяти лет в районах, а в ряде колхозов и хуторов не бывали. И только выборная кампания заставила их побывать в этих колхозах и хуторах.

Петра Ивановича выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР рабочие тракторного завода, работницы швейной фабрики имени 8 марта, студенты и преподаватели педагогического института, воины гарнизона, многие районные собрания колхозных избирателей.

Часто он выступал на предвыборных собраниях. И непременно выделяли в его речах четыре важнейших аспекта: не притупляйте бдительности, мы живем в окружении враждебно настроенных к нам стран; смелее выдвигайте к руководству новые, молодые кадры — они наше будущее; превращайте такой пролетарский центр, как Сталинград, в ведущую силу хозяйственной и политической жизни области; отдавайте больше сил организации агитаторов, чтобы выборы показали всему миру, как морально и политически сплочен наш народ вокруг героической партии большевиков.

С комсомольским задором, весело, остроумно выступал он в привычной юношеской среде — у молодых избирателей города Сталинграда. Только он был смущен приемом: молодежь встретила и проводила бурной овацией.

Он объяснил юношам и девушкам, почему у него есть такая заветная мысль: «Партийная душа должна быть во всем на первом месте». Только член партии Ленина способен сконцентрировать до предела все силы ума и сердца для окончательной победы рабочего класса на земном шаре. Только с неугасимым факелом ленинизма можно прийти к окончательной победе социализма. А чтобы быть человеку с душой коммуниста, ленинца, и иметь право вести за собой товарищей, во всем надо быть примером: на работе, в общении с людьми, в семье, в буднях быта, в учебе, в выполнении долга по защите Родины. Стать ленинцем можно только в совместном труде с рабочими и крестьянами, овладевая всепобеждающим учением Маркса — Энгельса — Ленина.

Он закончил речь пламенным призывом:

— Будьте бесстрашными, отважными, мужественными борцами социалистической революции! Отдавайте все свои силы, всю свою молодость революции! Теснее сплывайтесь под знаменем партии большевиков!

Его забросали вопросами: как он создавал комсомол? Как воевал под красным Питером?

— Вот здесь говорили о моей работе, о моей роли в организации комсомола, об участии в гражданской войне. На все это я могу ответить и заявить одно: я сын партии. Меня партия воспитывала и выращивала, и эта партия поручила мне в свое время организовывать комсомол. Создавая кружки молодежи и организуя молодежь в Ленинграде, я только выполнял поручения нашей партии, выполнял обязанности члена партии...

После успешного проведения выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года и после пленума ЦК ВКП(б) в январе 1938 года многосторонней и ярче развернулась работа в партийных организациях.

Сморозин уделял много внимания работе крупнейших предприятий Сталинграда — завода тракторного и завода «Красный Октябрь». В пору, когда бряцали оружием германские и итальянские фашисты и шла кровопролитная гражданская война в Испании, эти предприятия города приобретали очень важное значение. Но работали они с перебоями.

Тракторный завод до приезда Петра Ивановича особенно переживал кризис с кадрами. Это сказывалось на ходе выполнения производственной программы.

В 1937 году завод обязался выпустить 14 775 тракторов, а с его конвейера сошло лишь 1005 машин, то есть чуть больше семи процентов намеченного плана. Сотни колхозов остались на голодном пайке.

С таким положением мириться было нельзя. И по опыту старшего своего друга, Сергея Мироновича Кирова, Смородин стал дневать и ночевать на заводе. Он созывал совещания в дирекции, проводил летучки в цехах; иногда обедал в заводской столовой, и вокруг него собирались старые и молодые рабочие, с которыми шел краткий деловой разговор; он крепко подхлестывал газетчиков, чтобы они оперативнее и ярче освещали выполнение плана каждой бригадой и шире освещали ход социалистического соревнования. Он нередко встречал выходящие из цеха новые машины, а когда они задерживались, ловил себя на мысли: взять бы в руки инструмент да послесарить, как на фабрике Шапльгина в давние годы. Но ведь за плечами был у него не один тракторный завод, а и огромная область на правом берегу Волги.

К Первомаю 1938 года тракторный завод почти вышел из прорыва. Он

задолжал стране только пятьсот машин. Однако рабочие приняли обязательство перекрыть норму в первом полугодии.

Завод «Красный Октябрь» работал более ритмично. К Первомаю была выполнена программа, получена прибыль в сумме пятнадцати миллионов рублей. И в обстановке праздничного подъема Смородин вручил коллективу переходящее Красное знамя наркомата и ВЦСПС.

Обком сделал резкий поворот в сторону коммунального хозяйства города. Как и в свое время на Васильевском острове, и на Выборгской стороне Ленинграда начался массовый поход за благоустройство. Возведение домов для рабочих, прокладка водопровода и канализации, устройство дорог и тротуаров, озеленение береговой цолосы у Волги, открытие новых трамвайных и автобусных линий — эти дела были все время в поле зрения и обкома, и горкома партии. В 1937 году с большим трудом ввели в строй 19 тысяч квадратных метров жилья, на 1938 год наметили резкий скачок — увеличить новый жилищный фонд в четыре с лишним раза, сдать 80 тысяч квадратных метров. И почти половина его уже была заселена к Первомаю.

В июне 1938 года Смородин был отозван в Москву. Его жизнь трагически оборвалась в 1939 году в результате необоснованных обвинений, выдвинутых против него.

Где бы ни работал Смородин, куда бы ни посылала его партия — организатором ли молодежи Петроградской стороны, накануне Великого Октября, комиссаром ли полка в годы гражданской войны, первым секретарем ЦК комсомола, секретарем райкома или обкома партии, — он всегда оставался коммунистом-ленинцем.

Имя Петра Смородина, славного вожака Ленинского комсомола, деятельного участника строительства социализма, навсегда вошло в историю комсомола, в историю нашей страны.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.И. СМОРОДИНА

1897, 10 февраля — В селе Боринском Задонского уезда Воронежской губернии родился Петр Иванович Смородин.

1911 — Смородин определился учеником слесаря-инструментальщика на завод Шаплыгина в Санкт-Петербурге.

1916 — Смородин создал по указанию большевиков подпольный кружок рабочей молодежи на Петроградской стороне.

1917, май — Смородин вступил в члены РСДРП (б).

1917 — Смородин — председатель Союза социалистической рабочей молодежи на Петроградской стороне.

1918–1919 — Смородин — комиссар 49-го стрелкового полка и председатель Гдовского уездного комитета РКП (б),

1920–1921 — Смородин — член бюро, затем секретарь Петроградского губернского комитета РКСМ и член губкома РКП (б).

1921, ноябрь — 1924, июль — Смородин — секретарь ЦК РКСМ.

1924, июль — 1928, январь — Смородин — слушатель курсов марксизма при Коммунистической академии.

1928, сентябрь — 1929, декабрь — Смородин — заведующий орготделом Василеостровского райкома ВКП(б) в Ленинграде.

1929, декабрь — 1931, декабрь — Смородин — первый секретарь Василеостровского райкома ВКП(б).

1931, декабрь — 1936, июнь — Смородин — первый секретарь Выборгского райкома ВКП(б).

1936, июнь — 1937, август — Смородин — первый секретарь Московского райкома ВКП(б) Ленинграда.

1937, сентябрь -1938, июнь — Смородин — секретарь Сталинградского областного комитета ВКП(б).

1939, 25 февраля — Кончина П. И. Смородина.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 34, 35, 40, 43, 44.
- Н.К. Крупская, О коммунистическом воспитании. М, «Молодая гвардия», 1956.
- «История КПСС», т. III, книга 2. М., 1968.
- «II и III Петроградские общегородские конференции большевиков в июле — октябре 1917 года». Документы. Л., 1927.
- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953.
- «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. Л., 1962.
- «Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ». Л., 1969.
- «Герои Октября». Биографии, тт. 1 и 2. Л., 1967.
- «История гражданской войны в СССР», т. IV. М., 1959.
- «Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий». Л., 1957.
- «Наш Мироныч». Сборник. Л., 1969.
- «Молодежь в революции». Сборники № 1 и 2. Л., 1931, 1932.
- «Ленинское поколение». Сборник. Л., 1924.
- «На большевистском пути». Сборник. Л., 1932.
- «Всходы». Сборник. Л., 1928.
- «Великий друг молодежи». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1969.
- «Ленинский комсомол». Очерки по истории ВЛКСМ. М., «Молодая гвардия», 1969.
- «Товарищ комсомол». Документы, т. I. М., «Молодая гвардия», 1969.
- «О комсомоле и молодежи». Сборник. М., «Молодая гвардия», 1970.
- «Революционный держите шаг». Сборники № 1 и 2. М., «Молодая гвардия», 1968, 1970.
- «Юный пролетарий», журнал за 1918 год.
- Н. Анов, Выборгская сторона. Алма-Ата, 1970.
- А. Ацаркин, Под большевистское знамя. Л., 1958.
- А. Ацаркин, Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. М., 1965.
- Е. Герр, Питерская комсомолия. «Звезда», № 10, 1958.
- А. Дорохов, В школе революции. Л., 1931.
- А. Дорохов, Молодежь революции. «Новый мир», 1968, № 10.
- М. Жив, В. Куликов, Рождение комсомола М.-Л., 1933.
- В. Зубков, Г. Меркурьев, Традиции зовут вперед. Л... 1958.
- Н. Кондратьев, Ян Фабрициус. М., 1957.

- Б. Метлицкий, Один день в Петрограде. Л., 1967.
- А. Мильчаков, Первое десятилетие. М., «Молодая гвардия», 1965.
- Ф. Самойлов, Вася Алексеев. Л., 1968.
- М. Скородников, Александр Кастанович Скороходов. Л., 1965.
- В. Сорокин, Первые батальоны. Л., 1931.
- В. Сулемов, Союз молодых борцов. М., «Молодая гвардия». 1971.
- А. Трайнин, Партия большевиков — руководитель революционного движения рабочей молодежи в 1917 году. Краснодар. 1965.
- Н. Трущенко, Ленинские принципы руководства комсомолом и борьба РКП (б) за их осуществление и развитие (1918–1920 гг.). М., МГУ, 1968.
- И. Гордон, Руководитель ленинской школы. Рукопись. Л., 1970.
- Центральный архив ВЛКСМ, фонды 1917, 1921–1924 гг.
- Ленинградский партархив, фонды 2, К-601, 4000,
-
-

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 36, стр. 6.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 51.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 34, стр. 230.

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 216.

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 25.

В.И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 41, стр. 235.

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 317.

Т а м же, стр. 305.

Там же, стр. 307.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 42, стр. 30.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 41, стр. 307.

Т а м же, стр. 316–317.

Там же, стр. 309, 313

В.И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 41, стр. 308

Там же, стр. 316.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 43, стр. 85.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 607.

«КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 640, 641.

В.И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 45, стр. 112.

Там же, стр. 98.

Т ам же, стр. 118.

Там же, стр. 136–137.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 45, стр. 277. 170

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 219

«КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I. М., Госполит-издат, 1953, стр. 782.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.